

[Polaris]

Анатолий ЭЛЬСНЕР

ГРОЗНЫЙ ГРАД

Собрание сочинений

Том III

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CCCIX

Salamandra P.V.V.

АНАТОЛИЙ ЭЛЬСНЕР

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Том III

**Анатолий
ЭЛЬСНЕР**

ГРОЗНЫЙ ИДОЛ
или
СТРОИТЕЛИ АДА НА ЗЕМЛЕ

Социальный роман

Собрание сочинений
Том III

Salamandra P.V.V.

Эльснер А. О.

Грозный идол, или Строители ада на Земле: Социальный роман (Собрание сочинений. Т. III). — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2019. — 212 с. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CCCIX).

Роман «Грозный идол, или Строители ада на земле» продолжает в серии «Polaris» впервые издающееся собрание сочинений А. О. Эльснера (1856 — после 1916), забытого прозаика, поэта, драматурга и автора фантастических и мистических романов.

«Грозный идол» — история фантастической анархо-религиозной общины Зеленый Рай. Благодаря заговору кучки убийц и жаждущих власти психопатов это царство счастливых людей вырождается в ад на земле, наполненный кровавыми оргиями. Роман А. Эльснера — одновременно и антиутопия, и непосредственный предшественник таких произведений о фантастических сектах, как «Серебряный голубь» А. Белого и «Пламень» П. Карпова.

**ГРОЗНЫЙ ИДОЛ,
или
СТОИТЕЛИ АДА НА ЗЕМЛЕ**

Социальный роман

„Грозный Идолъ“

— И Л И —

Строители ада на земль.

Социальный романъ

Анатолія Эльснера.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія „Т-ва Айдерсона и Лойцяского“, Вознесен. пр., 53.
1907.

ПРОЛОГ

Деревня Зеленый Рай находилась в исключительных, чрезвычайно благоприятных условиях. Расположенная в горах Кавказа над берегом беспредельного Каспийского моря — с одной стороны, и девственными сосновыми лесами, шелестящими в голубом воздухе своими зелеными куполами — с другой, она в полном смысле слова могла называться маленьким раем посреди необъятного ада, названного Россией. Существование этого рая так и осталось неизвестным как для местных губернских властей, так и для администраторов, заседающих в Петербурге, — отцов нашего народа, — управляющих Россией с помощью земских начальников и полицейских властей. Никогда еще ни один полицейский чин не появлялся в Зеленом Райке, и это было такое счастье, что, казалось, рука Всевышнего охраняла этот уголок от злого духа. В том, что Зеленый Рай не был известен властям, не было ничего удивительного: Кавказ со временем своего покорения, наводняясь чиновниками — по городам, на своих горах и в особенности вдоль Каспийского моря сохраняет свое девственное величие, и есть места, на которых как бы запечатлен «перст Божий»; ничья еще нога не оскверняла их... Зеленый Рай стал образовываться лет восемьдесят назад, и первые его создатели были два брата-каторжника, сумевшие убежать, с помощью своих жен, из острога. Такое начало, по мнению благомыслящего читателя, не обещало ничего хорошего, но я позволю себе заметить только одно: если бы дьявол пожелал делать «печати Каина» на лбу братоубийц и самых отъявленных негодяев, то он бы и здесь сплутовал: негодяям позволил бы продолжать заседать на своих бархатных креслах, а печатью своей стал бы клеймить «простых сердцем».

Два брата-каторжника, на ногах которых кандалы были разломаны их женами, днем скрывались в лесах, а ночью совершали свой путь по звездам от Воронежской губернии к Дону и далее на юго-восток. Днем их охраняли женщины, а ночью — глубокая тьма, и, благодаря этим покровите-

лям, братья-каторжники, после долгого странствования, увидели себя посреди гор и лесов девственно-величественного Кавказа. Радость и веселье наполнили их ожесточившиеся сердца, и что может показаться удивительным, вместе с чувством свободы и сознанием, что здесь, посреди природы, на них не смотрят ничьи коварные, подозрительные глаза, за исключением разве милосердного ока Господа Саваофа, глядящего с небес, в их собственных глазах начали светиться умиление и доброта, между тем как прежде из этих же глаз сверкали ненависть, ожесточение и злоба. Здесь, посреди необъятного храма природы, в их сердцах совершилось чудо: как бы какой-то ангел, сбрасывая с себя цепи, которыми был обвит по распоряжению властей, поднимался из глубины их существа радостный и лучезарный, и им казалось, что он шепчет: «Неправда, что вы злодеи и изверги, и верьте, что вы созданы для мира, любви и счастья, но невежды, не умея управлять людьми, били вас плетьями и гнали вас напрасно, и тогда в ожесточении вы взяли нож в руку, не понимая, что делаете: вы мстили за поругание ваших священных прав человека».

Путешествие, однако же, было длинным и изнурительным, так как, опасаясь погони, они избирали самые дикие места, где не было человека, переходили высокие горы, опускались в долины и блуждали по почти непроходимым лесам. Уходя все дальше, они хотели отыскать совершенно безлюдное место и там, на лоне природы, заняться обработкой земли, никому за нее не платя ни копейки, потому что единственный собственник ее — Бог, а с Ним, если и надо вести какие-либо счеты, то, во всяком случае, не денежные. Я не думаю, чтобы они были правы, потому что все самостоятельно исходящее из мужицкой головы — преступление и вздор, а из привилегированных голов бюрократов — светлые, падающие, как Божия роса, освежающая землю, идеи, но они, не понимая этой истины, вообразили, что могут поселиться на кусочке этой чудной пустой земли, не ведя никаких счетов с полицейскими чинами, а обращаясь с молитвой к Богу и платя Ему своей горячей благодарностью и слезами радости. Невежественные люди! — они

не знали, что сам апостол Павел учил повиноваться земным властям и, вообще, всякий россиянин должен знать, что устами каждого земского начальника говорит Сам Бог, а потому сколько у нас стражников и всякого иного начальства на Руси, столько и богов: молись кому хочешь, лишь бы была бы охота, да сердце чистое, а они уже позаботятся о тебе. Сомневаться в этом совершенное преступление и потому еще, что «ни один волос не упадет без воли Божией», а если это так, то только негодяй может не понимать, что без одобрения небес ни одна березовая лоза не упадала на спины серой Божией скотины — мужика.

— Какой рай вокруг, какой рай! — воскликнул раз старший брат-каторжник Демьян в то время, когда они стояли на вершине высокой горы.

Демьян был человек низенький, широкоплечий, с большой головой, на которой росли густые, черные волосы. Спускаясь книзу на висках, они сменялись такой же черной бородой, которая окружала его лицо с выразительными большими глазами, высоким лбом и орлиным носом. Другой беглый каторжник, Осип, был высокий человек, голубоглазый, с бледным лицом, окруженным светлыми волосами. Одеты они были в изорванные толстые рубахи, с серыми арестантскими шапками на головах, их жены — молодые бабенки — смотрели на них радостно и с любовью. Природа действовала на всех, наполняя их сердца весельем и заставляя забыть их мучительное прошлое.

Они долго стояли молча — то озирая окрестные виды, то устремляя взоры в голубое небо.

Внизу под ними на необъятном пространстве расстилались зеленые холмы, возносясь кверху своими куполами и кое-где чередуясь с гигантскими горами, которые гордо возносились к небу своими вершинами, подобно великанам посреди зеленых, резвых детей. Где-то внизу шумел водопад, в то время как сверху слышались крики орлов, пролетающих под голубым небом на распластавшихся неподвижных крыльях. На востоке виднелась полоска Каспийского моря, казавшаяся гигантским блюдом из голубого хрусталия.

— Да, рай, — ответил Осип. — Смотришь и так легко на душе. Чуется, что здесь один Господь над нами, да Его ангелы, может, пролетают, и дела им нет, что мы беглые каторжники и... без паспортов.

— Это по людским понятиям — каторжники, а для Бога все равно — что каторжник, что губернатор: у того-то на душе, может быть, столько грязи, что и лопатой не снимешь, а у нас поменьше... Нас сковывали цепями, да вот расковались они, а по-правильному рассудить, то есть цепь одна для всех людей: кует ее дьявол в аду из злейших скорпионов самых черных грехов, и кого крепче оплетает ею — губернатора ли или мужика, — об этом не думаем. Ну, ладно, были острожниками и конец: здесь мы вольные люди, и на этой вот горе я самый первый дворянин после Адама.

С последним словом он выставил ногу, подбоченился и со смеющимся лицом начал поглядывать вокруг себя гордыми глазами.

Все засмеялись.

— Первые вы дворяне оба, — заговорила жена Демьяна, весело посмеиваясь, — а мы, значит, дворянки будем.

— А мне хочется плясать — ай-люли! — воскликнула другая бабенка и, ударив в ладоши, завертелась на месте.

— Стойте вы, бабы!

Женщины остановились.

Осип стоял с серьезным лицом, держась пальцами за кончик своей длинной бороды, и задумчиво проговорил:

— Это ты правильно: посреди этого Божьего храма мы — свободные люди, цари, как и эти вот птицы, что парят над нами...

Он указал на орлов.

— Только долго ли будет так? Это первая дума, от которой ум мутится... А вторая вот какая: надо нам отыскать что ни на есть пустое место, где нога не ступала бы человека, и поселиться там. Бог поможет — волк не съест и полицейский не прицепится, потому что его не будет там. Жить же мы будем в мире и любви не по человеческим правилам, а по правде Божией, и станем мы землю обрабатывать от зари до зари в поте лица, как и сказано в книгах святых: «Че-

ловек в поте лица ешь хлеб свой». Надеюсь я, Бог прострет над нами руку Свою и спасет нас и от гадины злой, и от лесного зверя, и, что опаснее всех лютых зверей, — от человека недоброго, который прицепится: дайте паспорт, а у нас его нет. Поживем, и дети у нас будут, а потом...

Он остановился с видом смущения, глядя на Демьяна, так как последний неожиданно захотел.

— Что смеешься-то? Разве я несуразное что сказал?

— Расписал больно уже, вот мне и смешно стало, — проговорил старший брат своим басистым голосом, весело смеющимися глазами глядя на Осипа. — Вот и наши бабы смеются.

Действительно, обе женщины, взявшись за руки, подплясывая и ласковыми глазами поглядывая на Осипа, с неудержимой веселостью звонко хохотали.

— Ну, что гогочете вы, бабы! — воскликнул Осип.

— Да вот рожать много придется нам по твоему рецепту, — ответила его жена, не переставая хохотать. — Думаю, что ни год, то двойней или тройней придется рассыпываться, потому ты, чаю, целое царство хочешь основать.

— Бабы — дуры, не смотри на них, Осип. Что куры кудахтают, что бабы смеются — все одно. Я же вот что тебе отвечу на твои слова: бежать нам еще далее ни к чему, потому и тут пустыня, паспортов, значит, и не потребуют... Селись, где хочешь, работай над землей, она Божья... Будем хлеб есть от трудов своих, а бабы детей рождать, чего лучше...

— А если нас по загривку, да плетьми, как беглых... что тогда! — воскликнул Осип дрогнувшим от волнения голосом, и слова, сказанные им, были так ужасны, что женщины, как бы сразу похолодев, неподвижно уставили на него свои испуганные глаза.

— Плетьми! Ну, брат, шутки шутишь. Теперь я прямо ножом в самое сердце...

Демьян грозно посмотрел на брата, черные глаза его сверкнули и в руках блеснул нож.

— Оставь эту штукку, спрячь ее, с ней всегда плохо, и пока в руках она, от беды к другой будешь переходить.

Говоря все это, Осип заставил брата спрятать его нож и

продолжал:

— Лучше уйти нам, где нет никого, кроме зверя, чем с человеком войну вести. Здесь не так уж пусто, как ты гадал, вон, смотри...

Осип указал рукой на высокую отвесную скалу. Внизу зияла пропасть, а над нею по узенькой площадке, между скалой и пропастью, тянулись один за другим несколько всадников в папахах, бурках и с ружьями на спине.

Все стояли с устремленными на них одновременно с любопытством и испугом глазами, а Демьян даже с восторгом.

— Ловкие, черти! Почти что висит над бездной, а смотри, сидит на коне царем каким.

— Вот так и чудится, что стражники с нашего села Кулаки, и схватят нас, и к земскому отведут, и пропадай головушка моя, — испуганно проговорила жена Демьяна,

— Баба — дура. Стражник — христопродаец, холоп и куриная душа, а это — орлы... разбойники, — это вот вернее будет.

Проговорив это, Демьян снова стал любоваться видом всадников, лошади которых спокойно ступали по краю отвеса.

— Коли разбойники, то уже не так страшно... — начала было его жена, но Осип решительно проговорил:

— Идем дальше искать места, где не ступала бы нога человеческая. В пустыню пойдем, и пустыня одна нам ответит, клейменым людям: мир вам.

С последним словом Осип двинулся вперед и за ним его брат и женщины.

Прошло несколько дней.

Солнце начало уже падать куда-то за горы, оставляя на небе огненно-красный круг, когда два каторжника и их жены подымались по крутой горе к вершине. Гигантские дубы, кипарисы, чинары — все эти деревья возносились высоко кверху, образуя в вышине ярко-зеленые купола, а внизу было свободно, как среди зеленых коридоров. Было так тихо, что звуки от падающих желудей раздавались, как удары свинцовых пуль. Изредка раздавался шум крыльев пролетающих фазанов, и потом снова все замирало, пока какой-ни-

будь зверь не нарушал его шумом ломаемых им ветвей.

— Замаялась, — сказала жена Осипа, приостанавливаясь на месте. — Ишь, горища какая, словно к небу подымает нас...

— И хорошо, — шутливо отозвался Осип, — на небе паспорта не спросят. Думаю я, что это настоящая пустыня и есть, где до Бога близко, а до земных чертей далеко.

Демьян захохотал.

— Да ты доберись сначала до вершины-то. Может, и там лес или вершина такая, что только орлам летать: так как же пахать землю-то будем...

Осип молчал, но не прошло и нескольких минут, как все они внезапно остановились, пораженные открывшейся их глазам картиной.

Вершина горы, на которую они взошли, представляла ровную площадь, покрытую бархатисто-зеленым ковром. За этой площадкой гора шла пологими уступами книзу, наподобие гигантской вечнозеленой лестницы, созданной для восхождения вестников, воспевающих хвалу Богу. В самом низу, подползая одна за другой, с тихим ропотом ударяли о берег прозрачно-зеленоватые волны беспредельного Каспийского моря. Где-то в необозримой дали как бы падал в море огненно-красный шар солнца, набрасывающий на море золотисто-багрянную ризу.

Каторжники и их жены неподвижно стояли на месте, пораженные открывшейся им картиной и испытывая какой-то молитвенный восторг. Вдруг Осип, опускаясь на колени, воскликнул с необыкновенной уверенностью:

— Это место нам дал Бог — нам и нашим детям и внукам, ибо этот зеленый рай — пустыня, в которую еще не вступала нога человеческая. Станьте все на колени.

Голос Осипа звучал величественной силой и потому женщины сейчас же упали на колени, а старший брат опустился медленно, борясь со своим самолюбием.

— Обещайтесь — в поте лица возделывать хлеб ваш, и все, что даст нам эта земля.

— Обещаемся.

— Обещайтесь жить в мире и согласии, как меж собой,

так и в будущем, когда будут у нас дети и внуки; искать одной правды, не обижать ни малого, ни большого, не подымать руки на бессильного или женщину, больше всего слушаться совести своей, и она одна будет для нас и наших внуков царицей в белом ангельском уборе.

— Согласны.

— Обещайтесь за себя и внуков ваших, что отрекаетесь от прежнего мира, где за деньги распинается истина и совесть, как когда-то Христос был распят, где бедняка щелкают кнутом за каждый неверный шаг, а перед богатым разбойником рассыпают, как бисер, льстивые слова...

— Обещаемся, — воскликнули женщины.

— Да будет он проклят... этот мир! — вскричал Демьян, и глаза его сверкнули.

— Потише, брат мой. Мы в храме Бога не проклинаять должны, а понимать и очищаться.

Проговорив все это тихо и кротко, Осип опять возвысил голос:

— Обещайтесь Бога иметь, Который на небе, и другого в сердце — чистую совесть. Только этих богов чтите больше, потому что, когда совесть чиста, то лик Бога отразится в ней, как ваше лицо — в ясной воде, и глас Его услышите в сердце. Не говорите никогда, что не видите Его: Он в глубине существа вашего, а когда не увидите Его в себе, знайте — Он отошел от вас, и тогда падите на лицо свое и смотрите в свою совесть — чиста ли она. Вот все боги наши, а других, с бородами, и усами, и алмазами нам не надобно, ибо среди многих богов потеряете себя и станете думать, как католики: святой Бонифаций, я вот сотню рублей выложил для тебя, а все нет мне радости видеть, чтобы Вакула разорился; так я вот выложу для Пахомия двести и он сведет судорогой руки и ноги Вакулы. Великое кощунство это и великая глупость — рисовать на дереве богов. Аминь.

— Аминь, — возгласили женщины и Демьян, и все поднялись с колен.

Они долго стояли, не двигаясь, очарованные величием окружающего и потрясенные клятвой, данной ими всеми. В голове Демьяна проходили даже такие мысли: «Ишь, мой

младший брат как заговорил — церковник и начетчик. Откуда это в нем — сила такая? Вот и мои колени словно сами подогнулись, хотя не по нраву мне смирение этакое, но здесь и взаправду словно в храме Божьем. Много крови на душе моей, убитые мелькают перед глазами — так послушаюсь Осипа, хоть он и младший брат, ничего: буду смотреть в совесть свою, и здесь в пустыне, может, и вправду найду счастье и мир».

Пока он так думал, женщины и Осип стояли неподвижно, охваченные как бы какой-то молитвенной радостью, и все смотрели на горизонт, где солнце падало в море: им казалось, что Сам Бог погружает его в водную пропасть, чтобы потом снова поднять с другой стороны.

Вдруг среди царившей тишины послышались странные звуки, шум как бы падающих ветвей, точно среди деревьевшли какие-то сердитые люди, все ломая на пути своем.

Женщины вскрикнули, и даже Демьян испуганно вздрогнул и, по привычке, вынул нож.

— Пропадай, головушки наши, — завопила его жена, делая движение спрятаться куда-нибудь. — Чует сердце мое — не кто иной это, как сам становой со стражниками... погоня, значит... Пропадай, головушка!..

— Вот нам и пустыня, вот и наша земля... Идут они, окаянные... голубчики мои, пропадаем...

Демьян стоял с ножом, поднятым над головой, в то время как женщины голосили, а его брат укоризненно покачивал головой, с благодушной улыбкой посматривая на них.

Все смотрели в сторону леса, на место, откуда слышался шум. Он делался все громче, что-то сломалось и упало совсем близко, и вдруг между деревьями, на самом краю горы, все увидели незнакомца в серой шубе, стоящего на двух задних ногах и держащего передними огромную соту дикого меда. У ног его прыгали два маленьких медвежонка.

Радость отразилась на всех лицах, и жена Демьяна проговорила, простирая вперед руки:

— Мишенька милый, так ты не становой...

— Прости, что обидели тебя, Миша, приняв за его высокородие, продажную душу, — заговорила жена Осипа,

тоже простирая вперед руки. — Знаю, ты не подлая душа, а хороший честный медведь...

— Здравия желаю, ваше высокородие, — сказал Демьян и спрятал нож.

Медведь стоял неподвижно и, видимо, сильно озадаченный, он удивленно смотрел на всю компанию, продолжая держать в зубах медовую соту.

I

Прошло много лет.

— Груня моя, смотри, как солнце подымается из-за горы — ясное и розовое: таким и человек должен быть в юности своей — светлым и радостным. Иначе, что нам и жить, а между тем, личико твое что-то затуманено сегодня...

Все эти слова, целуя и обнимая девушку, говорил высокий, стройный юноша с соломенной шляпой на голове и в белой рубахе, перетянутой в талии голубым поясом. В его румяном, почти круглом лице, по сторонам которого спускались светло-золотистые волосы, было что-то смелое, жизнерадостное и вместе с этим ласковое и кроткое. Из больших ярко-голубых глаз лился свет, как бы бросая лучи на все лицо его с ровным носом, двумя полукругами русых бровей и полными улыбающимися губами. Девушка — блондинка — с толстой косой, спускающейся до талии, сидела неподвижно и слушала его, подняв ровные, сросшиеся посередине брови и устремив кверху светлые задумчивые глаза с таким видом, точно она вчитывалась в какую-то таинственную надпись. Ее загорелое, розовато-смуглое лицо с твердо сжатыми яркими губами и с орлиным носом было задумчивым и печальным. Видя, что она не отвечает ничего на его слова, юноша снова заговорил:

— Дивная ты сегодня, невесточка моя, подруженька... Ну, голубочка Груня, не будь же такой задумчивой... Смотри, как хорошо кругом в нашем Зеленом Раю — как хорошо...

— Да, очень хорошо у вас, — тихо сказала Груня, глубоко вздохнув и продолжая смотреть вверх.

Над ними на огромной высоте был распростерт как бы вечнозеленый шатер из древесных куполов, переплетшихся между собой. Еще ниже, точно исполинские руки, простирались ветви, а еще ниже огромные красноватые стволы, точно колонны, воздвигнутые волшебником. Солнечные лучи тянулись по всем направлениям, как золотистые волосы невидимого, светлого и радостного бога. Только с одной стороны леса, сквозь просвет деревьев, виднелось море, та-

кое же голубое, как и небо, распростертое над ним.

— Очень хорошо, — повторил тоном девушки парень, — но на сердце у тебя не так, — там кручина какая-то, и по лицу скользят тени, словно тучки небесные... Душа моя болит, когда смотрю на тебя, а ты молчишь и таишь что-то, а так нехорошо: скоро я откроюсь перед миром в любви к тебе и поклянусь, что спрашивал совесть свою... и она мне ответила: будь ей мужем...

В лице Груни прошло необыкновенное оживление и, положив руки на его плечи, но все-таки продолжая смотреть вверх, она сказала:

— Бог один на небе, а совесть переменчива, и вы, слабые люди, сделали ее как бы богом...

— Что ты, Груня, помилуй... Бога мы не видим, и скучным разумом никогда не поймем, какой Он, но голос Его слышим в совести... Прадед Осип так всех учил: по совести будете знать о Боге, и учил он хорошо, и я думаю так оттого, что вера наша простая давала нам всегда радость и счастье... Вот я слышал, что в других местах ходят люди, как ослы под ярмом: другие их мучают, а у нас же, смотри, работают в виноградниках — песни поют, и всегда — радость, и свободны мы, как птицы, и потому так, что один у нас начальник — совесть.

— Это очень хорошо, — сказала вдруг Груня, на губах ее появилась радостно-светлая улыбка, и с этой улыбкой она оплелась руками вокруг шеи юноши. — Алеша мой, ваша вера настоящая, и я думаю, что и Сам Христос бы сказал: в чистой совести исполнение всего, о чем учил. Перебегу от духоборов к вам и буду женой твоей...

Вдруг она опустила голову и, как бы внезапно охолодев, снова сделалась задумчива и печальна. Юноша, только что сильно обрадованный, опять озабоченно стал расспрашивать ее о причине внезапно охватившей ее грусти. Тогда девушка, глядя зрачками глаз сквозь длинные ресницы на небо, тихо и таинственно проговорила:

— Есть у нас, у духоборов, старец, сто двадцать лет ему, и считается он у нас как человек, в котором дух святой, и поэтому он знает каждое сердце человеческое, и когда из

хорошего выйдет дурное, и когда конец счастью и радости и начало злополучия. И вот он говорит, что в жизни нашей, как свет чередуется с тьмой, так счастье и радость с великим злом и великими мучениями, и потому это так, что как Бог начальник света, так сатана — тьмы, и как Бог даватель радости и счастья, так сатана — повелитель злых призраков, выступающих из ада, чтобы поселить на земле горе и зло. Среди добрых людей живут люди другие — дети Антихриста — и как только добрые станут говорить: вот мы свободны, счастливы и по совести все совершаем, так люди от Антихриста начинают разрушать счастье их.

Алексей, слушая ее со вниманием, все время недоверчиво улыбался, и едва она приостановилась, как, рассмеявшись, вскричал:

— Невесточка, милая, что это ты пугаешь... Думаешь, страшно, а я вот, слушая, улыбаюсь в душе, да любуюсь тобой, хотя ты и печальна, и говоришь ненадобное. Бесов и злых духов нет между нами в Зеленом Раю — все братья, племянники, внуки — одна семья, значит. Есть, слыхал я, страшная и холодная страна, откуда когда-то наши праотцы бежали с цепями на ногах — Россия называется: там точно так бывает: кто кого одолеет — тот владыка, значит; бывают такие, что одолевают сотни иных — всех под ярмо, значит, верблюды это его, куда погнал — идут и на горбах несут тяжесть. Сказывал старец один, что по этому самому там бунты всегда, убийства и великое издевательство над бедными; и чтоб издеваться над ними и брать под защиту богатых и сильных, там и суды есть, и так судят, что белое черным делают; есть у них и много церквей, с медными такими колоколами на вышке, в которые колотят железом: Бог, значит, зазывает к Себе в гости в дом, и иконы разные, сами же рисуют мужчин и женщин и говорят о них: чудотворцы это — что ни попросите — дадут, есть и тюрьмы, в которых держат на цепи людей, у которых не вышибли разум из головы. Все этакое там для того, чтобы сделать из человека осла, и люди там глупые, измученные и несчастные. Мы этакого ничего не совершаем и человек у нас гордый, свободный и веселый, и только два начальника — Бог на

небесах и в груди — совесть. Так вот раскинь разумом, голубочка Груня моя, и сама поймешь, что старец ваш болтун и пустое болтает... Такое у тебя сердце пугливое и простое... ах ты, моя птичка лесная... Целовать буду, пока не споешь мне веселую песню...

С веселым, беззаботным хохотом он охватил шею девушки и стал покрывать ее лицо поцелуями. Девушка повеселилась и в свою очередь, засмеявшись, сказала:

— Может быть, и пустое, я не пророчица.

И вслед за этим, опять сделавшись печальнойной, она проговорила тихим и боязливым голосом:

— Говорят люди, не бывало никогда, чтобы старец наш по пустякам пророчил. И вот он что про вас сказал: «Был Зеленый Рай, и сделается он как ад, и люди себя не узнают».

— Ха-ха-ха! — рассмеялся Алексей своим звонким беззаботным смехом. — Над тобою, горлинка моя, подшутили люди...

— И вот еще что...

— Ну, что?..

— Ходит к нам от вас твой дядя Парамон, и говорит он, чтобы не давали бедных невест с нашей духоборской деревни за ваших парней в замужество. «Найдем и богатых, — говорит твой дядя. — До сих пор сами женились парни по охоте, а теперь старики сами будут женить, и приказ дадим, чтобы всякий в нашем “раю” отдавал половину урожая старцам...»

Девушка не договорила, потому что из горла юноши вырвался такой громкий, весело-счастливый, беззаботный хохот, что совершенно заглушил ее слова.

— Дядя Парамон, добрый мой дядя... ха-ха-ха!.. Грунечка моя, да ведь над тобою он подшутил...

— Теперь я вижу сама — подшутил...

Увлеченная веселостью своего жениха, Груня в свою очередь стала беззаботно смеяться, положив обе руки на плечи юноши и глядя на его лицо ласковыми глазами.

— Силком женить нас будут, как молодых ослият, и что заработали — отнимать, это как в сказке злые колдуны делают, чтобы погубить людей... Ах этот дядя... уж я его...

Юноша поднялся с места и, окрутив рукой талию своей невесты, направился с нею в сторону моря.

— Смотри, Груня моя, как у нас весело, какое приволье, какое счастье и песни кругом...

Вправо и влево от них, на ровной площадке горы — на том самом месте, где когда-то стояли на коленях два каторжника и их жены — тянулись в несколько рядов ровными линиями беленькие, чистенькие домики, по стенам которых вились виноградные лозы, прикрывая их почти до половины. На плоских крышах домиков, посреди кустов с расцветшими розами на них, бегали маленькие дети, иногда под надзором сидящих там старух. Фигуры стройных молодых женщин с серпами или граблями в руках всюду стояли в разных позах, работая в своих виноградниках, огородах или садах. С разных сторон раздавались звонкий смех и пенье, так что веселье носилось в самом воздухе, и неумолкаемое щебетанье ласточек, кружившихся черными крестиками в прозрачной синеве над домами, придавали этой картине ликующий вид настоящего Божьего сада. Впереди расстипалось безграничное море, по которому под белыми парусами носились членоки с сидевшими в них рыбаками. По всем уступам, площадкам и склонам горы зеленелись купола разнообразных фруктовых деревьев, из-под которых кокетливо и миловидно выдвигались крыши и белые стены домиков. Вправо и влево на бесконечное пространство расстилалась зеленая долина, поросшая всевозможными растениями, с возносящимися по сторонам ее горами. Среди долины и на горах, всюду виднелись фигуры крестьян в белых рубахах.

Алексей и Груня долго стояли неподвижно, любуясь открывшейся их глазам картиной.

— Да, хорошо у вас, — сказала девушка, ласковыми глазами глядя на смеющееся лицо своего жениха.

— Вот видишь, и никакого Антихриста нет между нами, а если б завелся такой, мы утопили бы его в море...

Он рассмеялся и, вдруг заметив кого-то, сказал:

— Вот идет дядя Парамон. Пойдем к нему, Грунечка.

Он повлек было за собой девушку, как та, неожиданно

остановившись, вскрикнула:

— Ай, это что!

Она стояла с опущенной головой, с побледневшим лицом и глазами, устремленными на огромную, сверкающую золотистой чешуей змею, которая, изгинаясь кольцами, быстро ползла в траве.

— Змея!.. Уйдем от нее, Грунечка...

— Вот видишь! — сказала девушка, быстро отбегая от змеи вместе с Алексеем.

— Что?

— Наш старец говорит, что змея, это как бы образ вечного зла, которое всегда на земле...

— Не верю я в это, — сказал Алексей. — Ты, Грунечка, ангелочек мой, очень легковерна, если боишься, чего не бывает — какого-то зла.

— А змея — ведь она зла.

— Так она змея, а человек живет с Богом в груди — совестью... А, дядя Парамон, здравствуй, милый дядюшка!..

С последним восклицанием юноша остановился около трех идущих в ряд пожилых крестьян. Все они шли, взявшись за руки и задумчиво опустив книзу головы, и, так как они были очень высоки, притом с длинными, посеребрившимися бородами, то представляли очень величавое зрелище. Они были братья — сыновья Демьяна, который еще продолжал жить, в то время как его младший брат лежал в земле. Услышав приветствие, все трое остановились, с ласковой улыбкой глядя на юношу и его невесту. Два из них, стоящие по сторонам, — Петр и Василий, — были старики с благообразными, чисто великорусскими лицами, но третий, младший брат, которому, однако, уже было за пятьдесят лет, Парамон, представлял ужасное зрелище. Хотя он был тоже очень высок, но его тело было страшно искривлено, наподобие сука, безобразно выросшего и сухого. Между приподнятых кверху плеч, в рамке рыжих, спускающихся книзу волос, сидела страшная голова с бледным, бескровным, сразу поражающим своими острыми чертами и большими молочно-светлыми глазами лицом. Тонкий, торчащий как клюв аиста нос и острый подбородок придавали этому ли-

цу что-то смешное и жалкое, а так как по тонким, бледно-синим и точно провалившимся губам почти всегда блуждала улыбка, — что-то таинственное и страшное, особенно когда улыбка эта убегала куда-то в рот, точно тоненькая змейка в отверстие скалы.

— Здравствуй, племянничек, здравствуй, — ответил Парамон голосом, казавшимся ласковым и добрым, и по губам его забегала улыбка. — Как совесть твоя? Так ли она светла, как Божий день?..

— Радость и веселье во мне, дядюшка, как и у тебя, думаю, и оттого это так, что совесть наша, как светлый Бог в небе.

— Ликую, ликую, племянничек! Всю жисть свою хвалу посылаю к Отцу за то, что сотворил меня... хотя кривеньким... Ничего, ликую!

На один момент тонкие губы его точно оторвались от десен и забились в беззвучном, злом смехе, в то время как голос задрожал в чувстве горечи и обиды. Никто этого, однако же, не заметил, кроме девушки, и Алексей, указывая на свою невесту, простодушно сказал:

— Вот моя Грунечка, подружка моя, говорит, что ты, дядя, хитренъкий.

— Я хитренъкий! — сказал Парамон и засмеялся, как казалось, каким-то ласкающим смехом, в то время как его молочно-светлые глаза внимательно уставились на девушку. В глубине их запрыгали какие-то светлые точки, точно искорки посреди белого дыма, и Груния, глядя на него, слегка побледнела.

— Я хитренъкий! — повторил снова безобразный человек, с тем же ласковым смехом глядя на своих братьев, и они стали благодушно смеяться.

— Ты, дядя, говоришь у духоборов, что мы рабы в Зеленом Раю, — продолжал Алексей притворно недовольным тоном.

Три старика снова простодушно рассмеялись.

— Жениться я не смею вот на своей Груне по своей охоте и совести, а должен спросить у вас, можно ли... на бедной девке, вот и не позволите и скажете: не смей по любви

жениться, а на той женись, на кого мы укажем...

Все это было так необыкновенно в Зеленом Раю, что не только три старика начали хохотать, но и несколько проходивших с косами на плече крестьян, услышав удивительные слова, остановились и стали громко смеяться.

— Ха-ха-ха!.. — громко и простодушно захохотал Парамон, поглядывая на всех поочередно и как бы находя, что на такие забавные выдумки отвечать можно только одним смехом. Впрочем, отходя с братьями от собравшейся толпы молодых крестьян, он проговорил: — Прощай, милый племянничек, и ты, невеста его. Недосуг мне теперь слушать ваши забавные выдумки. Пусть твоя Грунечка придумает еще что про меня. Расскажешь — посмеемся.

Толпа долго еще смеялась, когда Алексей стал рассказывать и о других «забавных выдумках» его невесты, а в это время три брата, идя мерными шагами и все более отделяясь от толпы крестьян, тихо беседовали между собой, и Парамон говорил:

— Не могут люди жить без управителей и начальников, это вы как хотите. Читал я много книг всяких, которые брал у духоборов, — священных и всяких иных о временах прошлых разных народов на земле, — и вот вижу я ясно, что никогда еще сего не было — чтобы много людей оставалось без власти. В древние времена был Божий народ — евреи, и вот что выходило: пока они послушливы были всей земной власти, Бог с небес простирал Свою руку над ними, и жили они хорошо, одолевая в единоборстве всякий иной народ. И вот еще дивно: сам Всевышний давал им Своих любимых людей, чтобы царями и судьями были, и из сего вы сами можете заключить, что и сам Царь Небесный в свободе людей видит не благо, а пагубу и безумье. Через непослушанье, гордость и иное такое прочее сделался Божий народ как бы слепым и безумным, и тогда-то пришел другой народ и сделал их рабами. Вот вам, куда повела свобода: были сынами Бога, и Он Сам беседовал с ихними пророками с небес, и сделались рабами человеков, и цепи наложили на них, и стали их бить, как скотов. Много веков прошло, а Бог не переставал гневаться: рассеял народ этот

по всему миру, как овцы разбежались от пастуха по чужим загонам на растерзание волкам, значит. И находится этот народ в великом поругании у всех людей, хотя нынешние и не виноваты: правнуки они давно умерших непослушников. Вот тут-то великая тайна: Бог часто не наказывает первых безумцев, а весь гнев обрушивает на внуков и правнуиков, и на всем потомстве. Боюсь я теперь очень и спать не могу по ночам вот от какой думы моей: большой грех мы, старики, берем на совесть, позволяя стольким молодым людям, и разума-то не имеющим, полагаться на одну только свою совесть и свободно жить без руководительства. Великое безумие это, потому что у иного такая совесть, что он нож вынет да в сердце старика-отца. Смотрите, милые братцы мои, как бы с нами Бог не поступил, как с евреями: дал нам мир и счастье на время — хорошо живем пока все — а на правнуков наших обрушит весь Свой гнев и разбросает Он их, как бы козлов бодливых, по всей земле... И рога сбьет, и гордость их, которая учила говорить: мой Бог во мне — совесть моя. Подумайте, братцы мои, не идолопоклонство ли это сказать: совесть — Бог. Моя совесть человеческая, немощная, но, как учил нас Осип, я и говорю: поступаю не по совести, позволяя людям молодым и неразумным жить без правил, без управителей, как соколы какие на деревьях... Отвечайте, братцы милые, что скажете на все это?

С последним словом Парамон остановился под тенью гигантского орешника, ветви которого, простираясь во все стороны, образовывали как бы зеленый шелестящий шатер. Это дерево называли Деревом совещания, так как обитатели Зеленого Рая при всяком недоразумении собирались сюда и решали все свои дела большинством голосов «по совести». Все свое внимание при этом они сосредоточивали на своем внутреннем голосе и потому, прежде чем дать мнение свое, долго стояли в задумчивости, с опущенными вниз головами. Так как испорченных людей там не было, а благодаря свободе и равенству чувства зависти и зложелательства если и шевелились в некоторых сердцах, то с течением времени, во всяком случае, подавлялись вследствие

отсутствия благоприятных условий для развития этих сатанинских пороков, то соревнование между ними происходило преимущественно на почве чистоты совести, труда, взаимопомощи, обмена своими мнениями. Получалось в высшей степени отрадное и почти нигде не наблюдаемое явление: развивались и утончались различные добродетели, и постепенно регрессировали обратные человеческие качества, делающие жизнь для многих в культурных центрах невыносимо тяжелой, — различные пороки. Одновременно с развитием альтруистических начал их умственные силы постоянно развивались, и различные мысли бродили в их головах, как молодое вино в сосудах. Самостоятельность труда, отсутствие зависимости и всякого подавляющего авторитета и что, может быть, самое важное, необходимость вырабатывать свои собственные выводы, и отсутствие, так сказать, умственных цепей в виде раз навсегда усвоенных традиций и лжеистин, которыми во всех странах опутывают людей с колыбели до гроба, — все это породило чудесный результат: они казались более развитыми, нежели люди, проведшие много лет в школах и получившие аттестат зрелости. Кстати сказать, аттестат этот им дают как раз в то время, когда в них вполне созревают и всевозможные пороки, обладать которыми для борьбы со своими конкурентами, на какой угодно арене деятельности в городах, — грустная необходимость. Не существовало еще министра, который был бы лишен способности лукавить, обманывать и лицемерить, как не существовало еще истинного святого, для которого современники не сплетали бы терновый венец с самыми острыми иглами.

Парамон пристально смотрел на своих братьев, устремля свои глаза то на одного из них, то на другого, и движение, которое при этом совершало его искривленное тело, напоминало поднявшуюся на хвосте и поворачивающуюся в разные стороны змею. Лицо его при этом все более бледнело и тонкие губы как бы проваливались куда-то.

Два его брата долго молчали, в задумчивости опустив свои головы и исподлобья посматривая на Парамона. Наконец старший, Петр, подняв свою голову, проговорил с гус-

тым румянцем, разлившимся в лице:

— Дорогой Парамон, неоднократно уже ты говоришь нам подобное. Знаю я, что совесть в тебе говорит так, а как ты в то же время самый умный между нами, то затрудняюсь, что и ответить. Одно только знаю я твердо: жили мы всегда в Зеленом Раю подлинно, как в царстве небесном. Хорошо, легко, свободно, в мире и радости, и вот почему, собственно, трудно теперь, да и язык не повернется сказать всем нашим, когда соберутся под это дерево: довольно вам летать, как соколы по деревьям, и никого не знать, кроме совести: мы, старики, управлять вами теперь будем, а вы повинуйтесь, как начальникам вашим, значит. Вот, Парамон, милый, как я понимаю все беседы твои с нами.

Тонкие губы Парамона дрогнули в пробежавшей по ним злобно-лукавой улыбке, и в глазах замелькали искорки. Понимая, что необходимо затронуть слабые струны в сердце своих братьев, чтобы заставить их выполнить его желание, он поднял свою руку над головой и, как бы взывая к Богу, торжественно проговорил:

— Царь Небесный, да раскрой слух Свой для моих вот этих слов, в добавление к словам моего брата Петра: для счастья правнуков наших и чтобы Ты не рассеял их, как козлов бодливых, мы, три старика, не только начальствовать должны в Зеленом Раю, но быть как бы царями...

Он пристально посмотрел на лицо Петра и увидел, что не ошибся: яркая кровь прильнула к лицу его, обнаруживая проснувшееся в нем чувство власти, но, стыдясь этого чувства, он опустил голову. Что же до другого брата, то с ним сразу произошла удивительная перемена: он вздрогнул, и его красивое, с посеребрившейся длинной бородой лицо сделалось светлым, точно в отражении блеснувшей молнии: это сверкнули его черные, большие глаза, в то время как его дугообразные черные брови вздернулись кверху в выражении приятного удивления.

«Ого, — прошло в это время в голове Парамона, — ты, я вижу, совсем царь, только вот голов люди не хотят сшибать: ты и топором рубнуть по шее не задумался бы».

Думая так, Парамон пристально смотрел на Василия,

так что последний в чувстве смущения переступил с ноги на ногу и, сделав резкое движение всем телом, проговорил:

— Какие мы цари?.. Уж куда там... да и народу-то всего две сотни... горсточка такая, что если назовемся управителями-то, и то ладно. Не в этом-то дело, как называться будем, а в том единственno, что, дальновидно прозревая разлад великий и всякое горе в нашем Зеленом Раю, даешь хороший совет, мой милый Парамон. Согласен с тобой совершенно. Журавли вот пролетают под небом и то вожак впереди, в пчелином раю — царица — пчелка, у всякого народа тем более — начальники и власти, и только мы в Зеленом Раю живем, словно лошади степные. По зрелому рассуждению вот вам мое последнее слово: будем как бы начальники в нашей деревне и приказы станем рассыпать, а чтобы в повиновении находились наши сыновья, племянники и иные семьи, придумаем особенные средства для этого...

Парамон тонко улыбнулся и, скрывая радость свою, обратился к старшему брату:

— Ты молчишь, милый брат...

— Собственно, потому, что хорошо жили...

— По совести будешь властвовать, и на душе будет светло, сундуки наполнятся серебром и золотом. Теперь работают люди над землей кое-как, и то она так и прыскает всякими дарами, словно молоко с женской груди, а как поставишь их в упряжку, чтобы работали для правнуков, отдавая в общую казну всякий излишек, то и золото потечет к нам, и будем мы такие богатеи, как цари. Вот этим самым, любезным братец мой, ты и будешь командовать, как бы начальником работ и хранителем общей казны.

— Да ладно уж... — ответил Петр, как бы нехотя и отмахиваясь рукой, но Парамон прекрасно видел, что он притворяется, так как все лицо его сделалось красным от радости, грудь вздымалась от волнения и голос сделался густым и басистым, точно чужим. «Клюнули приманку оба братца и теперь на крючке у меня, — прошло в голове Парамона. — Так всякого человека можно поймать: один деньги любит, другой радуется, что дураков нашел, над которыми можно

власть проявить, а третий не любит ни того, ни другого, а красных девушек, вот ты их и лови — орла — сырым мясом, ворона — падалью, а развратник сам побежит за голой бабенкой, хотя в ад...»

Оба старших брата стояли, молча поглядывая друг на друга, пока младший предавался своим мыслям. Наконец Петр сказал:

— Что ж, быть хранителем общей казны — покойное занятие, и легко на совести при этом. Я согласен...

— А ты, милый Васенька?..

— Да кем же быть?.. Не царем же, в самом деле... — проговорил он притворно-ленивым голосом, но из глаз его сверкнуло что-то, и, чтобы скрыть лицо, он опустил голову, жадно ожидая в то же время ответа Парамона.

— Ну, царем... Это высоко залетаешь, а называйся начальником Зеленого Рая... будешь распоряжаться всеми и приказы рассылать...

— Вот обоих нас назначил на должности, — со смехом проговорил Петр, — а про себя-то и ни слова...

— Куда мне уж с вами... Смотрите, братцы милые, какой я...

С этими словами Парамон, как бы выставляя напоказ свое безобразие, повернулся на неподвижно стоящих ногах в одну и другую сторону, показывая свое винтообразное, изуродованное тело с плечами, высоко торчащими, точно кости от оторванных крыльев огромной птицы. Лицо его, виднеющееся между ними, с ниспадавшими по сторонам пряжами рыжих волос, было жалко искажено страдальчески-злобной улыбкой, блуждающей по губам, как раздавленная змея в расщелине скалы.

— Видите, какой я... Куда там начальствовать... Да и смиление мое всем известно... С покорной душой родился и с покорностью под небом стою и хвалю Бога: может, и молнией ударит в гневе, что по земле Его ползает тварь эта-кая... Нет, братцы мои, мне бы только книги читать, да наблюдать, чиста ли совесть у всякого человека... Мне это как раз за смиление полагается... Вот я и буду правителем веры и учения в школе.

— Это *<ты>* хорошо придумал, — проговорил Петр, кивнув головой. — Ученость и совестливость твоя известны всем.

— Согласен и я... — сказал Василий, — наблюдай, чтобы совесть чиста была у всякого человека... хорошо придумал.

С минуту все стояли в раздумье. Вдруг Василий решительно сказал:

— Братцы, милые, подадим же руки друг другу и поклянемся сохранять втайне все сказанное здесь. Потом и действовать начнем заодно...

— Подождите, голубчики, руки подавать, — остановил обоих братьев Петр, — вы забыли главное...

— А что такое? — спросил Парамон.

— Про отца забыли-то мы, вот что... Про родителя, ветхого старца — и ни слова, а без него никак нельзя... Его только и почитают внуки и правнуки и он... что Бог.

— Скорее, ворон, — с затаенной злобой ответил Парамон. — Только не клюет больше, потому стар.

— Что ж ты так про отца-то? — удивленно глядя на Парамона, укоризненно сказал Петр.

— Не забыл я о нем, братец милый, и сам хорошо знаю — святыня он для всех в Зеленом Раю, но как он очень уже стар и умом как младенец сделался, то я вот что придумал: говорите ему, что Бог не терпит такого общества — без управителей и начальников, и вот почему, собственно, пошли на нас разные беды — ссорятся внуки беглых каторжников из великой России, и потому надо, чтобы он, Демьян, власть явил. Это мы потом рассудим, как власть проявить и прочее, а пока идите без меня, скажите, что в Зеленом Раю неспокойно без его начальствования, — посмотрите, как обрадуется. Знаю я его, душа его — огонь, да вот воли не было, скажите и так еще: из России шлют полицейских, смотреть, что за деревня такая — без начальства, и в избах — без икон: боится он полиции и наш будет, а как ум его ослаб, то будет он не управителем, а старой размалеванной куклой, вот мы и будем, значит, для блага общего начальниками...

— Только, чтобы по совести... — начал было Петр, так как, имея тайное пристрастие к деньгам, он в такой же ме-

ре был человеком честным и хорошим, и слова Парамона его встревожили, но Василий, терзаемый жаждой власти, быстро его перебил:

— Подадим же, братья милые, руки друг другу и поклянемся держать все в тайне и заодно быть по совести...

— Только боюсь, Парамон милый, — взволнованно заговорил снова Петр, нерешительно протягивая руку, — может, ты не по совести, и Бог не благословит начальствования нашего... Может быть, с умыслом каким говорил неправиль-но...

— Пусть тогда моя эта рука отсохнет, — проговорил Парамон, поочередно подавая руку братьям. — Пусть тогда Господь, в гневе Своем, бросит молнию в мое хилое тело, и она прожжет его; пусть нападут на меня лютые болезни, и я буду лежать перед всеми, как сухой лист; пусть короста покроет меня... Пусть...

— Довольно, довольно, милый Парамон, — испуганно воскликнул Петр, — мы видим, что совесть твоя чиста и что ты честнейший у нас... Пусть и меня постигнет то же самое, если я сделаю что-либо противное совести...

— И меня, и меня, — проговорил Василий. — Только бы счастье иметь... для счастья, значит, общего... а в душе я всегда буду как голубь...

— Вот это даже приятно слушать, милый Васенька, — сказал Парамон с чуть заметной улыбкой, и в глазах его что-то засмеялось, — ты совсем как голубь, и у Пети тоже душа голубиная, я уже знаю, а я сам посреди вас со святою книгою в руках, — овечка. Так идите же, братья милые, к родителю, а я пойду... молиться... Прощайте же.

Парамон отошел от братьев, но вдруг, остановившись, обернулся и засмеялся.

— Чего ты так смеешься? — спросил Василий.

— Вспомнил племянничка нашего Алексея с его причудливой невестой. Такая жена замучает его, бедного, потому порченая она и сны разные видит, и пророчества разные, по малости ума. Свобода такая, жениться хоть на ослице, уроде или прокаженной — подлинно потеха, и Бог посмеивается над свободным Зеленым Раем. Нет, братцы милые,

не дадим племянничку загубить себя и на нем покажем, что мы — начальники. Впрочем, потом все это обсудим, о спасении, значит, а пока прощайте...

Хромая на одну ногу, голая ступня которой, расплюснутая и красная, напоминала огромную гусиную лапу, и опираясь о палку, он быстро отошел от братьев и направился к деревне.

II

Красно-огненное солнце выплыло на горизонте над морем, набрасывая на него золотисто-красный покров. На голубом небе стали вспыхивать звезды, точно фонарики, зажигаемые рукою невидимого ангела, и Зеленый Рай пел и звонко, детски-беззаботно смеялся. Теперь у каждого домика, посреди чинар, развесистых кипарисов и кустов с рдеющими красными розами, расхаживали, бегали, смеялись, пели молодые и старые люди, женщины, дети. Некоторые расхаживали с венками из роз, а девушки с косами, перехваченными цветами, — и звонкое веселье, казалось, уносилось от земли к безоблачному, ясному небу, но не существовало еще такого уголка на земле, где посреди мирного счастья и радости не подымался бы на своем хвосте невидимый змий.

Обыватели Зеленого Рая, однако же, не размышляли об этом и продолжали беззаботно смеяться, петь, а молодые — ухаживать за девушками, в то время как Парамон медленно шел вдоль домиков, прихрамывая и посматривая залистливыми и злыми глазами на молодых людей и женщин.

С того времени, как два каторжника поселились здесь со своими женами, прошло много десятков лет. Посреди роскошной природы, в отдалении от всяких властей, накладывающих цепи на свободу человека и разрушающих земное счастье, население Зеленого Рая стало увеличиваться с необыкновенной быстротой. Демьян и Осип имели очень много сыновей и дочерей, а последние, в свою очередь, на-

биная себе невест и женихов от людей, скрывающихся в необитаемых местах Закавказья от русских правителей, преследующих их за религиозные убеждения, в короткое время удесятерили потомство каторжников. Иногда женились, выходили замуж родные братья и сестры, и это мнимое преступление ровно никаких зловещих последствий для Зеленого Рая за собой не влекло. Все цвели здоровьем, как цветы под раскаленным солнцем юга, порождая, подобно розам, вокруг которых появляется множество бутонов, маленьких свободных граждан. Природа, в свою очередь, отвечала им такой же щедростью, и в то время, как леса шумели от бесчисленных птиц и всяких четвероногих, земля в необыкновенном изобилии порождала всевозможные злаки, овощи, виноград, древесные ветви сгибались под тяжестью яблок, персиков, гранат, а в глубоком море были иного рода многочисленные жители — рыбы. При таких условиях жить было бы легко, если бы они и очень мало работали, но благодаря завещаниям Осипа они отличались трудолюбием, и после короткой работы над землей они начинали возводить маленькие домики с плоскими крышами, на которых устраивали цветники или, отправляясь на берег моря, делали членоки, лодки или, уходя в леса, ловили разных птиц и животных с целью сделать их ручными. Свободного времени, тем не менее, у них оставалось много, и вот они начали заводить школы и, собираясь в группы, часто возбуждали вопросы о Боге, природе, и такие философские диспуты, благодаря самостоятельно вырабатывающимся мыслям, утончали их ум, как ни в какой школе, где учитель вкладывает в умы зерна истин совершенно так, как птицы, бросающие корм в раскрытые ротики птенцов: то и другое часто выбрасывается вон. Конечно, знания их были очень ограниченны, но зато их головы были свободны от всякого ученого сора, который у нас обыкновенно внедряется в умы вместе с знаниями. Простота религиозных понятий в Зеленом Раю для его обитателей тоже была самым благоприятным условием: видя над своей головой звездное небо, они духовными очами своими видели скрытого Бога в нем и возносились к Нему с молитвой, непосредственно, без всякого

предварительного обращения к Его адъютантам — святым и угодникам. Свободный полет мыслей в океане беспределности вырабатывал в каждом из граждан свое особенное миросозерцание, молитвенное преклонение перед таинственной природой, религиозный трепет при мысли, что все видимое и беспределное есть порождение воли невидимого и могучего Хозяина, в голубой эфирной мантии с очами-звездами. Все было колоссально, беспределно величественно и мысль носилась в пространстве, как свободный полет крылатого серафима, не приклеиваясь к позолоченной кукле с усами, как в Китае, или к разрумяненной рожице какой-нибудь небесной фрейлины, как это делают набожные католики. Обитатели Зеленого Рая были свободно религиозными, и молитва их не только укрепляла в них веру, но и кристаллизировала их дух, очищая его от всякой нечистой мысли, умудряя их разум и делая их справедливыми и честными, потому что в ком пребывает Бог, в том поселяются и Его ангелы — мудрость и все доброе. В цивилизованных странах таких чудес религия не делает, а, скорее, наоборот — поселяет в сердца ведьму лицемерия и Каина братоубийства, и неудивительно: вознести к Богу можно не иначе, как по старой прогнившей лестнице, будто бы ведущей к небесам, на каждой подламывающейся ступени которой стоят вороны в рясах, тем усерднее каркающие об аде, чем больше надеются выловить рыбы в мутном озере небесного царствования. Неудивительно поэтому, что подъем к небесам тяжел и редко кому приходит в голову, что Бог никогда никакой свиты Себе не назначал и потому голос неучи-крестьянина может быть так же услышан Им, как и казуистическая торжественная молитва первого архиастыря, заседающего в Ватиканском дворце. Не имея определенных верований и обрядов, обитатели Зеленого Рая не имели также судий и судов, и это избавляло их от большого несчастья: помрачения ума и помешательства совести. Совесть у каждого из них была пока здоровой и потому единственно она являлась верховным судьей со скрипетром справедливости в руке и в короне добродетели, восседающей на троне сердца. До сих пор среди членов общины царила полная

гармония понятий, справедливости и дружелюбия, а потому — беззаботного счастья и веселья, но ни одно общество под солнцем не живет длинные годы такой счастливой жизнью, потому что злейший враг человеческого счастья — человек-разрушитель. Часто внук сознательно разрушает счастье, созданное дедом, а правнук опрокидывает на головы людей все беды и несчастья, как огнедышащий вулкан, покрывающий целый город огнем и пеплом. И вот в то время, когда обитатели Зеленого Рая предавались беззаботному веселью, осторожно и тихо прокрадывалась поднявшаяся на хвост змея с человеческой физиономией.

Парамон шел между домиками, прихрамывая, опираясь на палку и пристально всматриваясь в счастливые лица обитателей деревни. Картина общего счастья, а в особенности вид красивых женщин, за которыми ухаживали молодые люди, вызывали в душе его чувство зависти, злобы и как бы обиды: ведь природа создала его таким безобразным точно нарочно, чтобы женщины отворачивались от него с отвращением и чтобы бесконечно его мучить. Чувство обиды с самого детства запало в его душу и с годами стало разгораться в неугасаемый огонь злобы, досады и зависти. Бог, очевидно, глубоко несправедливый Отец Своих многочисленных сыновей, так как одних создает умными и красивыми, другим дает чудный голос растрогивать сердца, третьим — разнообразные таланты, а его вот создал уродом, точно для общего поругания. Такие мысли, кружась в его уме, входили в сердце, как острые спицы, и протесты его, направленные по адресу Небесного Отца, часто видоизменялись, направляясь против земного — Демьяна — и против всех людей. Бог — центральная фигура мироздания, а раз Он является главным нарушителем равенства и справедливости, то, по мнению Парамона, любовь, равенство, справедливость и совесть — не что иное, как одна «большая глупость», придуманная дураком Осипом. «Сам Отец Небесный хромает по этой части, насчет совести, значит, — рассуждал Парамон, — и обижает меня жестоко цельную жизнь и как бы глумится с небес, ну так и я тоже вынул ее из себя, на кой прах она? И посмеюсь вволю, потешусь, потому одно это,

собственно, и осталось мне». Все такие мысли он заботливо скрывал от окружающих, проникаясь все более лицемерием и хитростью. Он не хотел, однако же, быть совершенно одиноким в области осмеяния социального устройства Зеленого Рая и потому стал расспрашивать у различных изгнанников из России, как там живут люди, и, не довольствуясь этим, стал разыскивать книги и усиленно читать. Общая картина прошлого человечества была в его глазах мрачной, мученической и кровавой, и ему делалось весело. «Вот тебе и добрый папаша на небеси — какие кнуты закатывает деткам любезным и все кровь — кровь — кровь — должно, пьет это ее вместо виноградного вина и во хмель бывает дерзок на руку... Что ж, по мне так веселее... Не хочу я видеть этих рож счастливых, точно медом обмазанных, не хочу рая на земле, потому что он мучение для меня, и в душе моей в это время как бы крик совы — жалобный такой и дикий... Опрокину рай, а когда здесь начнется ад, начальником буду, и дам богов новых, с бородами, и все такое проще... Что, ваше небесное всемогущество, не нравится?..»

Глядя на небо и остановившись на месте, Парамон, искривив лицо, высунул язык, как бы поддразнивая кого-то. В это время, невдалеке от себя, он услышал стройное пение и, как пойманый преступник, вздрогнул и стал всматриваться в полумрак наступающей лунной ночи. На кровле маленького домика стояли на коленях несколько человек мужчин и женщин, вокруг которых группировались разного возраста дети. Центральное положение занимал высокий старик с длинной, совершенно белой бородой. Он стоял на коленях с поднятыми кверху руками. Все пели молитву, сочиненную когда-то Осипом и видоизменяющую потом другими сообразно пониманию каждого. Мужские голоса смешивались с женскими и, как бы обвиваясь с тоненькими детскими голосами, стройно уносились кверху, как бы вместе с чувствами радости, умиления и счастья.

Парамон смотрел на все это со злой улыбкой и, как бы увлекаемый какой-то силой, стал приближаться к домику и остановился под деревом. В это время старик, прерывая пение, проговорил сыновьям и внукам:

— Радуюсь, если у всех хорошо на сердце — свободно и легко, — хотя бы и не молился он словами, все одно из счастливого сердца подымается хвала Богу... И наоборот, я полагаю, если у кого черный камень греха на сердце, какие слова ни подбирай — молитва не понесется к небу, как птица, у которой спутаны были бы крылья. Человек такой пускай снимет сначала камень с сердца, и когда сделает это, сердце само заговорит в молитвословии, как щебечет ласточка... Смотрите же, дети и внуки, милые, чтобы в вас всегда веселье было... в этом вся молитва... Мой отец Осип так учил, а я вас, а впрочем, каждый пусть поступает по-своему, только совесть чтобы его была как настоящий ангел в белоснежном одеянии...

«Хорошо, хорошо, болтай, старый дурак, и ходи в белоснежном одеянии, пока я на вас не накину другое платье — черное, как у чертей в аду, и побрызгаю его кровицей».

Думая так, Парамон быстро отходил от домика, поглядывая на сады и разные окружающие его строения с населением из разного рода домашних птиц и других животных.

Немного спустя он неожиданно должен был снова остановиться, увидев толпу разных людей, состоящую из мужчин и женщин. Невысокий, чрезвычайно широкоплечий человек, круглолицый, с маленькой светлой бородкой, оживленно проговорил:

— Вот это самое и оно самое...

И он с комическим жестом поднял палец кверху.

Кто-то засмеялся.

— Да что оно-то? Ты говори толком, — послышался чей-то голос.

Широкоплечий человек опустил руку и указал куда-то вниз со словами:

— Насчет баб, значит...

Все захохотали.

— Да что насчет баб-то? — возразил тот же голос.

— Баба, одно слово, царица для мужа, коли она любит его, слаше меду и ценнее всех драгоценностей, а коли не любит, лучше бы ему иметь горб на спине, нежели женщину,

которая не любит его...

— Правда-правда... лучше иметь горб на спине, — единодушно заговорили со смехом в толпе.

— Вот, Андрюша, милый, — продолжал все тот же голос, — что я о женщинах знаю. Теперь говори ты — слушать будем.

Андрюша — широкоплечий блондин — заговорил:

— Вот оно самое и есть. Женщина вольна любить, а вольна не любить, потому, собственно, что у нас, в свободном раю, все по совести. Теперь, други мои милые, подумайте сами — может ли бабенка, которой минуло только двадцать восемь, любить мужа и целовать его, значит, и обнимать, и все прочее этакое, такое... самое...

Он подмигнул глазами и засмеялся, и в ответ на это все дружно расхохотались, а кто-то сказал:

— Ну-ну — болтай, они умеют, бабенки, и обнимать и прочее такое...

— Коли ему шестьдесят весен — так разве это по совести, спрашиваю я вас, — продолжал широкоплечий человек.
— Думаю я, что обнимать такого старого все одно ей, что прижимать к своей лебяжьей груди старого, рогатого козла. Куда сладко...

Все опять захохотали.

— Теперь подумайте, друзья, как много у нас в Зеленом Раю ходят с горбом на спине.

— Как с горбом на спине? — послышались голоса.

— Да вы же сами сказали, что жена нелюбящая хуже, чем горб на спине...

— Правильно, это мы сказали.

— Много у нас горбунов, значит...

— Ха-ха-ха! — разнеслось с разных сторон, и какая-то бабенка, со звонким смехом притоптывая ногами, воскликнула: — Горбатенькие — горбатенькие! Ты, Андрюша, милый, доказывай дальше, что делать-то.

Парамон, скрывающийся за деревом, при этих словах женщины сильно вздрогнул и уставил глаза на бабенку.

Это была его собственная жена — высокая, стройная, с роскошной грудью, на которую теперь падали черные косы

ее волос, точно две изгибающиеся змеи, и в то время, как она хохотала, раскрыв розовый рот и прищурив большие черные глаза, косы эти, точно живые змеи, подпрыгивали на ее волнующейся груди. В лунном сиянии ее лицо казалось алебастрово-белым, зубы сверкали и глаза казались большими, черными кружками, пылающими огнем. «Прелюбодейка, проклятая, задушить бы тебя этими самыми косами твоими... Ну, смейся-смейся... Чудится мне, в этом смехе такие твои мысли: вот и мой муж, Парамон, ждет любви от меня... такой старый козел... Свободная чистая совесть... ах вы, черти этакие!..»

Охваченный дрожью, Парамон стал смотреть на широкоплечего Андрея, который, под влиянием слов жены Парамона и ее веселого смеха, горячо заговорил:

— По моему разумению, если мы действительно свободные, как птицы, жители Зеленого Рая, то должны понимать и женское положение: молодые бабы не должны жить с опостытым мужем, стар ли он, или по чему-либо прочему такому, этакому... В Зеленом Раю это всегда страм и грех, если не по чистой совести, значит, живет, а потому, может быть, что муж приводит как бы в тягостное недомысление ее... Такая бабенка пусть допросит совесть свою и, когда совесть ей скажет свое последнее слово, пусть и она нам всем его скажет, под Деревом совещания. Может быть, она любит не мужа, а молодца иного... этакого, такого... вот и пускай заявит — кого женой хочет быть. Во всем у нас свобода, только одной совести и слушаем, а бабенки наши как на привязи...

Толпа заволновалась.

— Как это, бабенки на привязи! Бабенки могут и заявить под деревом — с кем хотят жить... Такое всегда у нас правило, значит, только наши вот бабенки забыли совесть, если живут с постылыми...

Слова эти, произнесенные кем-то из толпы, вызвали волнение среди находящихся здесь женщин. Раздались женские голоса, и какая-то низенькая женщина, волнуясь, заговорила:

— Да совесть-то моя раскололась надвое, может... Одно дело муж, одно дети, а там любовь вошла в сердце... вот и борешься с собой... Детей надвое разрывать — совесть не позволит, вот и терпишь, и оно бывает лучше так, а бывает, и не лучше... разно случается...

— Не неволит вас никто, бабенки милые, — решительно заявил высокий мужчина, нежными глазами посматривая на женщин, — с кем хотите, с тем живите, и ты, Андрей Гвоздиков, хорошо сделал, что напомнил это, — бабенки забывают. В свободном Зеленом Раю невольница — большая для нас обида и срам — вот что.

— Обида, обида! — раздались голоса в толпе, в то время как тоненькие женские голоса начали энергично протестовать против этого.

— Ты, Андрюша, может быть, и неспроста повел разговор такой...

— Может, и неспроста, — загадочно отвечал Андрей, подмигивая кому-то.

— Может, знаешь бабенку какую, что не по совести...

— Может, и знаю.

— Может, и я знаю, — проговорила жена Парамона с загадочным смехом в лице, и вдруг, как бы против воли обнаруживая свою тайну, шагнула к Андрею и охватила своей голой, блеснувшей в лунном сиянии, рукой его шею.

— Ах, мой желанный!..

В разных местах послышался смех, а женщина, увлекаемая своими чувствами и смеясь каким-то воркующим сладостным смехом, начала целовать Андрея в губы, увлекая его в то же время от собравшейся толпы.

Хохот делался все более веселым, и кто-то проговорил:

— Вот оно к чему речь-то гнул Андрюша Гвоздиков своими «такое, да этакое»...

— Сама выдалась.

— Бедный дядюшка Парамон, бедный дядюшка! — восклинула молоденькая девушка с белеющимся в роще светлых волос почти детским лицом. — То-то заплачет, я думаю... Он такой чувствительный, такой добрый...

— А тебе что, ягодка Катюша? — спросил ее высокий па-

рень с едва пробивающимися стрелками черных усиков под тонким с горбиной носом.

— Жалею его — вот что...

— Ты, ласточка моя, всех жалеешь, твоя душа — трепетная горлинка, а совесть — зеркальце... хочешь, я тебя поцелую?..

— Вот и не хочу!.. — Подняв руки, она сделала ими жест перед лицом и побежала по траве, оборачиваясь и подразнивая парня. — Вот догони меня — тогда позволю себя поцеловать... А ну, а ну!..

Звонко хохоча, она побежала и скрылась, заставляя бежать за собой парня.

— Веселая девочка! — сказал кто-то в толпе. — И жалеет как беднягу Парамона, и это хорошо делает, я тоже жалею. Бедный, добренъкий Парамон!

— Бедняжка, добренъкий козлик с рожками! — жалобным голосом проговорила низенькая женщина и с выражением жалости приставила по два пальца к своим ушам.

— Бедненъкий козлик — на веревочке бы его водить, — такой простенъкий и добрый, и все книжки читает, — проговорила другая женщина и рассмеялась.

— Бедный дядюшка Парамон, — прозвучали мужские голоса расходящейся в разные стороны толпы.

Где-то в лесу заохала сова дико печальным голосом, и Парамону, который все еще стоял под деревом, послышалось, что и она проговорила: «Ха-ха-ха!.. Добрый дядюшка Парамон».

«Будьте вы все прокляты!» — прошло в голове Парамона в то время, как лицо его исказилось в выражении страдания, злобы и ревности. Грудь его подымалась тяжело и неровно, точно наполненная огнем, безобразные плечи вздергивались до самых ушей и руки нервно вздрагивали, в то время как кончики пальцев стыли, как от холода. Ярость совершила в его внутреннем мире род как бы некоторой катастрофы: опрокинув его прежние чувства и мысли куда-то в глубину, она как бы завалила его душу другими чувствами — исполинскими, как это бывает в пропасти, во время извержения вулкана, когда опрокидываются в нее ис-

полинеские камни. Вместе с чувством ярости в нем явились страшная энергия и необыкновенные силы.

Он быстро шел вдоль домиков, яростно ударяя палкой о землю, с закинутой кверху головой и устремленными к небу глазами. По губам его пробегала конвульсивная усмешка.

Он смотрел вверх, как бы желая увидеть в голубой бездне неба общего Хозяина. Он давно уже с Ним как бы сводил счеты и находил, что Бог никогда не уплачивает по предъявляемым им векселям.

— Вот, папаша, что ты наделал, сотворив из меня чучело... как теперь хвалу петь тебе... ругаться хочется, проклинать хочется все, что ты сотворил единственным словом... Ах ты, косматый коршун в голубой ризе, пьющий из черепа Адама — с того времени, значит, как расплодились эти двуногие черти, — кровь-кровь... Течет она по губам твоим, капли падают и из них аспиды и гадюки зарождаются... Вот и я, должно, зародился так из пролитой тобой капли Каина, когда ты, коршун хохлатый, яростно вился в небе... Папаша — папаша!.. — хочется мне, как и ты делаешь, выпить кровь из лебяжьей груди моей Василисы...

Страшный человек стоял теперь на горе, в отдалении от домиков, с закинутой кверху головой, с отчаянно смеющимся лицом. Внутри его что-то смеялось. Среди его озлобления, желания глумиться и кощунствовать в воображении рисовалась его жена — Василиса — с голой грудью и смеющимися губами. Его неудержимо влекло впиться губами в эту грудь и высосать ее кровь... Его любовь к ней была всегда страшно мучительна, потому что она была молода и красива, а он стар и безобразен. Он никогда ей не верил, и вот теперь убедился, что был прав: она, конечно, изменяла давно уже ему с этим Андреем Гвоздиковым. Несчастье свое он объяснял не только своей старостью и безобразием, но и равноправием всех обитателей Зеленого Рая, благодаря чему он не мог приказывать, устрашать и вообще насиливать чужую волю и сердце. Свобода, равенство и обычай слушаться только своей совести и никого больше были для него как бы железной клеткой, среди которой бешено ме-

тался он, безобразный человек, как дикий зверь, ищущий выхода. Коммунистическая организация Зеленого Рая была для него глубоко ненавистна: она связывала его с его сверхчеловеческими страстями и жаждой властвовать, злодействовать, наслаждаться, делая его глубоко несчастным. Василиса была его четвертой женой, но и три первые его жены поселяли в его сердце бури ревности, ярости и жажду мести. Умев быть тонким лицемером и лгуном, Парамон ничем не выдавал себя. Жены его, однако же, умерли одна за другой от неизвестных причин и как-то загадочно. Наивные жители Зеленого Рая, не замечая этой загадочности, видели только одно: неудержимо льющиеся из глаз Парамона слезы, и это заставляло всех повторять: бедняга этот Парамон, опять овдовел, и какой чувствительный и добрый. Была в нем одна особенность. Так как между ним и Богом не было никакой промежуточной инстанции, то он все свои огорчения и жалобы адресовал прямо в горние края, нисколько не стесняясь мыслью, что по адресу может и не дойти. С течением лет такое обращение делалось все более частым, и Парамон все менее начинал стесняться высоким положением своего небесного «врага», позволяя себе самое легкое, фамильярное обращение, переходящее в кощунство. Надо заметить, впрочем, что и все вообще обитатели колонии отличались этой особенностью, так как ни священников, ни господ чудотворцев в Зеленом Раю не было. Они все чувствовали себя, почти в буквальном смысле слова, детьми Небесного Отца, и обращались непосредственно к Богу, исполненные веры, любви, и от всей полноты своих наивных сердец. Эта простота обращений к Богу как бы зажигала в их душах неугасаемый светильник и делала их добрыми и тихими. С Парамоном происходило нечто иное: в его сердце тоже вспыхивал огонь, но не светильник любви и добра, а, скорее, адский факел, пылающий всеми огнями злобы и ненависти.

— Да, папаша, — прошептал Парамон, глядя на небо и нервно закивав головой, как при встрече со старым знакомым, — подкузьмил ты меня еще тогда, когда выскоцил я из чрева матери, и с той поры горит, горит мое сердце...

Ни одна женщина меня не любила... ни одна, ни одна, а у меня внутри языки огненные подлизывали сердце мое и каждый язык шептал: «Ха-ха- ха-ха!.. Как ты их любишь, бабенок-то, чучело морское ты этакое... пойди и удавись...» Ах, мне хотелось удавиться... И вот по терзаниям, которые ты мне причинял, я вижу, папаша, как ты лют... и я хотел быть таким, как ты, лютым, а у нас вот намордник на меня надели этим самым равенством между собой всех дураков. Во мне змий шипел, а я вот блеял перед ними как добрый козел... козел рогатый, значит... Нашли на них коросту с неба и покрой их красоту волдырями — тогда и я запою хвалу тебе... Василиса-Василиса! — ножик в твою белую грудь. Нет, я не о ней, собственно... Я о порядках в Зеленом Раю... Вот мое последнее слово, папаша, и пускай покроется мой язык белой проказой и черви источат мою внутренность, если я не исполню, что обещаю: как ты, хохлатый коршун, царь в небесах, так и я буду первым человеком в Зеленом Раю и тоже, как коршун, виться буду над людьми и насчет крови этой... Пугалом ты меня сделал, чтоб посмеяться тебе в небесах, так и мне вот посмеяться хочется... Лютым быть... Вот я читал книжки — везде по земле твои коршуны выются над людьми, чтобы терзать их, значит, — начальники, командиры, власти... Они — палачи, по твоему соизволению, папаша, — так я понимаю, — и где они — там ад... Так вот, ты проморгал послать расстройство в Зеленый Рай... Я буду палачом, папаша, и ты мне дай огненный бич с небеси... Надо их потерзать, и чтобы не свободными были, а рабами... Ты ведь, я знаю, первый мучитель, так дай мне власть, и я знаю уж, как их всех расстроить. Аминь! Слышишь, ты, — аминь...

Глядя на небо с необыкновенной дерзостью, Парамон страшно засмеялся каким-то беззвучным смехом, точно внутри его забился невидимый змей. Он круто повернулся, кивнув головой и проговорив «прощай», и большими шагами направился к домику его отца Демьяна.

Деревня спала. Огромные деревья едва шевелились своими листьями в прозрачно-ясной синеве ночи. Внизу синело море, блистая переливающимися лунными лучами и отражая в своей глубине мириады звезд. Восток начал бледнеть. В это время Парамон вышел из домика своего отца, и его лицо было злым и веселым.

В довольно большой комнате, стены которой состояли из буковых досок с вырезанными на них самодельными узорами, сидел за столом на скамейке чрезвычайно дряхлый старик. Белые, как снег, волосы его и такая же длинная борода, в рамке которых выделялось морщинистое с орлиным носом лицо, придавали ему вид патриарха. Голова его слегка покачивалась и глаза то совершенно закрывались, то, наоборот, широко раскрывались в выражении ужаса, точно он видел перед собой привидение. Комнату озарял огонек самодельной восковой свечи, бросающий слабые лучи на разного рода домашнюю, расставленную на полках утварь и на красные ковры, подаренные Демьяну персиянами. Ковры эти, с висевшим на них разного рода оружием, совершенно задрапировывали одну из стен и расстилались по полу.

Демьян продолжал сидеть, покачиваясь. И, когда закрывал глаза, то казался мумией, или мертвецом, но вслед за этим дряхлое тело его вздрогивало и глаза широко раскрывались. Все это показывало, что в уме его проходят всевозможные картины и воспоминания, и это в действительности так и было. Два его старших сына, разговаривая со стариком согласно программе, данной младшему брату, внесли в его ослабевший от старости ум совершенный хаос. Он долго сидел перед ними с видом куклы и только одобрительно кивал головой. В нем, однако же, всегда пребывала одна страсть — желание властвовать, распоряжаться, видеть вокруг себя преклоняющихся перед ним людей — внуков и правнуоков. В свободном Зеленом Раю этот порок его никому не приносил никакого вреда, потому что он находился скрытым в душе его, боясь показываться, и Демьян, негодяя на такие порядки, не смел, однако же, никогда высказывать свое неудовольствие. Два его сына расшевелили эту

дремавшую в его сердце змею, убедив его, что для счастья людей ему необходимо быть как бы патриархом или царем посреди своего крамольного народа. Тогда произошло нечто необыкновенное: дряхлый старик поднялся со своего места, и его старые глаза заблиствали прежним огнем. Явившийся под утро Парамон внес еще большую путаницу в его мысли, так что дряхлый старик неожиданно воскликнул:

— Драть надо, всех надо драть... чертей...

— Непременно, папаша... От дранья только телу больно, а душе весело... Вы будете как бы Бог в Зеленом Раю...

— Это мне по душе...

— И у вас в руке будет жезл с изображением змеи, как у Моисея. Означает он — власть и мудрость...

— Сыночек, миленький, ты, как ласточка, щебечешь в душе моей... А я думал, что лежу уже в земле — так тяжко было... Ты радость внес... Сечь...

— Как мы втроем скажем вам, так и приказывайте... Кого сечь — сечь, кого миловать — миловать... Так везде на земле, а в России особливо... Иначе, папаша, — ведь мы без попов, без веры и все устройство преступное — полиция из России придет беспременно... Вот на днях я видел полицейского... Что, говорит, у вас за общество такое, всех в кандалы надо... Ведь вы, папаша, беглый каторжник...

Глаза старика расширились с выражением ужаса и, схватив за руку сына, он дрожащим голосом проговорил:

— Учи-учи меня, как поступать-то... Я стар и слаб. Каторжник, между прочим... а коли меня схватят... Парамоша, ты учи только, кого драть надо... Плохо вижу глазами-то. Всетаки я, как царь...

Сидя на скамейке, он вытянул ноги и как бы застыл, но на лице светился как бы отблеск власти.

Красно-огненные лучи восходящего солнца вспыхнули на горизонте. Обитатели Зеленого Раю начали уже появляться в дверях своих домиков, в садиках и за оградами, где находилось царство пернатых и четвероногих, — с косами, серпами, граблями и иным подобного рода оружием. На не-

которых кровлях домиков виднелись молящиеся и стоящие на коленях люди, по преимуществу женщины. Все они шептали различные слова, сообразно пониманию каждого, — в этом заключалась вся молитва. Глаза устремлялись к небу, руки или складывались на груди, или подымались над плечами, но все это делалось с особенной искренностью и выражением лиц. Некоторые же, появляясь в дверях, возводили взоры к небу и произносили только про себя: «Пошли нам, Боже, здоровье и чистую совесть» — и больше ничего. Лица у всех были довольные и веселые, в разных местах слышались шутки и остроты, а Катя, легонько подгоняя хворостиной маленького осла и ступая за ним голыми красивыми ногами, притворно сердитым голосом крикнула высокому парню с черными усиками, нахмуриваясь и улыбаясь одновременно: «А ты не смей меня целовать, когда не дано тебе разрешение, — чумазый ты этакой!» Как бы разделяя веселость Зеленого Рая, овцы с легкомысленным задором били задними ножками, петухи, вскакивая на ограды, выкрикивали громкое кукареку, ручные самцы-фазаны вытанцовывали, семеня ножками, вокруг своих дам и громко хлопали крыльями, призывая своих подруг к любви; над ульями, сверкая в сиянии солнца золотыми точками, с жужжанием кружились рои пчел. По-видимому, решительно все обитатели Зеленого Рая — и люди, и птицы, и четвероногие — чувствовали себя прекрасно и, проникнутые взаимным доверием, были далеки от черной болезни, свойственной людям высокого прогресса и культуры, — пессимизма.

И вдруг, заглушая радостные крики и песни людей и животных, раздались необыкновенно громкие и как бы похоронные звуки, напоминающие колокольный звон. Это было настолько необыкновенным в этом счастливом царстве, что все так и остались в тех позах, в которых находились: молящаяся на крыше женщина — с воздетыми вверх руками, девушка, срезающая розы, как бы замерла с букетом собранных цветов, а ручной журавль, стоящий на углу дома и поднявший для чего-то одну ногу, так и остался стоящим с видом задумавшегося философа — на одной ноге и с клю-

вом, направленным в сторону, откуда доносился необыкновенный звон.

Звон не умолкал, а, наоборот, делался все более громким и зауныванным. Вдруг несколько человек, пробегая вдоль линий домов, стали громко выкрикивать:

— К Дереву совещания, милые люди, к Дереву совещания!

— Вот диво-то! — раздавались голоса с разных сторон.

— Откель звон-то идет — не понять.

Пробегающие люди в ответ на это выкрикивали:

— Теперь завсегда звоном будем вас созывать, милые люди. Идите же, идите — старики, женщины, дети. Сам прадедушка Демьян речь будет держать.

— Что ж, хотя и Демьян, — громко проговорил высокий человек, ударяя по голове рукой, чтобы удобнее на ней сидела соломенная шляпа, — мы не невольники, хотим — будем слушать, не хотим — нет. Это овец так свирелью называет пастух. Вот я и не пойду, коли так.

Он упрямо топнул ногой и скрестил на груди руки.

— Ну, милый дядя Вавила, чего там, уж пойдем, — проговорила высокая девушка и, проходя мимо Вавилы, шутливо хлопнула его по плечу. Потом она обернулась и, маня его добрыми глазами, вкрадчиво сказала: — Пойдем, — а там вместе будем.

Великан Вавила покорно шел за ней, а она оборачивалась и все улыбалась.

Люди шли по всем направлениям — старики, молодые люди, женщины, дети. Мучимые любопытством, о чем будет говорить дед Демьян, они нехотя выслушивали людей, протестующих против такого нововведения — созывать их звоном.

— Да, ну уж нечего, — проговорила Катя, перебивая слова влюбленного в нее парня с черными усиками.

— Что мы, невольники, что ли, сзывать нас звоном? — угрюмо проговорил парень.

— А я в тебя розу брошу, — проговорила она со смехом и бросила розу в его лицо.

— Ой, не приставай, Никита, — раздался девичий голос в другом месте, — а то вот тебе, вот...

Говоря это, девушка начала бросать в лицо обнаженного ее молодого человека цветы.

С смехом и разными шалостями обитатели Зеленого Рая быстро подвигались к Дереву совещания.

— Эй, люди милые, что это такое, что это такое! — раздался громкий голос Вавилы, который раньше других, дойдя до дерева, остановился под ним с видом удивления, созерцая поразивший его предмет.

Прежде под этим деревом ровно никаких вещей не находилось, теперь было не то: около колоссально широкого ствола стояла огромная, в сажень высоты кукла с безобразным и глупым лицом, с венцом на голове, изображающим сияние, с золотой звездой на лбу и с протянутыми вперед руками, ладонями вверх. Под ногами куклы была картина, изображающая пламя, в котором светились голые тела с мученическими лицами. Высоко, между ветвями, висел колокол со спускающейся книзу веревкой, которую кто-то тянул, и колокол все еще продолжал звонить. Поодаль от куклы стояло грубо сделанное кресло, напоминающее трон.

Собравшись огромным полукругом, обитатели Зеленого Рая долго стояли, не двигаясь, с устремленными на куклу глазами: вид этой куклы слишком их поразил. И вдруг среди полной тишины раздался взволнованный женский голос, прозвучавший как-то пророчески:

— Алешенька, милый... не будет больше радости в Зеленом Раю, и счастье наше улетит к ангелам... Смотри, это пугало со звездой на лбу протянул руки... он будет вытаскивать монеты из карманов, выпивать кровь из тела и разбивать счастье и радость... Как безумные станут жители Рая... Как юродивые будут молиться, не зная кому, и кривляться, и вздыхать, и в душе поселятся ехидны... Господи, вижу тучи на небе, хотя оно ясно, слышу причитанье из домов и безумные пляски...

Говоря последние слова, Груня, около которой стоял Алексей, охвативший руками ее талию, стояла с запрокинутой головой и с глазами, устремленными на небо. Лицо ее сделалось бледным, и она вздрагивала с головы до ног.

Обитатели Зеленого Рая, выйдя из своего оцепенения,

смотрели теперь то на куклу, то на странную девушку, совершенно не понимая значения ее слов.

— Какие дивные слова!.. Мы не боимся куклы, — стало раздаваться с разных сторон.

— Грунечка, милая, ты насказала неподходящие слова, — проговорил Алексей, нежно проводя рукой по ее волосам.

— Чудная она у тебя, Алеша, — раздался чей-то голос, в то время как другие крестьяне с негодованием заговорили:

— Не надо бы ей такое несуразное болтать. Кукла — кукла и есть. Шутник какой-то выставил ее под орешником нашим... Оно и хорошо — пугать воробьев будет чучело...

В другом месте кто-то закричал:

— Человеки милые, может, и вправду она вредная какая — кукла-то, так мы ее поволочем к берегу, да в море...

— В море, в море! — дружно подхватили голоса, и десятки рук протянулись уже было к кукле, как в этот момент произошло совершено ошеломившее всех «чудо».

Раздалось какое-то зловещее шипение, кукла задвигалась, и вслед за этим откуда-то снизу, где было изображение ада, показались два маленьких черных человека, или, правильнее, два черта с белыми глазами и с длинными бичами в руках. Бичи со свистом пронеслись в воздухе, со страшной силой хлестнув по протянувшимся к «святыне» рукам, и с быстротой мысли снова скрылись в свой «ад».

Толпа в испуге метнулась прочь от дерева, в то время как несколько человек завопили от боли.

Обитатели Зеленого Рая снова стояли неподвижно, совершенно ошеломленные удивлением и ужасом, и только несколько человек отчаянно вопили от боли, подымая над головой дрожащие, сочившиеся кровью руки, по которым пробежал бич «чертей».

— Чудо! Чудо! — громко прозвучал чей-то голос, по-видимому, изошедший из ствола Дерева совещания, но и это не вывело людей из состояния оцепенения.

Прошло довольно много времени, но они продолжали стоять неподвижно, с тупо и бессмысленно устремленными глазами на куклу. Вдруг опять раздался громко прозвучавший таинственный голос:

— Великие начальники идут, великие начальники и власти Зеленого Рая.

Все они так были ошеломлены явлением «чуда», что даже это жгучее для свободных граждан Зеленого Рая оскорбление не вызвало в них гнева, и они только, оторвав свои взоры от куклы, стали смотреть на показавшуюся в отдалении процессию.

Впереди всех медленно двигался, делая маленькие шаги, сгорбившийся дряхлый старик с длинным, доходящим до головы, жезлом в руках и в голубой мантии. На голове его сиял какой-то венок со звездой посередине, и от этого венца падали книзу снежно-белые волосы, достигая концами до длинной, белой, как снег, бороды. Влево и вправо от него, гордо выпрямившись, шли его два старших великана-сына. У Василия на плече блестал маленький топор, а у Петра было другое отличие: его грудь была накрест перетянута двумя широкими красными лентами. Сзади шел третий великан — Парамон, но сразу его трудно было узнать, так как он был одет в черное монашеское одеяние, с черным клубком на голове и, как всегда, с палкой в руке.

Крестьяне продолжали стоять неподвижно, так как от одного удивительного зрелища переходили к другому. Процессия, между тем, приближалась.

— Нет, люди милые, — проговорил вдруг Вавила, выходя из оцепенения, — или мой рассудок свихнулся и глазам моим кажется, чего нет, или нас, свободных человеков, оскорбляют злыми шутками... и даже бывают... Что это дед Демьян куражится в одежде, смеха достойной... что за колокол, что за кукла такая... в посмеяние нам...

Едва он проговорил это, как из глубины дерева послышалось зловещее шипение и потом что-то захохотало, захахало и засвистало.

Вавила испуганно отскочил, сделавшись почти таким же белым, как и его рубаха, а высокая девушка с добрым лицом, стоявшая рядом с ним, поспешно стала отводить его еще дальше.

— Вавилочка, милый, вишь, хохочет дерево... духи там... Ох, как страшно!.. Уж молчи лучше и пойдем со мной... Так и

быть, уж позволю тебе... что ты больше всего любишь...

В добрых голубых глазах девушки светилась ласка, но губы были бледны и исказились в выражении ужаса. Видя, что Вавила продолжает стоять на месте, она, охватив его шею руками, снова повторила шепотом, чтобы никто не слышал:

— Что больше всего — уж позволю тебе...

Вавила продолжал стоять неподвижно с глазами, устремленными на куклу, откуда все еще слышался свист и оханье; но не только он — решительно все обитатели Рая стояли, не двигаясь, с бледными лицами и глазами, устремленными на подошедшего к дереву Демьяна с сыновьями.

Старик, остановившись против дерева, поднял жезл над головой и некоторое время стоял неподвижно.

— Что делать-то теперь? — спросил он шепотом Парамона, который склонился к его уху.

— Разговаривайте с богом — за что серчает...

— Бог, нисшедший ко мне с небеси, — заговорил снова старец, дрожащим и слабым голосом, глядя на куклу, — чаю я, народ мой неразумный обидел тебя, святыня великая. О, замолчи и во гневе твоем не порази их бичами и молнией...

— Демьян повернулся к толпе и, указывая на куклу, сказал:

— Тсс... слышите, гневается бог!..

Действительно, в глубине куклы или дерева — трудно было разобрать — снова что-то завыло, захжало, засвистало.

— Помолитесь, — закричал Демьян, опускаясь вместе со своими сыновьями на колени перед куклой, но, видя, что народ стоит неподвижно, он сказал, обращаясь к толпе: — Внуки и правнуки мои, милые, не гневите бога, чтобы он вас не похлестал бичом... покорно согните колени, как я, столетний старец...

Волны ропота пробежали от одного конца в другой, народ задвигался и зашумел, а потом стали доноситься отдельные голоса:

— Один Бог — на небе. Мы не будем стоять перед куклой... Мы знаем только Бога и совесть, и вы все, кажется, шутите шутки...

— Как дальше брехать-то... — шептал в это время Демьян

своему младшему сыну. — Леший разберет... Парамоша, язык вот заплется и усталость, между прочим...

Видя, что дело не совсем удается, Парамон, сделав знак Василию, встал с колен, и оба они, взяв старца под руки, подняли его и усадили на «tron». С жезлом, торчащим над головой, Демьян сидел с важностью, поглядывая на свой народ, в то время как Парамон, повернувшись к толпе, громко проговорил, смиренно складывая на груди руки и голосом ласково-слащавым:

— Человеки, милые, добрые други, свободные, как вольные соколы, люди Зеленого Рая...

— Свободные, свободные! — раздались голоса, и можно было заметить, что лица обитателей Рая сразу повеселились.

— Не забывай это, дядя Парамон, любезный, — громко заговорил Вавила, — и как ты самый книжный человек между нами и самый добрейший, то не откажи сказать — светотопреставление началось, что ли, что нас стали, как овец, ссыпать звоном, и что это за бог такой, из которого выскаивают черти и хлестают по пальцам кнутом, и зачем это вы в одежде, недостойной и смешной, и как вы, имея Бога на небе, обижаете Его, падая на колени перед деревом... На все это дай нам ответ, Парамон милый.

— Дай ответ, дай ответ, и что за кукла такая, — послышались снова голоса, и волнение снова прошло по толпе, как шум листов на дереве в бурю.

Парамон, приготовляясь дать ответ, выставил вперед свою безобразную ступню, повернулся влево и вправо и с ласково-слащавой улыбкой на губах сказал:

— Други милые, свободные люди, дозволите ли мне держать речь?

— Можешь, можешь! — раздались голоса. — Говори, милый Парамон, а мы, свободные люди, тебя послушаем.

— Так вот вам мои слова, — громко воскликнул Парамон и поднял руку, указывая на небо. — Бог, Которому вы молитесь, совершил великое чудо и заговорил со старым Демьяном языком понятным, как когда-то с Моисеем на горе Синай.

С минуту царило гробовое молчание, так как слушате-

лей с новой силой охватило удивление.

— Милые друзья мои, я человек кроткий и всех вас люблю всем сердцем...

— Знаем, знаем...

— Так вот, я расскажу вам о чуде...

— Слушаем тебя... Говори, говори.

— Вот вы удивляйтесь, что Бог беседовал с Демьяном, а между тем, как я читал в книжке, наш Отец Небесный со всем народом говорил через избранных Им старцев. Ведь Он наш добрый Отец, мы — дети, значит, и вот Он с небес видит, что Его дети из Зеленого Рая, как овцы без пастуха, и идут в омут... Как же оставить так можно детей в несчастье, — вот Он и явился к пастуху, который не хотел пасти овец своих, — Демьяну...

Он остановился на мгновение и его взоры стали перебегать по лицам его многочисленных слушателей. Они продолжали стоять, не двигаясь, и их лица выражали испуг и изумление. Только Вавила закричал:

— Какие мы овцы!..

— Слушайте, какое чудо-то.

— Говори, говори!..

— Это было прошлой ночью, как раз, когда петух поет...

Подхожу я к дому моего отца — часто ночью навещаю милого родителя — и слышу голос, подобный грому в небе, и голос изрекает: «Демьян, Демьян, Демьян! Паси овец своих. На Своем небе Я много рассыпал звезд, но и у них свой воожатый — солнце, а вот сыны Мои в Зеленом Раю без пастуха. Демьян, Демьян, Демьян! Истинно говорю тебе, разбредутся овцы и пожрет их огонь крамолы, и тогда Я во гневе Своем пошлю молнию с неба, и она сожжет тебя и твой народ своевольный, живущий без законов, и сожжет она Зеленый Рай. Демьян, Демьян, Демьян, дай законы народу твоему и веди их, как добрый пастух, чтобы сын боялся отца, отец — начальников, начальники — пастуха, а все вместе единого Бога на небе и земле, Меня, грозного Саваофа...»

Оратор все более входил в свою роль. Поворачиваясь своим искривленным телом влево и вправо, со светящимися глазами, в которых сверкали злые искорки, он начинал гово-

рить все более отчетливо, резко, и наконец слушателям стало казаться, что это не прежний добрый Парамон, а какой-то пророк, из уст которого слова выходят, как гром. Какой-то безотчетный страх овладел всеми, так что когда «пророк» приостановился, никто уже не дерзнул нарушить гробового молчания. Глядя со скрытой радостью на своих «овец», Парамон продолжал прежним ласково-слащавым голосом, в котором, однако же, все более начинали звучать как бы раскаты грома. Озлобление и все скрытые силы, которые всю жизнь таились в нем, не смея выйти, как бесы, скованные цепями, вырывались теперь с неудержимой силой, и Парамон испытывал восторг демона, низвергающего своих врагов — ангелов — в ад.

— Милые други мои, люди добрые, свободные... да, свободные... хотя, милые люди, тучки на небе и те не свободны: их гонит ветер, журавли летят — вожак впереди: не свободны; звезды блестят на небе, да вот поднялся начальник — солнце — и где их свет? Полагаю я, что один Бог на небе свободен, да еще мы, свободные люди Зеленого Рая... Хаха-ха-ха!

Какой-то пронзительный, глумливый хохот вырвался из его рта, и тонкие губы забились, точно оторвавшись от своих мест. Вздернув кверху свои костлявые плечи, так что они поднялись до ушей, он вдруг закричал:

— Овцы своевольные, люди жалкие и смеха достойные, твари, дыхание которых в ноздрях, как вы можете одни быть свободными, когда и ветры не свободны, и пчелы имеют царицу — матку... Да покроет язва меня, и сведет сущий руки и ноги мои, если не великий грех это говорить: мы свободны, и если Господь на всех свободных на земле не опускает с неба огненные бичи. Слушайте же, голубчики, люди свободные, что было, как услышал я слова с неба... Напал на меня великий трепет и не помню, как уже я поволочил ноги и открыл двери дома родителя моего... Как только вошел, великое сияние ослепило меня, так что не мог видеть стоящего в комнате... а он стоял, сияя, как звезда в небе, и от слов, которые он говорил, подымалась как бы буря, так что волосы вздымались на голове моей...

Когда же виденье развеялось, увидел я старца Демьяна, лежащего на полу, как труп... Долго не мог говорить родитель мой, и когда наконец раскрылись уста его, он стал говорить как бы в наитии небесных сил. И сказал он мне, что Бог давно посещает его и открывает ему Свою волю, и воля эта такая: не должны люди обращаться с молитвой прямо к Небесному Отцу, ибо сие есть великая гордость, а должны попросить о своих нуждах Его ангелов и Его чудотворцев. Тогда я воскликнул в великом огорчении: «Как же мы можем молиться ангелам, когда мы их не видим, и чудотворцам, когда у нас их нет?». «Молчи, безумный сын, — громко ответил мне старец. — Бог, Который является мне, открыл перед мною завесу неба, и ангелы спускались ко мне, и я видел великого чудотворца». — «Родитель милый, — воскликнул я тогда в великом ужасе, — к нам подходит некто сияющий», — я воскликнул так, потому что в дверь, которая сама раскрылась, как от ветра, входил, окруженный огненным столпом, некто шестикрылый, с глазами, как звезды и с лицом, как белое облако... Старец упал в трепете на колени, воскликнув: «О, чудотворец великий Лай-Лай-Обдулай, что еще Господь через тебя изрекает слабому пастуху безумного стада?» — «Чтобы овцы твои обращались с просьбами к ангелам и моему чудотворному изображению, которое я спустил с небес под Дерево совещания... От сего времени он — вам бог — к нему и обращайтесь с ходатайствами к Богу — Саваофу, и вот вам законы, которые ты должен объявить на заре своему народу, а вот и жезл — в знак твоей власти». И увидели мы, что из руки небожителя, шелестя и развеваясь, опустился в руку старца пергамент с писанными законами, и еще увидали жезл, упавший, как молния, к ногам моего родителя с великим шумом, и видение рассеялось. Долго я беседовал со старцем, а потом позвал Петра и Василия и отправились мы под Дерево совещания, и вот видим — бог Лай-Лай-Обдулай. Братец мой Петр смотрит на бога и говорит: «Я не верю ему», равно и Василий так же сказал: «Я не верю ему», и вот, други мои милые, что произошло: бог во гневе своем засвистал и захохотал, раскрылось чрево его, и вот выскочили два беса и больно

постегали как Петра, так равно и Василия. Любезные братьцы мои, покажите ваши плечи с красными полосами от ударов бесов, чтобы и самые вольнодумные в Зеленом Раю не посмели бы сказать: «Не верим мы...»

Парамон повернулся своим искривленным телом к братьям, и последние быстро исполнили его желание: обнажившись до пояса, оба они стали поворачиваться в разные стороны, показывая свои исхлещенные чем-то плечи и спину.

— Человеки милые, смотрите, до крови исхлестали нас бесы, — проговорил Петр.

Василий же, стоя с нахмуренными бровями и гордо выпрямившись своей величавой фигурой, поднял руку над головой и голосом, в котором звучала власть, сказал:

— Вы, вольнодумные и непокорные люди, трепещите теперь: будут у вас начальники и будут власти...

— Дырявая твоя голова, — быстро шепнул Парамон Василию, но было уже поздно: толпа, с наивными лицами слушавшая смелое вранье Парамона о чуде, при словах Василия сразу пришла в волнение, и от одного конца в другой прошел гул голосов:

— Что он там врет!.. Какие начальники и власти! В свободном Раю начальник — лютый враг... Други, нас обманывают и, пожалуй, невольниками сделают нас...

Волнуясь и выкрикивая в разных фразах свое негодование, толпа стала постепенно приближаться к дереву и неизвестно, чем бы все это окончилось, если бы Парамон не закричал, делая поклоны почти до земли:

— Товарищи, друзья, свободные, как вольные журавли, люди!

— Ага, опять свободные!..

— Да, он сказал, что мы вольные журавли...

— Хороший человек этот Парамон...

— Он нам все кланяется...

И голоса закричали:

— Довольно, довольно кланяться, милый Парамон! Ты самый добрейший!

Парамон продолжал кланяться, опираясь одной рукой о палку, подымая свои ужасные плечи, и с каждым поклоном

почти прикасаясь головой к земле. Вдруг, перестав кланяться и выставив свою безобразную ступню, он с ласковостью в лице невинно проговорил:

— Добрые други мои, а ведь вы и забыли про законыто, которые Господь спустил нам с небес...

Толпа замерла, и снова воцарилось мертвое молчание, потому что это были слова, которые положительно не могли вместить в себя слушатели. С недоумевающими лицами они смотрели на оратора, а последний опять с невинным видом воскликнул:

— Что ж, друзья, послушаем, какие законы такие Сам Господь приказал ангелам начертать для нас...

И, не давая слушателям оправиться от изумления, он шагнул к старцу Демьяну и, сделав троекратный поклон, сказал:

— Родитель почтенный, над которым спускаются с небеси ангелы, допусти, чтобы недостойный сын твой прочитал Божии законы заблудшим овцам...

— Перстами ангелов написана она — грамота-то, — отвечал Демьян, выпрямляясь на своем «троне», опираясь одной рукою о жезл и доставая другой из-под одежды «законы», — достоин ли еще читать ты — не знаю, — сказал он громко и шепотом добавил: — Ты так врешь, Парамоша, как будто в душе твоей сто чертей сидят...

— Божии законы! — воскликнул Парамон, принимая бумагу из рук отца. — Благоговейно молчите, друзья мои, — громко сказал он толпе, — и да царствует священная тишина, а мы на колени станем.

С последним словом он опустился на колени, а за ним и его братья. Что же касается до обитателей Зеленого Рая, то они с невыразимым изумлением смотрели на всю эту комедию и, так как их простодушие и наивность были слишком искренними, то они были далеки от понимания всего, что происходило перед их глазами. Обман был слишком велик и дерзок, чтобы они могли допустить его, чудеса слишком поразительны, чтобы они могли верить им, а Парамон слишком изворотлив и хитрым, чтобы вовремя не останавливать ласковостью и лестью вспыхивающее в них момен-

тами негодование. В результате получилась удивительная картина: сотни человек с расширившимися глазами стояли, подобно истуканам, выслушивая колоссальное лганье нескольких человек. Они, однако же, на колени не стали, как этого хотел Парамон, за исключением нескольких женщин, вполне уверовавших, что совершаются чудеса.

— Добрые люди, — возгласил Парамон, — вот что начертано перстами ангелов кровью на сих скрижалях. Внимание.

Среди гробового молчания он начал читать:

«Слово от Бога. Великого чудотворца Лай-Лай-Обдулай заблудшим овцам Зеленого Рая, — внимайте — о внимайте, о внимайте!..»

Необыкновенно громко воскликнув это, он указал на «чудотворца»; старики громко вздохнули и, преклонив свой жезл перед деревянной куклой, опустили низко голову. Петр и Василий тоже испустили какие-то вздохи и распростерлись перед «чудотворцем» лицом вниз. Все это как бы гипнотизировало толпу, из уст многих «овец» исторглись вздохи, и какая-то женщина истерически зарыдала.

Парамон стал читать:

«Отец с небеси с великим гневом взирает на вас, люди Зеленого Рая, ибо вы без законов живете, и вот вам законы:

Первый Божий закон.

«Да повинуются все твари Зеленого Рая начальникам своим, и будут они для них как боги, так что не чтящий начальника оскорбляет Бога, а любящий начальника, как покорный сын, будет в том мире ангелом у престола Божьего...»

Волнение опять прошло по толпе, и послышались негодящие голоса: «Нет у нас начальников... не хотим команды иметь над собой... свободные люди...»

Заглушая голоса, Парамон громко возгласил:

— Милые товарищи, друзья — люди добрые, свободные, свободные...

— Опять свободные! — раздались голоса в толпе.

— Разберем после... Не поймешь... То свободные, то на-

чальников слушай...

Подымая с трепетом руки к небу и закатывая глаза, Парамон закричал:

— Видит бог, я хочу видеть вас там... ангелами, ангелами...

— Какой добрый этот Парамон...

— Он хочет, чтобы мы были ангелами...

— Читай, добрый Парамон, законы божьи... мы слушаем...

— Второй закон Божий, — возгласил Парамон.

— Читай, читай!..

— «Я, грозный Лай-Лай-Обдулай, приказываю вам в по-те лица работать над землею и, когда земля родит больше, нежели вам надо для прокормления, отдавать излишек в общее казнохранилище...»

— Э-э, милые люди, что он читает, — раздался чей-то громкий голос в толпе, и вслед за этим десятки голосов закричали:

— Мы не хотим, не хотим... Этими законами нас свяжут по рукам и ногам... Какие это законы... не хотим, не хотим...

Волнения усиливались; тогда Парамон опять начал делать низкие поклоны и называть обитателей Рая людьми свободными и вольными, как птицы; на этот раз, однако же, и это не помогло. Видя, что «овцы» бунтуют, оратор поступил чрезвычайно решительно: неожиданно выпрямившись, он вдруг закричал громовым голосом, прозвучавшим, как труба:

— Ангелы, ангелы, ваше место — небо, отойдите в одну сторону, демоны, демоны, ваше место — ад — в другую сторону...

Толпа затихла, а «пророк», сразу переменив тон, ласково заговорил:

— Разделитесь, разделитесь, милые люди... Кто хочет слушать слово Божие — налево, враги его — в другую сторону — для огня и ада...

— Слово божие читай, Парамон, читай... Все охотно слушаем...

«Пророк», незаметно улыбнувшись тонкими губами, стал читать третий «закон Божий»:

— «Не подобает вам, люди Зеленого Рая, поступать в ваших домашних делах по голосу вашего скучного ума: голос этот — ваши бесы — заводит вас в пропасть, пока живете, и в огонь неугасимый по смерти. Я, великий Лай-Лай-Обдулай, повелеваю вам во всех делах подобных спрашивать начальников: надо ли кому жениться — сделай это, когда разрешит тебе власть, надо ли развестись — опять та же земная власть исполнит мою волю великого чудотворца. Хочет ли кто книги читать и быть умным — Лай-Лай-Обдулай по своей великой милости бросит в твой скучный ум искру от великого пламени светлого чудотворца. Что ни попросите — дам, а гордым и чванливым — розги при жизни, а на том свете — огненная печь. Бог на небе по великой милости своей хочет сделать вас народом сильным и богатым, а потому я, светлый чудотворец Лай-Лай-Обдулай, запрещаю вам брать в жены себе девушек крамольных духоборов, а только тех, на которых укажу, — богобоязненных и перед начальниками не сварливых, чтобы и детям их быть на том свете ангелами... Теперь внимайте, о внимайте, каких начальников я, великий Лай-Лай-Обдулай, ставлю над вами по милости своей. Самая высокая власть ваша земле — богобоязненный родоначальник великого народа в грядущем — Демьян, и титул его такой: главный правитель Рая Зеленого...»

Парамон приостановился, так как «главный правитель» в этот момент поднялся со своего «трона» и сделал поклон до земли, преклоняя в то же время свой жезл.

Ничего не отвечал народ, только задвигался влево и вправо, и прошел слабый ропот, точно шум волн на море. Не замечая этого, Парамон продолжал:

— «Вторая власть ваша на земле — старший сын оного старца — Петр и титул его такой: главный казнохранитель, и назначаю ему знак на груди — две скрещенные красные ленты. Третья ваша власть — начальник Василий, титул его — начальник Зеленого Рая и знак на нем — топорик на плече. Четвертая власть на земле, — богобоязненный, наикротчайший Парамон и титул его — начальник веры и школ...»

Негодование, бушующее до сих пор в сердцах народа, вырывалось теперь в шумном ропоте. Кто-то захохотал негодящим злым смехом, какая-то женщина всплеснула руками и крикнула: «Ах, голубчики, на нас ярмо накинули, как на осликов». И вот с шумом и ропотом толпа двинулась.

Видя все это, Парамон стал кланяться до земли, и от страха лицо его сделалось белым как мел. Главный казнохранитель, став рядом с Парамоном, тоже начал кланяться. Третий брат, Василий, поступил совершенно иначе: гордо выпрямившись, подбоченясь и отставив одну ногу, он грозно нахмурил брови над засверкающими черными и злыми глазами и вдруг со зловещей улыбкой закричал:

— Что, сволочь крамольная, кричите...

Если бы молния с неба упала на головы обитателей Рая, то они менее были бы поражены, нежели словом «сволочь», изошедшем из уст Василия. Мгновение толпа стояла неподвижно с изумленно расширившимися глазами, но в душе каждого человека кипело негодование. Вдруг вся толпа двинулась, в то время как Вавила, подняв руку над головой и потрясая ею в воздухе, грозно закричал:

— Друзья, люди милые, нас обманывают...

— Разобьем бога и перевяжем обманщиков! — единодушно закричали обитатели Рая и быстро двинулись к дереву.

Тогда произошло нечто необычайное.

Парамон, увидев, что поклонами здесь ничего не поделаешь, повернулся к Василию и, глядя на него злыми глазами и искривив свой страшный рот, с необыкновенной язвительно-насмешливой улыбкой проговорил:

— Что, дырявая башка, стоишь как столб! Образовал бунт, дурак, так зови теперь своих чертей... Ну!..

Василий на мгновение растерялся, так как он совершенно не узнавал своего брата и был озадачен таким невежливым обращением ласкового добряка, каким он считал его, с ним, «начальником Рая». Однако же, так как основным качеством его была гордость и жажда властвовать, то, быстро оправившись, он снова принял гордый вид и вдруг пронзительно громко засвистел.

— Чего он свистит? — раздались голоса в толпе, и все наступающие на мгновение приостановились.

Из леса, который начинался за Деревом совещания, раздался такой же свист, потом гиканье, и вот показались какие-то невиданные никем всадники на маленьких лошадках, в оборванных черкесках, с папахами на голове, с кинжалами за поясом и с длинными бичами в руках. Неизвестные люди неслись в карьер на толпу, описывая свистящими бичами круги в воздухе.

Ничего не понимая, люди стояли неподвижно первое мгновение, даже после того, как неизвестные всадники, врезавшись в толпу, начали хлестать свободных и благородных обитателей счастливого Зеленого Рая. В разных местах раздались какие-то жалобно-протяжные, тоненькие крики боли и смертельного ужаса. К голосам этим, сначала изошедшим из уст девушек и женщин, присоединились мужские голоса, и вот свободные граждане республики Зеленый Рай заметались на месте, как стадо овец, окруженное волками. Еще минуту спустя все они пустились бежать по одному направлению к деревне, подобно стаду диких и пугливых антилоп, прорвавших в одном месте расставленные силки и убегающих с дико-испуганными криками и жалобно поднятыми кверху мордочками, в то время как их нагоняют злые хищники.

Давно уже неизвестные люди повернули назад на своих лошадках и, остановившись под Деревом совещания, со смеем смотрели на трех братьев, ожидая условленной платы, а обитатели Зеленого Рая все продолжали бежать, испуская крики. Некоторые мужчины держали в своих объятиях избитых бичами девушек или женщин, из глаз которых струились слезы, и бежали со своими живыми ношами, плача из жалости к ним.

— Грунечка моя, касатка... Я думаю, что настал конец света и люди взбесились... Груня, Груня, открай глаза...

Говоря все эти слова и стоя перед положенной им на траву девушкой, Алексей с исказившимся лицом то смотрел на нее, то подымал свои заплаканные глаза к небу, как бы жалуясь скрытому в нем «Отцу людей». Небо было безоблач-

ным и голубым, как всегда, но он не узнавал его больше: по лицу и плечам девушки проходили глубокие красные полосы, и ему и в небе виднелись косматые черные при-видения, скачущие по окружности горизонта с бичами в руках и отпечатывающие на голубом небе красные полосы. Наивная, глубоко религиозная, доверчивая, как у младенца, душа его пришла в смятение, точно в нее бросил кто-то пылающий огонь. В уме его был полный хаос, потому что он никак не мог разобраться в том, что произошло, но он понимал только одно: кто-то жестоко оскорбил и насмелялся над ним, его невестой и обитателями Рая, а могущественный Бог безмолвствует, не заступаясь за них...

— Так ты вот какой! — воскликнул Алексей, взглянув на небо, и потом снова уставил свои грустные глаза на бледное лицо девушки. Она лежала с закрытыми глазами, вздрагивая плечами, точно на них все еще сыпались удары бича, и из полуоткрытых уст ее вырывался жалобный крик, как от боли. — Груня, Груня! — закричал Алексей, стоя на коленях перед ней и этот крик смешивался с криками все еще бежавшей толпы.

Какая-то женщина с распущенными волосами мчалась впереди всех, подняв кверху бледное, с раскрывшимися губами, лицо. Добежав до места, где находился Алексей, она остановилась, колени ее подогнулись, точно по ним ударили кто-то палкой, и она упала лицом вниз, разбросив в обе стороны руки...

— Где мой Вавила... Вавилинька мой!..

Бежавшие люди все стали бросаться на землю с жалобными вздохами, слезами и стонами. Скоро здесь на траве расположились все обитатели Зеленого Рая, и все они плали, стонали и обращались к небу. Кроткие и чистые, привыкшие верить, что совесть — святыня для каждого человека, они так растерялись, так ужаснулись и так опечалились, как если бы небо упало на землю. Во многих местах раздавались стоны избитых людей и рыдание, и жалобы окружающих их. Разнообразные звуки — стоны, жалобы и рыдания — смешивались в один непрерывный гул, так что казалось, что над счастливым Раем пронеслись толпы зави-

стлиных демонов и бросили в умы людей безумие, а в сердца — огонь.

— Катя, жавороночек мой!.. Пальчики, пальчики перебили твои, лучше бы мне отрубили голову...

Высокий парень с черными усиками склонился над плачущей девушкой, и из его собственных глаз потекли слезы.

— Ну, ничего уж... — сказала Катя со слабой улыбкой, силясь удержаться от слез, но не выдержала и зарыдала.

Вдруг раздались крики:

— Вавилу, Вавилу несут...

Девушка, упавшая лицом в траву, приподняла голову и стала озираться. Глаза ее оживились и, вскочив на ноги, она побежала по траве...

Вавила лежал на руках двух людей и стонал от боли. Увидев девушку, он приподнял руку кверху и закричал:

— Богом тебе клянусь, Оксаночка моя, Оксана... насмеялись над нами звери лютые и хотят сделать рабами...

Он приподнялся и закричал:

— Человеки добрые, что же Бог допускает это... издеваясь так... Смотрите, у меня поломали ребро... Отцу на небе до нас и дела нет...

— Уж молчи лучше, Вавиленька... И так побили...

Она упала ему на шею и заплакала.

III

Опять подымалось солнце — такое же огненно-пурпурное, радостное, как бы разбрасывающее миллионами своих лучей ласковые улыбки по земле и морю, как и в былые дни; опять под безоблачным небом тихо шелестели листья величественных чинар и грабов, точно нашептывая людям чудные грэзы иного лучшего мира; опять белые барабашки легкомысленно и весело брыкали задними ножками и невинно блеяли, опять ручные фазаны танцевали перед своими дамами в ожидании любви. Опять рдели розы, опять с ликующей трелью кружились жаворонки... Решительно все

— и природа, и птицы, и цветы — были такими же, как и в былые дни — и ликовали, пели, смеялись, но человек в Зеленом Раю не чувствовал уже прежнего ликующего счастья и не смеялся. Перестали смеяться парни, перестали звонко хохотать своим чарующим, беззаботным смехом молодые девушки, и только три сына Демьяна, проходя по деревне, тонко и коварно улыбались в свои длинные бороды. Давящая власть покрыла как бы трауром прежнее сияющее счастье, и люди находились как бы под влиянием какого-то кошмара. Злой разрушитель человеческого счастья — человек, и человек для торжества и глумления над таким же, как он, поселил в сердце человека беспокойство, страх, чувства оскорблений, и в уме — пугливые мысли, несущиеся одна за другой, как летучие мыши, с диким писком кружащиеся во тьме.

И как только показалось на горизонте солнце, так сейчас же начал доноситься до деревни колокольный звон; это чудотворец Лай-Лай-Обдулай сывал обитателей Зеленого Рая к себе под дерево на поклон.

— Ишь, орет во всю глотку, пугало размалеванное, — проговорил старый крестьянин, выходя из дверей своего домика и по привычке взглянув на небо. И хотя небо было ясно-голубым, вместо прежнего привычного обращения к Богу он только сказал: — Господи, что же Ты нас забыл?

— Правда, касатик, правда, — подслушав его, проговорила старая женщина, собирая в соседнем саду граблями сено, — теперь такое настало, что не знаешь, кому и молиться. Говорят, Бог не услышит, высок Он, по начальству изволь ходатайствовать... Кружится голова моя, стара я, и одна неразбериха это — Бога ли мы прогневали, или нас люди обморачивают...

Она огорченно закачала головой и, схватив грабли, зацепила ими сено и потянула куда-то по направлению к ожидающим завтрака коровам. За ней бежали маленькие дети с криком «Бабуся, бабуся, молочка!..»

На крышах некоторых домов, как и былые дни, стояли на коленях группы женщин и стариков, но в их глазах, устремленных к небу, светились грусть и недоумение, а лица

выражали беспокойство и как бы растерянность, точно они искали в небе кого-то и не находили его больше. Небо закрыло перед ними свое светлое царство, а недра ада выдвинули и расставили по земле истуканов с надписью «чудотворцы». Тем не менее, колокол долгое время напрасно потрясал воздух звоном: жители упрямо не хотели идти на приглашение великого Лай-Лай-Обдулая. Однако же можно было видеть, как кое-где, стараясь скрыть свои лица и согнувшись, как люди, совершившие гадость, брели по дороге к «богу» одинокие женщины, а иногда за ними, как идущие на веревочке бычки, и мужчины: в этих случаях слабые существа оказываются достаточно сильными, чтобы вести человека прямо в лапы черта. Надо сознаться, что и в Зеленом Раю, как вообще на земле, не все люди были одинаково честны, простодушны и бесхитростны, а только прежде худшие свойства свои они старательно скрывали, но вот под звон колокола Лай-Лай-Обдулай как бы говорил людям: «Придите ко мне лукавенькие, жаждущие тьмы и завистливые к достоинствам добродетельных, я дам вам власть помрачать дух людей, и бесы суэты в вашем сердце возлиялиают». Начальник веры и школ, Парамон, умел понимать дьявола и незаметно начал подбирать себе из обитателей Рая прозелитов новой веры идолопоклонства. Очень многие, и в особенности женщины, прониклись скоро мыслями, которые в их умах приняли такую форму: Бог высоко сидит и не услышит, а с «чудотворцем» приятно побалакать о том о сем, и он к тому же удостаивает животом разговаривать с просителями — свистит и смеется. Конечно, Парамон, делая все это, очень хорошо понимал, что, чтобы оплести обитателей Рая цепями рабства, надо сначала между Богом и человеком установить ширмы — духовную администрацию из чудотворцев и святых, и когда люди станут преклоняться перед размалеванной куклой, они будут снимать шапки и перед всяким земным начальником. Сумев подыскать из всей деревни несколько десятков людей, нашедших особенную приятность в новой вере и каждое утро отправляющихся преклониться перед великим Лай-Лай-Обдулаем, Парамон навербовал себе свиту из десяти человек.

Это были самые большие глупцы, которых можно было только отыскать в Зеленом Раю, люди с медными лбами, но с сильными мускулами и тяжелым кулаком. Обитатели Рая назвали их Черным Десятком. Говорили, что они хранили под своим платьем дубины и ножи. Они, собственно, были более нужны «начальнику Рая» Василию, так как его роль заключалась в осуществлении замыслов Парамона посредством страха и физического воздействия. Надо было добиться от обитателей Зеленого Рая признания властей, полного пренебрежения к божеству прадеда Осипа — голому совести, постепенного отступления от второго божества — правды — в пользу новой заповеди: «так начальники приказывают» и, наконец, самое важное, заставить отдавать плоды своих трудов в общее казнохранилище — в дом Петра. Осуществить все это представляло большие трудности, так как большинство крестьян совершенно не хотели признавать ни великого Лай-Лай-Обдулая, ни Демьяна с его сыновьями, ни их права отнимать у них плоды их работ.

Солнце продолжало величественно подыматься, а обитатели Рая с тревогой в лице расхаживали по своим садикам, неохотно принимаясь за разного рода работы. Она валилась из рук, так как всех терзала мысль, что все, что земля рождает, «начальники» могут отобрать.

— А я вот не пойду сегодня в поле, и завтра, и никогда не пойду, — с раздражительным видом проговорил молодой крестьянин со светлыми, как лен, волосами, острыми чертами лица и выпуклыми, как у зайца, светлыми глазами.

Проговорив эти слова, он бросил косу, с которой шел куда-то из домика, так что она зазвенела, и, скрестив на груди руки, стал неподвижно смотреть в одну точку.

— Как так, Никита, не пойдешь? — проговорила невысокая женщина с ребенком на руках, который жадно сосал ее грудь. — Намедни Сафон вот объявил, что не станет работать, да Федот третьего дня говорил: баста, не хочу кормить Лай-Лай-Обдулая, и без того брюхо толстое...

Она звонко захохотала, запрокидывая голову и выставляя полные груди, по которым карабкался крошечный гражданин Зеленого Рая, как по несокрушимым утесам. Фраза

эта далеко прозвучала по соседним садам, и с разных сторон послышался хохот.

— Вот и совершенная правда, — раздался голос какого-то крестьянина, — и я так точно думаю: не надобно нам работать больше...

Раздался звон брошенной на землю косы.

Женщина, улыбаясь и показывая белые зубы, продолжала:

— Так вот, Никита, милый, должен ты идти по этому самому...

— По чему — по этому самому?

— Начальнички теперь развелись и для ослушников у них есть на то... палочки и кнутчики.

Черные глаза женщины сверкали и смеялись, и она опять закинула голову, раскрывая красные губы, и опять по ее грудям стал карабкаться маленький гражданин, как по скалам. Теперь вокруг нее стояли слушатели: крестьяне и крестьянки с косами и серпами в руках, собравшиеся в поле.

— Ульяна, — закричал Никита, сверкая своими выпуклыми, как у зайца, глазами, — ты что это болтаешь...

— То и болтаю. Начальника веры слушал ты — ась? Солнце, говорит, и то несвободно: как ему заказано, так и ходит вокруг земли, а вы — людишки, для которых кнутчики присажены у нас. Так вот это самое — слышал — ась?

Она прищурила черные глаза, склонив голову набок, и лицо ее смеялось. Ее муж, Никита, с минуту стоял в задумчивости и потом раздраженно проговорил:

— Так пусть пропадают и мой виноградник и поле — не буду работать, не хочу, и даже это большой стыд для нас — работать подневольно...

— Да ведь поле-то так покидать грех — это первое будет, а начальники с топориками — это особь статья. Как полагаешь, Никиточка мой, кнутчики кусаются — ась?

Она опять склонила к плечу голову, а маленький гражданин стал колотить по ее грудям кулачками с таким ожесточением, точно это были две неприятельские башни.

— Так вот что я сейчас сделаю, Ульяна...

Он поднял косу с земли и, держа ее над головой, про-

должал:

— Положу ее на руки Лай-Лай-Обдулая... Пусть сам и сеет, и косит, и собирает виноград... Я ему не прислужник, этакой кукле, очень надо...

Вокруг раздался хохот стоящих крестьян и среди смеха короткие фразы:

— Во-во — чудотворцу в самый раз!

— Только хохочет брюхом это, а работы никакой...

— Коли чудотворец, пусть скажет слово такое: коса сойдет с небеси и сама заходит по полю... А нет — чурбан он из дерева — так я понимаю...

— Вот что, милые люди, — заговорил вдруг Вавила, неожиданно появившийся среди толпы с перевязкой на лице, — пойдем и побросаем косы к ногам чудотворца, чтобы не было для нас такой обиды...

— Побросаем косы, — раздались десятки голосов, а Вавила продолжал:

— Человеки добрые, лучше умереть, нежели иметь начальников над собой и лишиться свободы. Человек свободный делает, что ему подсказывает совесть, а раб идет, как вол, за хозяином, и потому не человек он, а кукла. Сыскались между нами большие обманщики и гордыбачат. Что ж, ужели, как верблюды, подставим спины свои и скажем: кладите на нас всякие тяжести — повезем? Голубчики, люди милые, да ведь этак мы смеха достойны, и всякий плонет на нас и скажет: рабы паршивые. Да, мы рабы, перед которыми поставили куклу и говорят: молитесь богу, и работайте на нас, и слушайте во всем нас, как ослики хозяина. А там, во чреве-то куклы, может, сидит какой пакостник — вот и свистит брюхом чудотворец божий. Что ж это такое, люди милые, платить какие-то оброки, не иметь своей воли, спрашивать, жениться ли или развестись, кланяться в пояс таким же, как мы, человекам... Скоро запрягут нас, как волов, я полагаю, и погонять станут...

Здесь он должен был приостановиться, потому что высокая девушка с добрым лицом, Оксана, давно уже стоявшая около него, при последних его словах легонько толкнула его под локоть и прошептала:

— Тсс... Вавиленька, милый... тсс...

— Радость моя! — пламенно воскликнул великан, окруживаясь рукой вокруг ее шеи; она же ласковым шепотом продолжала:

— Не можно тебе, Вавиленька, милый, речь держать...
Тсс, не смей...

— Мы должны защищаться — свободные люди...

— Ты запамятовал, Вавиленька, голубок мой, как у тебя одно ребро выбили, хоть и свободный... Будешь говорить, и другого недосчитаешься: вот у тебя жены- то и не будет...

— Как не будет жены? — удивленно спросил Вавила и, так как и другие крестьяне слышали сказанные ею слова, то внимание сделалось общим. Она же, положив пальцы на плечо Вавилы, таинственным шепотом, но так, что ее слышали, произнесла:

— Видишь, почему это, Вавиленька мой: Бог из ребра мужчины сотворил жену, как это читал где-то один старец, а вот у тебя и теперь одного уже не хватает, а как еще станут выбивать, то, пожалуй, не останется и одного ребра, чтобы жену сделать тебе...

Крестьяне переглянулись глазами, засверкавшими смехом, и громко захохотали, а Вавила все смотрел на Оксану. Она была так прекрасна и стояла перед ним с такой прелестной улыбкой на лице, что великан не выдержал: лицо его сделалось красным от восторга, и вдруг он закричал восхищенным голосом:

— Оксана!

Он приподнял девушку в порыве восторга и закричал, обращаясь к толпе:

— Богом клянусь, люди добрые, Оксана по совести женой моей делается. И кто мне, свободному жителю Раев, может сказать: не женись? Это все одно, что сказать: поломай себе ногу, потому что, люди милые, мне легче скакать на одной ноге, нежели жить без Оксаны...

— Правда, Вавила, правда, — со смехом закричала толпа, — лучше тебе скакать на одной ноге, да с Оксаной, нежели с двумя, да без нее...

— И вот, други милые, пакостники эти уже и сердцем хотят командовать, а там по загривку начнут бить, а потом и совсем в овец обратят, и будем блеять — бля-бля-бля... По сему сказанному, люди свободные, вот что мы сделаем: возьмем косы, бабенки серпы, значит, и положим все это на руки Лай-Лай-Обдулая. Пусть поработает чудотворец...

Окончив это, он опять с восторженным увлечением восхликал, подымая девушку кверху:

— Оксаной клянусь — сделаем это...

— Хорошо Вавила сказал... Хороший человек Вавила!.. Идем, идем, идем, свободные люди...

С такими криками, под предводительством великана Вавилы, мужчины и женщины, потрясая над головами своими косами и серпами, как знаменами, и производя ими сильнейший звон, двинулись между рядами домиков по направлению к Дереву совещания. Зеленый Рай ожидал и, казалось, зазвенел, так как теперь развеселившиеся крестьяне нарочно ударяли косами и серпами в такт своих шагов, производя род музыки. Веселье овладевало ими все сильней, и, видя это, толпы маленьких детей и девушек с виноградными гроздьями в руках и розами, сплетенными в волосы, шумно сбегая с кровель домиков, побежали за толпой.

Однако же далеко не все обитатели Зеленого Рая пошли складывать свои косы и серпы на руки чудотворца. Нашлось много мужчин и женщин, не поддававшихся увлечению, и, в то время когда толпа шла, они, как осторожные звери, шмыгающие при виде опасности в кусты, незаметно один за другим стали исчезать за дверьми своих домиков. Были и другого рода люди, давно радующиеся, что нашелся новый бог и, хотя он из дерева, но виден глазами, и что все по-новому пойдет с начальниками и властями. Это были люди духовной нищеты и убожества, для которых свобода была слишком обширным храмом, в котором они не могли летать, а небо слишком высоким, чтобы духом восноситься до него, и их мысли, как черви, стремились расположиться по темным уголкам. Для них деревянный болван был реальное, приятное существо, и они охотно верили в его могущество и святость. Были, наконец, и третьего рода

люди, охотно переходящие из своих личных выгод и силой своих разнообразных страстей и пороков на сторону начальников. Для плоских умов этого рода людей заслуживало уважения и преклонения только действительно существующее, как власть или сила, а всякие убеждения, принципы, правда, честь порождали в них только глумливый смех.

Как только толпа вышла за пределы Зеленого Рая и только издали доносился еще звон кос и шум голосов, так на опустевших местах деревни стали появляться высокие люди с грубыми лицами и дубинами в руках.

— Варсоний, а Варсоний! — негромко крикнул огромного роста плечистый крестьянин, выходя из-под кустов акаций с наклоненной головой и дубиною в руке. Во всей его фигуре — неуклюжей и сильной — было что-то бычачье, и тоже что-то бычачье и бесстыдное смотрело из больших, оловянного цвета, глаз.

— Ау! — раздался ответный клик, и откуда-то появился низенький, плечистый человек, который, подойдя к великану, тихо сказал: — Герасим-Волк, слышишь — косами как звенят дурни... Чудотворца пугают и на руки ему хотят положить косы-то... Бунтуется Зеленый Рай, бунтуется... Что будем делать, Герасим-Волк, а?..

— Стегать кнутами — вот что делать, — пробасил Герасим-Волк, раскрывая широко рот и наклоняя голову с таким видом, точно из гортани его выскакивала проглощенная им кость. — Люди что зайцы, а мне мило смотреть, как они дрожат и плачут. Я думаю, первый человек на свете — молодец, которого все боятся. Я представляю себе тоже, Варсоний, Бога: он косматый, с руками как два дуба, и сила его, как у десяти медведей, — рявкнет, и на землю падают слезы с туч, а море подымается брюхом в испуге и ревет. По этому самому боятся Бога. Я, Герасим-Волк, тоже сильный, и хочу, чтобы и меня боялись... Вот отчего я служу начальникам: рявкну — и они разбегаются... весело смотреть бывает... ха-ха-ха!..

Из его огромного рта полился смех, напоминающий рычание животного. Варсоний смотрел на него насмешливо

маленькими, хитрыми глазами и сказал:

— Хорошо, дурак, пугай людей и рявтай, когда я тебе дам такой приказ, а до времени не смей...

— Ты меня только води, Варсоний, а набрасываться и пугать я буду сам.

— Теперь, чучело, иди за мной: пойду рассказать все начальникам...

Он пошел по направлению к домикам, стоящим невдалеке от Дерева совещания: там на большом пространстве были расположены домики Демьяна и его сыновей, образуя как бы отдельный крошечный городок. Там теперь проходили работы: люди, не известные жителям Рая, возводили какие-то стены, копали рвы, делали окопы и строили какой-то большой дом с необыкновенными украшениями. Все это страшно изумляло жителей Зеленого Рая, и в то же время волновало: они начинали понимать, что начальники отделяются от них, как пастухи, взошедшие с собаками на гору, чтобы наблюдать за стадом.

Варсоний и Герасим-Волк ушли, но на их место стали собираться в группы другие странные люди с разными орудиями в руках. После некоторого совещания они направились к домикам, где происходили новые сооружения.

Женщина с ребенком на руках все еще стояла на прежнем месте, глядя смеющимися глазами в сторону, где скрылись взбунтовавшиеся жители Рая, а с ними и ее муж Никита. Ей было очень весело, а потому минутами ее голова снова откидывалась назад, смеющиеся губы раскрывались, а маленький гражданин снова начинал карабкаться по двум башням на ее высокой груди. Вдруг около нее появились две женщины, одна старая, с острыми чертами лица и злыми острыми глазками, и другая — высокая, тоненькая блондинка, одетая в белую рубаху, спускающуюся до земли и перехваченную вокруг талии голубой лентой. Необыкновенно пушистые золотисто-светлые волосы, окаймляя ее молочно-белое с ярко-голубыми глазами лицо, падали по плечам до самых колен и перевивались между собой, образуя род золотистой одежды. В выражении ее нежно обрисованного лица, с маленьким ровным носом и маленьким, по-дет-

ски сложенным ртом, было что-то наивное, детское, доверчивое и вместе с этим восторженное. Ее голубые глаза, в зависимости от ее настроения, делались то темными, как ночное небо, то светлыми и блестящими, как переливающаяся морская волна. Она была самым странным и загадочным существом в Зеленом Раю, так что обитатели его относились к ней даже с каким-то суеверным страхом.

Старая женщина, глядя своими острыми и злыми глазами на смеющееся лицо женщины с ребенком на руках, закачала головой и злым голосом, в котором слышались какие-то режущие звуки, напоминающие звуки пилы, заговорила:

— Слышала, слышала слова-то твои богохульные, с Никитой-то, дурачливым мужем твоим, когда говорила и иных кощунников потешала. Ишь, бабенка какая, умнее начальников... подсмеивается, паршивка, и великого чудотворца обляла...

Ульяна, не совсем утратившая еще свою веселость, скривилась и насмешливо произнесла:

— Лай-Лай-Обдулай...

— Ах, гадина!..

— Моя совесть дает мне такой приказ: почитай Единого, что в небе, а над затеями человеков подсмеивайся.

Несмотря на такой решительный ответ, веселость сбежала с лица Ульяны, и, охватив своего младенца, она стала смотреть на своего противника.

— Люди добрые, что говорит эта сквернословка! — воскликнула старуха, обращаясь к собравшимся из соседних домов женщинам.

— Зачем так зря болтаешь? — сказала одна из них и продолжала: — Куда нам, бабам-то, до Бога... И на гору-то тебе, бабенка, чаю, трудно подняться... Чудотворец же тут как тут — хорошо помолиться...

— Правда-правда, — раздались женские голоса, а одна сказала:

— Хорошо покалывать с ним, потому смотрит на тебя... Вчера вот тяжело было на душе у меня, я к нему и пошла... Чудотворец божий, говорю, помоги мне, бабенке, а он

глазами это как уставится на меня, как засверкает, да так весело, радостно... И голос-то слышу... из чрева-то раздается такой ласковый: «Хорошо, женщина, иди с миром...» Шла я домой и так на душе весело, хорошо, а в ушах-то словно музыка — голосок этот чудотворца...

Все женщины, собравшиеся уже большой толпой, слушали ее с испуганными лицами, а старуха, пришедшая с девушкой, наставительно произнесла, обращаясь к Ульяне:

— Вот видишь, глазами смотрит, голосом говорит и чудеса делает... Чего еще хочешь?.. Начальник наш Парамон — человек книжный, возросший в правде и кротости, духом печали перевитый, любовью вскормленный, — он-то не будет обманывать... Сама видела, ночь цельную лежал, распростервшись на земле перед чудотворцем Божиим... Вот и Сусанна скажет — она-то не солжет — скажи, Сусаночка.

Девушка, стоявшая до этого времени неподвижно с глазами, поднятыми к небу, с таким выражением, точно рассматривала в нем кого-то, невидимого для других, при вопросе старухи с необыкновенным оживлением заговорила:

— Ох, видела... Тучи по небу двигались и гром гремел... я стояла под деревом... Стрела огненная зазмеилась в тучах и на землю упал свет, как от лица Божьего... Вижу, великий чудотворец и под ним человек распростертый... Что за человек, думаю, и слышу голос его, и говорит голос так: «Чудотворец Божий, без глаз скоро останусь: так много плачу перед тобой распростертый, чтобы ты научил, какие правила веры дать мне милым сердцу моему человекам в Раю Зеленом...» И в другой, и в третий раз человек возгласил то же самое, но молчал чудотворец божий, и, когда четвертый раз возгласил, услышала я голос, нежный, как бы поющий, не человеческий голос, и от этого голоса меня стала как бы убаюкивать какая-то сила. Поэтому не помню, что потом было. Только много спустя чувствую, что как бы прикоснулся некто к руке моей... Открыла глаза и вот вижу — видение передо мною в белой одежде... «Чудотворец!» — вскрикнула я, и он прикоснулся устами к моим губам... и стал сладостно говорить... и слов его не смею передать...

Окончив эти слова, странная девушка, в чувстве внут-

реннего восторга, задумчиво снова устремила на небо свои голубые глаза с таким выражением, точно видела там кого-то. По губам ее проходила таинственная улыбка.

Женщины под впечатлением ее разговора испуганно переглянулись между собой, а одна из них сказала:

— Великий чудотворец явился — и чудеса пошли, — мило, хорошо и на душе отрадно... Можно и поговорить с Богом...

— Вишишь ты... — сказала другая женщина и, не договорив, только развернула руками.

Старуха со злым лицом повернулась к Ульяне:

— Слышала — ась — чудеса-то какие.

Женщина молчала.

— Слышала, говорю, ась? Язык-то не отсох, небось... Чудотворец смотрит глазами, говорит устами, прикасается к губам... Чего еще хочешь?..

Ульяна продолжала молчать.

— А то захохочет, засвистит, вот, к примеру, коли ты станешь вопрошать — злющая...

Лицо молодой женщины сделалось грустным.

— Что ты на меня напала?

— Тебя надо пилой распилить пополам — вот что, и в море бросить, — с необыкновенной злостью воскликнула старуха, и тонкие губы ее задрожали. — Подожди, возьмут силу начальники, увидишь, что с тобой сделают. Не веришь ты в чудотворца божьего и других соврашашь... Кобылица упрямая...

Ульяна, выведенная из терпения, раздражительно ответила:

— Пошла от меня, старая, уйди... Бог во мне — совесть и потому удержусь от злого слова... хотя ты очень уж прилипла ко мне... уйду лучше...

С огорченным лицом Ульяна направилась было к двери своего дома, но старуха, подскочив к ней, схватила ее за руку.

— Почему не веришь, говори.

— Да может, это не он-то свистит и хохочет — кукла ваша... а в чрево его посадили какого-то мальчионка... Обду-

вают нас, я полагаю, вот и все...

Подобные предположения давно уже делались жителями Зеленого Рая, но, несмотря на это, услышав такое оскорбление, направленное по адресу великого Лай-Лай-Обдулай, слушатели впали в величайший ужас, и Ульяна увидала такую картину.

Старуха издала какой-то визг негодования и, побледнев от злобы, подняла над головой руки, как бы в чувстве ужаса и в то же время как бы желая броситься и задушить нечестивую женщину. Молодая девушка, смотревшая до этого времени на небо, с криком испуга отскочила от Ульяны, как от змеи, отчего ее волосы взметнулись и снова рассыпались по ее телу до самых колен. Нагнув чудную головку, она уставила на Ульяну свои удивленные и испуганные глаза. Другие женщины, после разных возгласов и приняв самые разнообразные позы, тоже стали смотреть на молодую женщину с выражением испуга.

Постояв неподвижно некоторое время, старуха, потрясая в воздухе руками и сверкая глазками, злобно проговорила:

— Великий чудотворец наш — кукла, по твоим словам, с мальчиконкой, сидящим во чреве. Такое слово не пройдет тебе даром, дура молодая с нескладным умом и языком, как у гадюки. Смотри ты, вот я слово тебе такое скажу и, когда исполнится слово на тебе, возголосишь ты, непутевая: «Верю, верю, чудотворец Лай-Лай-Обдулай, сними болезни мои...»

— Болезни ты на меня накликаешь! — воскликнула Ульяна испуганно, с разлившейся бледностью в лице.

— Не я, языком своим ты накликала, обляв чудотворца, и за это сведутся корчами твои руки и ноги — вот мое слово.

Она схватила за руку девушку и повлекла ее за собой. Последняя, идя за нею, опечаленно проговорила:

— И ребеночек ее умрет.

— Слышала? — воскликнула старуха, останавливаясь и указывая на Сусанну. — Она не солжет, потому чудотворец в душе ее пророчит. Похоронишь ребеночка-то...

Она быстро ушла, ведя за руку Сусанну.

Молодая женщина стояла неподвижно, все более бледнея. Ребенок заплакал на ее груди, выводя ее из охватившего ее оцепенения, и со слезами, брызнувшими из глаз, она быстро направилась к двери своего домика, обнимая и целуя ребенка.

— Как сказала старуха Афросинья, так и сбудется, помните слово мое, потому она калякала с чудотворцем, я слышала, — после долгого молчания пораженных удивлением женщин так проговорила самая старшая из них.

— Никогда такого не было на деревне, чтобы проклинать, — задумчиво проговорила другая женщина. — Все пошло по-новому — и чудотворец великий, и печальники, и пророческое слово — только мирно ли будет в Раю-то?

— Уж молчала бы...

— Холод у меня в теле пошел от ее проклятий, — проговорила самая молодая женщина.

— Так-то оно лучше: всякая тварь земная трепещи как перед начальниками, так и перед небесной властью. Хорошо, благородно заживем теперь, и любопытно очень опять, не то что раньше: совесть и только всего, а что такое она? Воздух, дунь — и нет. Не то теперь будет: того судорогой свидет, кого кнутом постегают, а кто удостоится к ангелам причисленным быть...

Женщины задумчиво стали смотреть друг на друга; наступило молчание. Вдруг невдалеке от них раздался робкий, трепещущий голос:

— Начинается, начинается!

Женщины обернулись и стали смотреть на сидящих под деревом Груню и ее жениха. Алексей сидел, охватив рукой талию своей невесты, которая, положив голову на его плечо, смотрела вверх. Красные полосы ярко отпечатывались на ее бледном лице и плечах в виде крестов. Она казалась страшно исхудавшей и ослабевшей, глаза сделались большими, светящимися, и яркие прежде губы побелели.

— Что начинается-то, Груняшка, невесточка моя, начинается что?..

— Царство дьявола, — отвечала она, продолжая смотреть вверх и пошатывая головой. — Дьявол уже сидит на

троне в Раю Зеленом, с бесчисленными острыми рогами, и каждый рог устремлен в каждое сердце. Слышал их слова: дьявол вложил их им в уста и зажег в каждом сердце огонь... Старец наш духоборский говорил, что все так будет, и вот вижу, сбывается. Первая кровь уже брызнула в Раю Зеленом... Засеяна, значит, нива сатаны... и возрастут на ней красные люди с ножами, с огненными надписями на лбу: месть и ненависть. Не будет конца мести и ненависти... Под ярмом будут стонать невольники, а власти под бременем греха, и кому тяжелее, не знаю, но черное привидение — безумие — будет ходить за всякой властью, и за всяким невольником — красное привидение — крамола. Когда же безумие поседеет от времени и, косматое, станет хохотать, как семь смертных грехов, скованных цепью, протянет крамола красные руки и задушит его. Так совершится круг, и тогда станут ангелы с пальмовыми ветвями на страже Зеленого Рая и запоют: мир человекам. Ох, не скоро будет это, и пока будет, вздохи не перестанут вырываться из уст, как дыхание бури, и слезы не перестанут падать из глаз человеков из Рая, и кровь не перестанет стекать по ножам кровавой полосой. Человек есть здесь злой: вот в этом именно начало страданий...

Мелкая дрожь прошла по всему ее телу, и она, болезненно вытянувшись, закрыла глаза.

Женщины, стоящие поодаль, выслушали все это с большим вниманием и стали перешептываться.

— Пророчица от духоборов, виши ты какая! — шептала какая-то старуха, а другая женщина отвечала:

— Пророчит больно нехорошо и сама, как смерть...

В это время Алексей, смотревший на свою невесту с жалостью, с исказившимся от страдания лицом, в порыве мгновенно охватившего его негодования кричал:

— Да будет проклят этот человек!.. Дядя мой... если точно змея в душе его... О, Грунечка бедная, все перевернулось в Раю Зеленом, и не знаю, свободный ли я еще человек... Ах, я не знаю, кто это сделал... эти полоски от бичей на твоем милом личике... я бы схватил эту змею руками и бросил бы ее к небу, где Бог восседает: «Ты, Хозяин земли, даешь

нам хлеб и виноград, и всякие злаки, и кусаешь нас в самое сердце ядовитым жалом ехидин...» Ох, сердце мое горит, когда смотрю на тебя, мой беленький цветочек... Или вот что, пойти разбить камнем нового бога: может быть, в нем спрятан грех, и вот он теперь расползся по Зеленому Раю... черви заползли нам в голову, и вот мы обезумели...

— Что болтаешь несуразное? — раздался над ним тихий славяно-ласковый голос, и из-под ветвей дерева выставилось страшное лицо Парамона. Губы его вздрагивали от тонкого, глумливого смеха и в глазах сверкали злые искорки.

— Дядя Парамон, я жалуюсь Богу... я готов закричать в уши Самого Господа: зачем избили мою невесту плетками? Кто это сделал? Дядя Парамон... Ты всегда был добрым... овечкой считал я тебя, а теперь из твоих глаз катится зло... как ты страшно смотришь...

— Глупо говоришь, племянничек, не люблю я этого... Постек твою девку... не говорю, что невеста твоя... не кто иной, как великий чудотворец... Чудо такое явил, и черные духи постегали ее малость. Непутевая девка и языком ядовитым пророчит... Постегать надо было, что и говорить... Да опять не наша — духоборская она и к себе пускай идет... Не хочет чудотворец, чтоб женился ты, — я вопрошал... Гневается великий наш Лай-Лай-Обдулай. Смотри, и тебя постегает...

Здесь Парамон испугано остановился, пораженный видом Алексея.

С каждым словом старика он все более бледнел и, сделавшись совершенно белым и засверкав глазами, сделал резкое движение, как бы желая броситься и задушить начальника веры.

— Скорпион ты, а не дядя, и больно кусаешь мое сердце... Проклятый, что ты наговорил? Ты глумливо смотришь, и смех, и слова льются вместе, и со смехом говоришь, что постегал Бог... Не верю я, люди эти были спрятаны тобой, проклятый... Смотри, что ты сделал языком своим — она умрет...

Он опустил голову, глядя на свою невесту... Лежа в траве, девушка вздрагивала всем телом, и по мертвенно-бледному лицу ее катились слезы.

— Проклятый!..

Алексей выставил ногу, протянул руки и наклонился телом вперед, как человек, желающий броситься на кого-то, но прежде, чем это могло последовать, Парамон издал какой-то свист, и в один момент между стариком и юношой появились несколько человек с палками. Между ними, как генералы, окруженные свитой, стояли Петр и Василий. Последний, грозно нахмурив брови, пристально уставил свои черные глаза на Алексея и сказал:

— Ты бунтовщик, как я вижу... ага, я с тобой расправлюсь...

— Что вы все, взбесились, что ли? — проговорил Алексей, глядя поочередно на трех братьев. Парамон усмехнулся себе в бороду и что-то шепнул Василию.

— Расправлюсь, — ответил шепотом последний и, кивнув головой брату, снова с грозным видом обратился к юноше.

— Дурак ты есть, по моему рассуждению. Кто перед тобой стоит, а? Посмотри хорошенько. Да сам начальник Зеленого Рая. Вот как! А ты неуважительно отзываешься... Дрянь ты...

— Повторяю опять — все в Зеленом Раю взбесились и ты тоже, если говоришь, что я, свободный человек, — дрянь, — вскричал Алексей.

— Ты большая дрянь, — с серьезным видом ответил Василий, — и свободы никакой нет. Похерил, похерил ее великий Лай-Лай-Обдулай. А я для тебя, чучело гороховое, бог... Что ты тут говорил и твоя девка — одна глупость и похлестать вас обоих не вредно вышло бы. Эй, связать его и девку тож...

Алексея повалили и в один момент он был опутан веревками. Ужасный крик вырвался из его горла, но его рот чем-то завязали, и вот свободный гражданин Зеленого Рая сделался безгласен и неподвижен, как труп. В глазах его выражалось страдание и как бы безумие: он видел, как его невесту стали привязывать к стволу тополя.

— Племянничек, милый, вот каков братец мой, — осерчал сразу, не то что я, — слащаво-ласковым голосом говорил

Парамон, в то время как Алексея несли по горе к новым постройкам. — Ничего не поделаешь, миленький, как ни крути головой-то, власти на земле — боги... умей почитать власть всякую — как Бога, так ровно и начальника веры, меня, собственно... Вот оно в Раю Зеленом будет и весело, как в России, примерно... Оттуда, собственно, и наука ко мне пришла... по книгам больше.. Не хочет чудотворец великий девицы этой... порченая она... а нам-то надо благолепных, покорливых... Не серчай, миленький... подыщу... Такая девка будет горячая — одним словом — кобылица... Садись на нее верхом и только покрикивай: эй, не брыкайся... Я сам, племянничек, люблю бабенок этих... да вот Богнесуразным сотворил... воротят морды бабенки-то... Да уж ничего... для начальника веры всякое зеленое деревце расставит веточки свои, и полезай, значит, ворон старый в гнездышко... Что вытаращил глаза, дурак... Думал, что Парамоша только с богом беседует... Не знаешь ты меня, глупый человек... У меня в душе сто бесов и один черт — все воют... Так пойми ты, каково мне-то... Оно и так рассуди: Господь, сотворив женщину, благословил, собственно, нас на распутство... вот Парамоша и облюбовал кобылиц горячих... Ну, прощай, миленький, прощай... Тебе полагается арест за бунт, значит... Крамольников завсегда этим, собственно, смиряют во всех царствах — арест и кнутник, а потом и головку можно чикчик... Будет жив Парамоша, уж он введет порядки... Ну, прощай, прощай... Га, что за крик...

Парамон остановился на месте, прислушиваясь, в то время как его жертву несли дальше, к новым строениям.

«Лихо-лихо хлещут бунтовщиков-то... молодец Черный Десяток... правительство радуется... из книг-то я вычитал, что мы и особливо я — правительство... Сладко постегали, так сладко, что сам чудотворец улыбается... Гей, бейте крамольников... Лихо!..»

Рассуждая сам с собой таким образом, он все смотрел в сторону, где находилось Дерево совещания. Оттуда в паническом ужасе бежала толпа — почти все обитатели Зеленого Рая, — и Парамон видел свой Черный Десяток, мчавшийся за ней с бичами в руках. «А вон он, мой бык Герасим-

Волк... Хорошо, мой дурак... так, так, пусть почтят чудотворца и Парамошу особливо...»

Действительно, впереди Черного Десятка бежал великан, испуская ужасные звуки и щелкая длиннейшим бичом по спинам и головам свободных жителей Рая. Пронзительные вопли и крики ужаса носились в пространстве, делаясь все более громкими и отчетливыми.

Парамон медленно шел обратно к деревне, испытывая наслаждение победителя. Его желания начинали сбываться, с каждым днем он как бы вырастал в своих собственных глазах, фигура его, закутанная в черное монашеское одеяние, делалась как бы величественнее, и он все более начинал пугать воображение кротких жителей Зеленого Рая. Чувствуя, что растет, он радовался и, с видом грубого фигляра, обращался с благодарностью к небесам. Мечтания его все более расширялись по мере успеха, и теперь он мысленно видел себя владыкой маленьского народа, при виде которого люди сгибают спины, виновные, падая на колени, целуют руки его, а он только покрививает «арестовать», или «в тюрьму и заковать в кандалы злодея», или «высечь перед всем народом розгами». До этого, однако же, было далеко: дух свободы продолжал еще веять над Зеленым Раем, и рассеять его было не так легко. Существовало и еще препятствие в лице его отца и братьев, и главным образом — властолюбивого Василия; необходимо было всех одурачить и из Василия сделать грозного для обитателей Рая палача и сгибающегося перед его волей — автомата. Своим главным помощником он считал не брата, а безгласную куклу — чудотворца. Лай-Лай-Обдулай творил поистине чудеса: пугая воображение людей, вербовал для Парамона различных глупцов и дур, распространяющих суеверие, а идолы из дерева и идолы-люди всегда взаимно пожимают руки друг друга, совершая молчаливый союз для превращения человечества в баарнов. Парамон знал из книг и по рассказам изгнаников из России, Персии и других стран, что таким именно образом маленькие свободные общества слагаются в народы рабов, над которыми царят различные властелины-обманщики и палачи. И вот Парамон, внутренне наслаж-

даясь, стал мысленно выплетать целые сети обманов, в которые непременно должны будут запутаться обитатели Зеленого Рая, а потом, когда в их умах воцарятся тьма и суетерие, они сами согнут спины для ярма и цепей, и будет он стричь своих овец сколько и когда угодно, и воцарится порядок и мир под его единой властью. Его создание, милейший прислужник его Лай-Лай-Обдулай, порабощая людей, как плодовитая женщина, родит для Зеленого Рая много сыновей и дочерей — маленьких Лай-Лай-Обдулаев — богов и богинь. И на каждом перекрестке — рожа святого, и в каждом доме — священная кукла, творящая чудеса. Кукла из дерева, и намалеванный святой, и женщины-пророчицы, властелины-люди — все это тираны и поработители народа, превращающие мир в ад и людей — в мучеников, и Парамон, зная все это, веселился в душе своей.

Снова очнувшись на месте, где был связан Алексей, Парамон остановился, сложил руки на груди и поднял голову.

На сажень от земли, опустив голову на грудь, висела на веревках, привязанная к стволу высокого дерева, «пророчица от духоборов». Она была бледна, как ее рубаха, спускавшаяся вдоль всего ее тела, на ресницах дрожали слезы, и глаза были устремлены к небу. Внизу под деревом стояли женщины, которые были здесь раньше, и между ними злая старуха Афросинья и высокая девушка Сусанна.

— Так-то, пророчица, так-то, — говорила старуха, раскачивая головой и острыми злорадными глазами любуясь видом мученицы, — чудотворца не лай, глупых людей не слушай и пророчествовать языку воли не давай. От тебя-то и бунт, собственно, вышел... не ври, девка, худого ничего не будет в Зеленом Раю... а будешь клепать на нас, что мы от Бога отпали, что начальники — обманщики и прочее такое, не то еще сделаем: язык приколотим гвоздями к дереву, чтоб не болтал ненужное. Вот ты теперь висишь на дереве... и хорошо, на пользу пойдет душе твоей, — кощунница... Повиси, повиси, весело и смотреть на тебя, девка...

— Жаль ее, — проговорила Сусанна, с состраданием глядя на висевшую девушку.

— Спасибо тебе, — ответила Груния слабым голосом, и

обе девушки пристально стали смотреть друг на друга. — Ты добрая, только нет у тебя понятия, каким людям служишь и кому молишься: из дерева новый бог и руками сделан.

— Эй, девка, сказала: прибью язык гвоздем к дереву, — свирепо воскликнула старуха.

— Милая, не говори так, — сказала Сусанна, — чудотворец — посланник Божий и начальники тоже от Бога... Милая, я попрошу начальника, чтобы он приказал снять тебя с дерева... я упаду перед ним на колени и буду плакать...

На глазах растроганной невесты Алексея показались слезы, и она тихим, но проникающим в душу голосом проговорила:

— Благодарю тебя... но на коленях перед человеком стоять большой грех... Люди все равны, и делающий себя велиkim — самый худой человек и...

— Язык, язык! — злобно воскликнула старуха, а Сусанна, испугано замотав руками, проговорила:

— Милая, твои речи — зараза и язык — скорпионное жало. Слушай ты, бедная: начальники — пастухи человеческих стад, посланники Божии и великого Лай-Лай-Обдуляя. Так сам начальник веры меня учил...

Девушка от духоборов горько рассмеялась и, заметив стоящего Парамона, сказала:

— Вот он... Только не проси за меня... Спроси лучше, куда он приказал унести племянника своего, жениха моего бедного...

Слезы помешали ей продолжать...

— Великий господин... — начала Сусанна, опускаясь на колени перед начальником веры.

— Как? — переспросил Парамон, гордо закидывая голову.

— Господин...

— Еще кто я?..

— Начальник веры...

— И школ...

— Господин великий начальник веры и школ в Зеленом Раю...

Молочно-светлые глаза Парамона сверкнули радостью,

и, положив руку на голову Сусанны, он сказал:

— Дитя, поистине в тебе покорливость и кротость голубицы и мудрость змеи, а таковые все — дщери самого Лай-Лай-Обдулая. Гордись этим. Чудотворец мне явился и сказал: «Сусанна пророчица будет в Зеленом Раю...» Радуйся, пророчица... Лай-Лай-Обдулай благословляет тебя, и это свидетельствует начальник веры...

— Я радуюсь, великий господин, — сказала Сусанна, очень мало понявшая из всего сказанного им, как и он сам, но, вся охваченная восторгом, она преклонила голову к ногам начальника веры.

— Челобитная твоя в чем?

— Чтобы приказал снять с дерева эту девушку и дал свободу жениху ее...

— Лай-Лай-Обдулай воспылает гневом, ибо отвратил он священный лик от девки этой... Дерзка она на язык и пророчествует худое, равно и племянника моего готовит для вечного огня...

Парамон приостановился, и женщины стали перешептываться:

— Во как оно страшно, видишь ты, для вечного огня, значит...

— И девка-то не сама болтает, сказывал намедни: черные духи в ней...

— Такая загубит и парня... Помалкивай... Начальник веры и впрямь с чудотворцем беседы ведет: оттого и мудрость в нем...

Парамон, наблюдая за действием своих слов на окружающих, приосанился и ласково проговорил:

— Однако сердце мое болит, когда смотрю на девку-то... Жалостлив я. Непременно походатайствую перед чудотворцем... Помолюсь... Может, и простит...

Парамон поднял голову и, глядя на привязанную девушку, спросил:

— Признаешь ли, что моя власть в Зеленом Раю... от Бога?..

Девушка, удивленно расширив глаза, смотрела на него с минуту и вдруг, нервно рассмеявшись, произнесла:

— От черта она...

— Слышали? — воскликнул Парамон, выпрямляясь и указывая рукой на Грунью. — В ней сотни черных духов...

— Тыфу, окаянная!.. — воскликнула какая-то женщина и взяла камень в руки.

— Побить ее каменями!..

Десятки маленьких камешков полетели на Грунью, но она, как бы не обращая на это внимания, расширившимися грустными глазами смотрела на Сусанну: последняя, стоя с закинутой головой, держала тоже камень в руке.

— И ты тоже! — воскликнула Груня.

— Лай-Лай-Обдулай запрещает тебя жалеть, и я бросаю это, чтобы разогнать черных бесов.

И она бросила камень.

Слезы брызнули из глаз мученицы и заблестели на концах длинных ресниц, как капли росы. В это время шум голосов бежавших к деревне обитателей Рая, на который до сих пор присутствующие не обращали внимания, сделался настолько громким, что Парамон, всходя на маленький холм, сказал:

— Одначе, добный чудотворец вторительно явил нашим безбожникам силу свою и посек изрядно...

— Ох, как голосит!.. — воскликнула какая-то женщина.

— Похлестал, похлестал! — раздались голоса.

— То-то небесная сила — воскликнула старуха Афросинья, подымая руку над головой. — Чудотворец божий Лай-Лай-Обдулай и посечет, и разуму научит, мило и хорошо... Ишь, как нахлестал-то... все спины чешут, паршивцы...

С этими словами она пошла вперед и за ней все женщины.

С пронзительным воплем и криками ужаса, среди которых особенно выделялись тоненькие голоса рыдающих девушек, обитатели Рая мчались к деревне. «Ой-ой-ой!» — раздавались отдельные голоса избитых. «У меня ухо отсек, проклятый!..» — «Болит моя поясница». — «Ай-ай!.. Утекайте, челевки свободные, утекайте!» — «Какие мы свободные!» — отозвался чей-то голос. — Нас стегают, как осликов!.. Ой-ой, помирать надо».

Как и в прошлый раз, они стали бросаться на маленькие холмики с воплями, жалобами и слезами. Слезы звенели в воздухе, и парящие над Зеленым Раем на неподвижных крыльях орлы, уставив книзу свои черные зрачки, как бы говорили людям: «Только мы — цари мира, свободные и вольные, вы же, господа, оставьте ваши затеи».

Хорошенькая Катя, склонившись белокурой головкой к груди высокого парня с черными усиками, причитала, вздыхала и говорила:

— Соколик, мой милый, больно тебе, очень больно?..

Парень, лежа в траве, изгибаясь от боли, но все-таки глядя на нее влюбленными глазами, тихо отвечал:

— Вот как ты ласково смотришь на меня, как будто и не так уже чешется спина...

— Я знаю по себе это, потому в прошлый раз, когда слезы с твоих очей падали на мои перебитые пальчики, они как будто бы и перестали болеть. Уж даю тебе разрешение поцеловать меня...

— Не чешется уже вовсе спина, — сказал парень, несколько раз целуя ее в губы.

— Озорники и дрянь! — громко раздался грозный голос начальника Зеленого Рая, и все, даже наиболее избитые, испуганно подняли головы.

Окруженный своим Черным Десятком людей с плетками в руках, Василий медленно и величественно шагал посреди избитых обитателей Рая. Голова его была гордо закинута, и в лице как бы сверкало что-то, точно отблески молний, исходящих из его черных глаз, над которыми грозно опускались брови. По губам его проходила улыбка самоуслаждения — тонкая и злая. Он казался теперь другим человеком: власть придала его фигуре величавость и незаметными черточками легла на его лицо.

— Заключаю я, что все вы положительная дрянь. Перед вами кто это стоит? Да сам господин начальник Зеленого Рая — вот кто. Что вы, оглохли, что ли — кланяйтесь, говорю я. Эй, Герасим-Волк, научи, как кланяться...

— Сей минутой, — рявкнул Герасим-Волк и побежал кудато с дубинкой. Это оказалось ненужным, так как напуган-

ные и избитые люди встали и начали кланяться Василию до земли.

Василий приосанился, поднял еще выше голову и улыбнулся...

— Так-так. Смотрю на вас и думаю: какие вы все дурни. Косы пошли складывать к ногам чудотворца и вопите: не хотим оброки платить. Вот еще дрянь!.. Во всех царствах начальники берут, как хотят, хлеб и все прочее. Как же вы — положительная дрянь этакая, — подняли морды ваши и орете: свободные-свободные.

Василий грубо захохотал.

— Хорошо сделали мои служивые — постегали вас, — мало только... Эй, где главный крамольник... велел его связать... Герасим-Волк...

— Везут к вашей чести... вот, на осле везут...

Пробасив это, Герасим-Волк указал в сторону дороги. Василий взглянул и опять грубо расхохотался. В отдалении выступало странное шествие.

Медленно шел осел за ведущими его людьми. На спине осла лежал привязанный к нему избитый Вавила и стонал от боли. Сзади осла шла Оксана и горько рыдала.

Около Василия появился Парамон и, сложив руки на черной одежде и подняв ужасные плечи до ушей, притворно растроганным голосом проговорил, глядя на избитых:

— Жалею вас, люди милые... Исхлестали вас малость... у кого пальца нет, у кого ребра, а у кого спина изрисована... Жалостливое сердце мое содрогается, как голубица... Вот начальник Рая-то каков, не то что я... барашек...

Он наклонил голову и сделал вид, что плачет.

— Хороший человек этот Парамон... какой жалостливый, — раздались чьи-то голоса посреди общего стона и плача.

— Только в казнохранилище оброки бы поступали во время... оброки...

Петр, стоя посреди двух братьев, покачивал своей седой бородой, испуганно поглядывая на избитый народ.

— Надо наладить-то дело, сам вижу, — хмуро проговорил Василий. — Дай под власть взять народ непокорливый

и глупый... Нынче же погоню в поле...

— Кровь-кровь-кровь!..

— Эй, кто там — про кровь-то? — воскликнул Василий.

— Птица с дерева поет.

Парамон поднял высоко плечи, и по лицу его пробежала злорадная, но беззвучная усмешка.

— Вижу птицу-то... Привязана она.

— О, миленький мой, Вавиленька, перебиты косточки твои и ребрушки перебиты, и перевязан ты, как ослик...

Среди наступившей тишины раздались горькие вопли Оксаны.

— Кровь-кровь-кровь! — снова раздался с дерева жалобный и дрожащий голосок Груни, и голова ее с бледным, как мел, лицом склонилась набок.

— Дам тебе напиться крови... По горло сыта будешь, проклятая.

— Кровь будет литься... кровь...

Забыв свои страдания и боли, все обитатели удивленно уставили свои глаза на висевшую на дереве девушку, и тишина воцарилась мертвая. Сышен был шум крыльев медленно пролетающего над Зеленым Раем черного орла с уставленными вниз глазами, и казалось, что глаза его смеялись.

Прошел день, наступил вечер, и бунт снова вспыхнул. Отвязав девушку от дерева, толпа «крамольников», звеня косами и серпами, двинулась к новым строениям с криком «свобода-свобода». Черный Десяток, к которому присоединились еще много людей, их ожидал с поднятыми над головами ножами.

Всю ночь слышались вопли и стоны раненых. Филин, сидя где-то на дереве, страшно кричал всю ночь, напоминая криком своим плач ребенка, бьющегося в крови.

IV

Прошло несколько недель.

В большой круглой комнате выстроенного недавно «правительством» нового здания сидели за стоящим посередине комнаты круглым столом старец Демьян и его три сына. За окнами выла буря и во тьме ночи древесные ветви, согбаемые ветром, били в стекла, точно гигантские руки таинственных великанов. По деревянным стенам комнаты пробегали огненные язычки тускло светящихся восковых свечей, озаряя всюду висевшие по стенам кинжалы, длинные ножи, старинные ружья и пистолеты. Вверху было совершенно темно, так как в пространство куполообразного потолка свет не доходил.

Царило молчание. Три брата, не издавая ни звука, взглядывались друг другу в глаза пытливо и тревожно. Старец сидел с низко опущенной на грудь головой с неподвижностью мумии, и его лицо среди белых волос напоминало мертвца, окруженного хлопьями снега. Вдруг он задрожал, и голова его откинулась, как на пружине.

— Что, много крови-то пролилось — ась?

Он уставил дико расширяющиеся, бессмысленные глаза на сыновей.

Парамон тонко улыбнулся, не отвечая ничего на это, а Василий сказал:

— Надо было знать, вот и приказ отдал такой. Много, много пролилось... Да что уж там... Всякая власть земная кровь любит... вот что Парамоша читал... Какой я правитель такой, коли мягкое сердце у меня... Оно у меня каменное — вот... Начальствование меня веселит... во я какой... Будет полный порядок в Раю Зеленом, будет... Кровь для меня, что вино виноградное на пиру брачном... Надо молодым-то, чтоб кровь играла... Вот у меня тоже в душе играет... От власти, значит...

Петр испуганно смотрел на говорившего и потом, взглянув попеременно на всех, сказал:

— Мое дело чистое: деньги получай и на ключ... Нет крови на руках моих, говорю... Вот, смотрите...

Он простер руки над столом, показывая их.

— Да, братец любезный, к твоим рукам только золото прилипает, а не кровь, — насмешливо проговорил Пара-

мон и продолжал, кладя свои руки на стол: — Мои же вот ручки подлинно чистенькие, — всех назидаю, всех освящаю и радость даю... Хотя в небесный рай с такими ручками — не осрамлюсь, самому Саваофу подам, а с ангелами, коли они женского пола, сцеплюсь хоть ногами и потащу под кусты...

Какой-то зловещий, нервный смех прошел по его страшному лицу и тонкие губы, выдвинувшись вперед, беззвучно задрожали. Даже Василий изумленно расширил глаза, а старший брат испуганно сказал:

— Братец, миленький, ты кощунствуешь, кощунствуешь... Страшно даже с тобой — вот до чего... А прежде ты был тихим...

Парамон, побледнев от злости, резко воскликнул:

— Эй, козел старый, смотри, бороду оторву...

Петр оторопел от неожиданности и, растерявшись, проговорил:

— Как ты сказал?

— Так и сказал.

Он смотрел на Петра с исказившимся от злобы лицом.

— Смотри, родителя разбудишь, видишь, почивает...

— В гробу бы и спать, коли спать хочет... Что в этой кукле, в мешок бы, да в воду...

Петр побледнел, а Василий, привыкнув в последнее время бояться Парамона, сдержанно сказал:

— Парамоша, смотри...

— Смотри ты, я-то веду народ, а не ты... За мной все идут и верят... В Зеленом Раю два начальника — Лай-Лай-Обдулай и Парамоша... Бросим это...

Он вдруг успокоился и, сделавшись тихим, ласково заговорил:

— Братцы миленькие, слова сердитые в устах моих, что былинка: дунете вы любовью, значит, и нет их... Мягкое сердце у меня. Да и что по пустякам болтать будем... Довольно болтали-то... Коротко и вразумительно вот вам что скажу: мы, три братца, прияли власть правителей в Зеленом Раю, лукавством-то больше все устроили, как всегда, по книгам я читал, бывало во всех царствах, а как Бог

одобрительно всегда только кивал с небеси белой бородой, вот как родитель наш, что уснул, то полагаю я, власть наша... от Бога...

— Правильно, — сейчас же отозвался Василий, и глаза его сверкнули...

— Ну, Бога-то ты напрасно впутываешь в гречные дела наши...

— Дурак! — резко крикнул Парамон, бледнея от злобы и глядя на Петра с кривой улыбкой и зловещими глазами.

— Ну, пускай уж так, — слабо отозвался Петр.

— От Бога власть наша...

Он стукнул костями рук по столу.

— Пусть и от Бога...

— Правители мы, значит, настоящие.

— Положительно, настоящие, — радостно сказал Василий и ласково кивнул головой Парамону.

— Поэтому мы настоящие, что всегда так было: коли человек власть имеет, а откуда приял ее, все одно — над головой того и небеса разверзаются... руки Отца Небесного простираются... Царствуй и будь пастухом среди стада. Настоящая наша власть.

Он снова стукнул костью руки по столу.

Василий от удовольствия даже засмеялся, и глаза его среди собравшихся морщин, сделавшихся маленькими, засверкали, как у волка. Петр только кивнул головой.

— Я есмь Моисей для Зеленого Рая, вот как... Бога слова объявляю народу моему, значит, а что это вранье есть — все одно... Да и не вру, поклеп это я сделал на себя: Бог мысли в ум мой бросил, значит, мудрых змей послал в голову и сердце... Вот они, миленькие, покусывая Парамошу, язычками нашептывают в уши хотение Божие.

— Ей-ей, так! — воскликнул Василий.

Петр молчал, удивленно расширив свои светлые, добродушные глаза.

— Змеек-то во мне — тьма. Спасибо миленьким — умен Парамоша. Моисей я, а вы, братцы мои, — левая рука моя — с золотой мошной начальник, правая рука моя — с топориком начальник.

Даже Петр радостно улыбнулся, потому что любил деньги, а Парамон продолжал:

— Лай-Лай-Обдулай — чудотворец подлинный, ибо законно родил его из головы я... Моисей Божий... Правда, много кощунников в Зеленом Раю... непокорливы власти твоей, Василий, бросают косы... это тебе на убыль, Петр любезный... Унять надо... Для этого, собственно, и пригласил я вас, правителей: как унять крамольников-то... лаской, может...

Он взглянул на Василия исподлобья, и глаза его смеялись.

— Окровавился я... Ласка-то отошла от сердца... Нет уж, без кровицы никак невозможно...

Василий тяжело дышал и лицо его побледнело. Жажда властвовать с первого же шага как бы обезумила его и, увидев, что проливает кровь, он сразу ожесточился. Парамон, с удовольствием наблюдая за ним, лукаво улыбался.

— Да, братец, миленький, кровица для военачальников что вино: веселит их... В книжках читал, всегда так было... Орел под небом, военачальник на земле — оба кровь любят. Был в Греции царь, в книжках опять... Александр... Всю жизнь людей только резал, и великим за сие назвали... Тысячи бочек испил крови и так помер... захлебнулся...

— Захлебнулся! — повторил Василий, бледнея.

— Ты в Зеленом Раю такой же Александр — понял, Васенька...

— Что ж... — неопределенно ответил Василий и странно засмеялся.

— Сделай милость, прикажи отодрать ты розгами посереди народа всего, значит, Алексея-племянничка... Бунтовщик он и, хотя в клетке теперь сидит — кричит, мечется и собирает народ... Невеста его, подлинно сто чертей в ней, — мрачно каркает, как ворон, пугает народ и отвращает от чудотворца. Наказание ей такое придумал: прикажи ты посадить ее на осла задом наперед, нарядить в смешные одежды и так до своей духоборской деревни, значит... На языке у нее сто иголок, и потому давно считаю ее опасной. Есть у нас еще бунтовщики, главари, значит: Вавила и прочие... Сколько по счету-то будет, Васенька?

— Восемь, — отвечал начальник Зеленого Рая. — Всем арест положил, значит... за решеткой.

— Тюрьму построить бы надо, как во всех царствах... Будет и маленькая тюрьма у нас, дай время. Так вот, братцы милые, моя мудрость, которая от Бога, говорит мне: сечь надо бунтовщиков, ибо ужасается человек от розог... Вот и жалостлив я, а змий мудрости все шепчет внутри: истязай, Парамоша... кнутиком, кнутиком... Ужаснутся, покорливы будут, народ великий вырастет, а мы три — цари. Да, братцы милые, кнутики, розочки, но не в них дело-то только... Свободу-то выкурить надо, а как? Господин начальник веры все знает... скажу уж... Слушайте же: помощники наши прямые — не добродетели, отнюдь, — гнать их из Зеленого Рая, а сквернота, что в сердце заводится... Хорошо вот вино делать из винограда да продавать: тебе, Петенька, прибыль, а им веселье... Еще лучше того, как в России из ржи выжимают — водка называется... Весь Зеленый Рай запляшет у нас — вот и делай с ними что хочь. Нехорошо тоже у нас: по совести живут мужья с женами-то, и от сего скука получается... Пусть веселится Зеленый Рай, а бабенки пляшут и с кем хотят в блуд вступают. Вольный блуд большое веселье дает и сердце зажигает радостью... Пусть услаждается тварь всякая в Раю Зеленом... Лай-Лай-Обдулай разрешение такое дал бабам: развязывай всякая поясок... Чудотворец любит, чтоб плясали вокруг него... Услаждают, значит, бога, и вот вера такая в Зеленом Раю выкурит свободу из каждого сердца...

— Хорошо надумал, — проговорил Василий с разлившейся краской в лице, так как бесстыдные слова Парамона вызвали и в нем сластолюбивые мысли, а так как совесть его была потревожена, то в нем являлось инстинктивное желание опьянить себя среди пляски и оргий сладострастием, как вином.

— Порча от всего этого будет для народа большая, — слабым голосом начал было Петр и остановился, боязливо глядя на младшего брата.

— Ей-ей, говорю, сам великий Лай-Лай-Обдулай научает меня, как мудро править людьми, а ты пререкаешься с чу-

дотворцем! — с необыкновенным глумлением и злобой восхлиknул Парамон, и тонкие губы его задрожали.

— Как понимать-то сие, не знаю... всурез ли... Чудотворца-то сделали сами...

— Ложь! — вскричал Парамон, ударив по столу костьюми пальцев. — Чудотворец с неба сошел.

Оба брата стали удивленно смотреть на Парамона, но последний, снова ударив по столу пальцами, с необыкновенной силой повторил:

— С неба сошел, говорю я, Лай-Лай-Обдулай-то... Сам в свои руки принял святыню...

Он выразительно посмотрел на Василия, и начальник Зеленого Рая, соображавший, что «пророк» не шутит, твердо проговорил:

— Да, точно так и было явление сие: с небеси сизошел чудотворец, и видел я, как братец принял святыню в руки.

Петр смотрел на говорившего, удивленно расширив светлые глаза и испытывая страх: лицо Василия оставалось серьезным. Не понимая такой страшной лжи и будучи человеком простым и с умом ограниченным, он невольно проговорил, попеременно поглядывая на обоих правителей Рая:

— Братцы миленькие, мутите вы нарочно голову мою, я полагаю... Припомните же, как мы темными ночами в лесу сколачивали из дерева этого самого чудотворца...

— Лай-Лай-Обдулай — бог! — грозно закричал Парамон, откидываясь на спинку деревянного кресла. — Не к лицу мне, начальнику веры, и неприлично, и с разумом несогласно слышать такое великое надругание над богом — будто он сколочен из досок... Точно стол этот, либо лодочка какая... Клянусь Господом Небесным, что великий чудотворец с неба сошел и, если не так это, пусть все мое тело скорчится, как сухая ветка...

Он смотрел на Петра злыми, сверкающими глазами, и губы его нервно вздрагивали в глумливом смехе. Однако же, хотя он и лгал, но говорить все это его подталкивала какая-то внутренняя потребность — хотелось уверять всех и даже себя самого, что кукла — чудотворец, а он сам не обманщик, а человек, в уме которого мысли — таинственные

веления Божии. Сознавать себя не комедиантом, а вдохновенным свыше чрезвычайно подымало его и к тому же отвечало и его положению — начальника веры, реформатора Зеленого Рая. Такая потребность овладевала им постепенно, по мере того, как он с успехом побеждал сомнение обитателей Рая в том, что он избранник небес. И вот незаметно им стало овладевать желание не только казаться им, но и быть на самом деле. Иногда посреди своих дерзких мечтаний он так увлекался, что начинал воображать себя настоящим пророком, вторым Моисеем в Зеленом Раю, и обманы его получали в его глазах иное значение — результат высокого наития. Это тем более казалось возможным, что и Моисей, по его мнению, тоже был большим мошенником и деспотом, дурачащим народ. Такие мысли, однако же, никак не мешали ему идти по кругам ада своего развращенного, порочного духа, и в нем никакого не было желания подняться над ним. Здесь, посреди тлетворного растления, веющего с глубины его духа, он чувствовал себя прекрасно, и изобретать способы растлить обитателей деревни доставляло ему особенное злорадное наслаждение.

— Вот видишь, Петенька, братец, — сказал Василий, выслушав страшную клятву Парамона, — наш младший братец сам принял чудотворца в руки. На этом и вера наша в Зеленом Раю. Парамон и еще святынь даст нам немало, надеюсь, потому начальник веры он, и что ни даст — все от Бога. Вот и моя власть с небес: поэтому сечь и прочее буду люто. И такая власть тоже от Бога...

— От Бога, — глухо повторил Петр, и три брата стали пытливо всматриваться друг в друга, не говоря больше ни слова.

Воцарилась тишина. За окнами неистово выла буря и древесные ветви, раскачиваясь в разные стороны, время от времени ударяли в окна, точно пальцы таинственных призидений. Тогда Петр вздрогивал и, взглянув на братьев, начинал беспокойно смотреть на ножи и кинжалы, которыми тесно были испещрены стены. Наблюдая за ним, Василий мрачно проговорил:

— Ножички... Ишь сколько их, кинжалчиков-то, у пер-

сиян закупил... Прежде-то не было его... А ныне не обойтись... Ну, чего смотришь так и тараща глазища...

— Страшно.

— Для этого я и начальник... Чтоб грозой быть... Вот как забунтует Зеленый Рай, всей нашей команде по кинжалику, значит... Лучше нет, как сразу запугать...

— Сам помрешь-то.

— Зароют, — коротко отвечал Василий и насупился.

Опять наступило молчание.

В этот момент старец Демьян, который все время спал с опущенной на грудь белой головой, дрожа всем телом, поднялся с места и, точно видя перед собой привидение, заговорил:

— Ох, окаянный, как ты пристаешь... Ну что ж, что я зарезал мальца... Не держи за волосы головку-то... Кровь стекает... На сапог, на сапог... Тфи-тфи, всего залил меня кровью...

Голос его жалобно задрожал и, продолжая смотреть в одну точку, он раздвинул пальцы и начал встряхивать кисти рук, точно желая сбросить с них что-то.

— Что с ним? — тихо спросил Василий младшего брата.

— Да, вот зарезал кого-то родитель почтенный. Должно, лет сто назад... Видно, спать мешает мальчик зарезанный-то...

Старик, продолжая встряхивать кисти рук, опять говорил дрожащим, плачущим голосом:

— Да положи, положи под камень голову-то детскую... Там я его зарыл... А ты все в губы мне его даешь целовать... Ох!.. Ножик на земле-то там и остался... Почему не мог поднять ножика я?.. Осип, Осип! Пойди, отыщи нож... А что я убил трех квартальных, это Бог простит. Он не любит полиции... Озверел я... Били, били меня кнутами, и окаменел я... А вот кровь с головки мальчика прожгла и меня... Хотя каменный!.. Окаянный ты, опять голову показываешь... Пшел, пошел от меня, говорю... Вот еще, боюсь я полиции... Как, вы хотите в цепи меня заковывать — да?.. Забыли вы — со мною нож... Ну-ка.

Он стал размахивать перед собой блеснувшим в его руке

ножом. Три брата поднялись.

— Родитель, милый, положите ножичек-то.

— Га!..

Он задрожал, и ножик выпал из его рук.

— Где я?..

— В Зеленом Раю, родитель, — насмешливо отвечал Парамон.

Старик долго стоял, озирая комнату.

— Мальчик-то зарезанный привиделся мне... Стар я, вот что, и ничего-то понять не могу... Когда что было... За сто годов мне... С головы все выскакивает — где я и что...

Он опустился в кресло и мучительно закачал головой.

— Вы в вашем царстве, патриарх, — сказал Парамон.

Старик долго смотрел на него и вдруг завопил плачущим голосом:

— Смеетесь вы надо мной... Какая я вам потеха... Я дряхлый старикашка... Вы же меня шутом делаете перед правнуками, заставляя начальником себя признать. Какие мы цари!.. Забыл Бога-то я с вами, и брата Осипа, и советы его... Что вы сделали со мной!.. Мне в гроб надо лечь и повторять: «Боже, Боже, помилуй старца Демьяна...» Кровавый младенец все перед глазами — вот что...

— Что ж, можно и в гроб вам — чего ждать-то еще, — сказал равнодушно Парамон с тонкой, точно ядовитая змейка, улыбкой, пробегающей по губам. — Вот мы и снесем вас к стопам бога: Лай-Лай-Обдулай и смируется... Младенец-то и перестанет прыгать перед вами с ножичком в горле...

— Не мучь ты меня, дьявол... — взвизгнул плачущим голосом старик. — Что ты за пророк такой в Зеленом Раю... В душе-то твоей — смех дьявольский, — я вижу. Сколько народа ты хочешь замучить-то, пока признают вас начальниками... Надо это зачем — спрашиваю.

— Царство новое надо основать, вот что, старец почтенный, — важно отвечал Парамон и гордо выпрямился, посматривая попеременно на всех. — Немалое дело совершеншаем, полагаю, царство образовать, и для такого дела и застечь можно кого, и употребить и ножички, и кинжалчики...

— Большое дело у нас, — проговорил Василий и тоже гордо выпрямился.

— Да и не сами затеяли и законы даем не сами: новый бог, сошедший с небес...

— Какой?

Демьян с ужасом расширил глаза, неподвижно глядя на младшего сына.

— Лай-Лай-Обдулай...

Демьян продолжал смотреть с прежним видом и рот его раскрылся, а Парамон твердо продолжал:

— С неба сошел он, и если нет, пусть внутренность моя наполнится змеями, и зашипят все, и вылезут из глаз, из ушей и ноздрей моих, и все запоют: «Будь проклят Парамон...»

Демьян продолжал смотреть на сына со страшно раскрывшимися глазами, и вдруг дрожащей рукой он стал искать что-то у себя на груди. Минуту спустя он поднял над головой руку с маленьkim крестиком.

— Кайся! На крестике этом Бог был распят, отврашившийся от крови... Кайся!..

Все стояли неподвижно, и среди тишины раздался тоненький ядовитый хохот.

— Смотрите, старец почтенный, вон из темноты выступает к вам кровавый младенчик...

Старец содрогнулся, и крестик выпал из его руки, а Парамон, указывая в темноту, продолжал:

— Младенчик с ножичком в горле, и в ручке его маленький бог... Лай-Лай-Обдулай...

Старик пронзительно вскрикнул и, закинув голову, стал бессмысленно смотреть на сына с раскрытым ртом. Парамон же, приблизившись к нему, снова повторил со своим тоненъким, язвительным смехом:

— Лай-Лай-Обдулай — добрый бог, все прощает вам, папенька, режьте младенчиков, коли охота, ничего... Вот он вам и ножичек приказал в руки вложить...

Он вложил в руку старика нож и со страшным глумлением в голосе воскликнул:

— Наша вера вольная: кто хочет убивать — можно, кто

охоту имеет блудить с бабами — тоже Бог позволяет, кто хочет пить вино виноградное — веселись и пляши... Ножичек-то в руке вашей...

Старик в трепете поднял ножик над головой, и бессмысленная больная усмешка пробежала по его бледным губам.

— Не пойму, зачем ножичек-то... С ума я схожу, Парамоша... А к чудотворцу поведи... Помолиться хочу...

Парамон повернулся к братьям и сказал:

— Сами видите, какой сильный бог Лай-Лай-Обдулай-то...

Дверь с жалобным скрипом раскрылась и в комнату вошел Варсоний.

— Начальники, — сейчас же начал он с выражением тревоги в лице. — Бунт в Зеленом Раю, и не разберу, когда они поднялись...

— Ночью-то — бунт! — воскликнул Василий. — Что ж ты раньше не доложил нам, начальникам? С вечера я-то сам осматривал Зеленый Рай... Как так бунт?

— А вот так... Тюрьму разламывать сейчас идут... Освободить, значит, племянничка вашего Алексея и прочих... Подняла-то их духоборская девка-пророчица, и идет впереди с серпом, и машет им...

В это время Парамон, стоя у окна, внимательно всматривался в ночную тьму. Буря завывала разными голосами, точно крутящийся в ночной темноте хор из гневно-негодующих великанов и вопящих разными голосами детей. Громадные деревья с жалобным скрипом сгибались в разные стороны, как гордые исполины, не желающие преклониться перед грубой, но непреклонной силой, и только их лиственые шапки, развеваясь во все стороны, шумели жалобным, протестующим шумом. Посреди шума слышались и человеческие, такие же негодующие голоса, выражающие и угрожающие протест против попрания их священных прав под наглым копытом тирании, и челобитную по адресу равнодушного созерцателя земных трагикомедий — Бога. Скоро в желто-золотом сиянии луны, выплывшей из-за туч, стали обрисовываться бледные лица быстро приближающейся толпы. Впереди шла девушка ровными, быстрыми шагами,

с серпом, блестевшим в поднятой руке, с развевающимися во все стороны на ее голове длинными волосами.

— Га! — воскликнул Парамон, отскакивая от окна с бледным лицом, но каким-то светящимся, точно силы, скрывающиеся в нем, сразу запылали адскими огнями в его сердце и пахнули из глаз.

— Что делать-то? — глядя на него, спросил Василий.

— Ножички, ножички!.. — проговорил Парамон, поглядывая на развешенные ножи и большими шагами быстро расхаживая по комнате с легкостью гиены, бегающей в заключении.

— Герасим-Волк и все прочие где будут? — спросил Василий Варсония.

— Около темницы все и стоят.

— Дубины бросят пускай, а оружие иное мы им раздадим... Ну, братец миленький, не буду знать, что делать, на ухо шепни только.

Он пошел к двери, но потом, в нерешительности остановившись, снова стал вопросительно смотреть на Парамона. Последний, продолжая ходить по комнате и одновременно вздергивая высоко плечи и ужасно улыбаясь, проговорил, указывая на оружие:

— Ножички, ножички!..

— Собери, Варсоний, — повелительно сказал начальник Зеленого Рая.

Кинжалы и ножи, соскакивая со стены и ударяясь один о другой, падали в руки Варсония. Парамон все продолжал ходить, испытывая зловещую радость в душе своей: кровь прольется, и в ее зареве, по его мнению, вырастет до небес грозный бог Лай-Лай-Обдулай, и он пророк его, потому что этими ножами дух свободы будет убит.

Петр стоял бледный, как мертвый, прислушиваясь к звуку ножей. Парамон, проходя мимо него, с кривой улыбкой проговорил:

— Пугливая ты птица.

Вдруг старец Демьян, глядя на срываемые со стены ножи, засмеялся каким-то сумасшедшим смехом и, глядя на свой нож, стал раскачивать его перед собой, подбросил

вверх и, поймав одной рукой, громко захохотал:

— Ножичек так и падает-то в руку, а крестик-то прочь побежал... Младенчик от креста больше кричит в моем сердце... Кровью, кровью попотчую и замолчит... Парамоша, милый сынок, знай вот это: кровь тянет за собой другую... Заливай ее кровью же... Гой-гой, серый волк, я тебя не кормлю больше младенцем... Что сверкаешь глазами-то!

Он стоял на дрожащих ногах, перегнувшись телом и глядя в темное пространство. Лицо его смеялось, и в руке блестал нож.

V

Буря продолжалась, но земля ярко озарялась теперь золотисто-желтым светом выплывшей из-за туч луны, точно для того, чтобы осветить ужасное дело, совершившееся в Зеленом Раю.

Там, где тянулись новые выстроенные Парамоном строения, против маленького каменного домика-тюрьмы, стояла большая толпа «крамольников». Теперь она не бунтовала уже. Люди с бледными лицами и немым ужасом смотрели на три неподвижных мертвых тела, распростертых на земле между ними и домиком, где находились заключенные. У самого домика тянулись в одну линию люди с топориками на плече или ножами в руках, и между ними отделялась огромная фигура Герасима-Волка. Стоя с окровавленным ножом в руке, с выставленной вперед ногой, он посматривал на живых и убитых, издавая какие-то боевые, дикие звуки, видимо, готовый при первом знаке начальников снова начать свою ужасную охоту. Между начальниками и Черным Десятком, среди которого теперь было много женщин, стояли Парамон и Василий. Последний, гордо закинув голову, смотрел на толпу с грозно нахмуренными бровями, а Парамон, наоборот, смиренно согнувшись, как бы под тяжестью горя, и закрыв лицо руками, горько плакал. Этого плача Парамона, впрочем, никто не слышал, так как он

заглушался стонами толпы, плачом добрых граждан, глядящих на мертвцевов, и воплями женщин. Все эти разнообразные звуки, смешиваясь с воем бури, стоном сгибающихся деревьев и шумом лиственных куполов, мятежно развеивающихся над толпой, в общем образовывали ужасный концерт, а желтая луна, разбрасывая свои лучи, казалось, озаряла толпы мертвцевов, таких же бледных и печальных, как и она сама.

В таком положении все находились довольно долго, потому что после короткой атаки толпы на тюрьму и после того, как толпа с ужасом отскочила, увидев поднятые ножи и передовых бойцов, упавших под их ударами, наступило как бы общее оцепенение. Многие смотрели на Парамона, потому что всем казалось, что он плачет. Вдруг, отнимая руки от лица и откидываясь телом как бы в чувстве ужаса, он громко воскликнул, глядя на брата и указывая на мертвых:

— Ты что за зверь!..

Василий, наученный братом, как ему надо вести себя в этой комедии, важно и гордо отвечал:

— Моя власть от Бога. Худо ли я делаю, хорошо ли, судей на земле нет, чтобы судить меня, потому что от Бога... Пусть Он и судит, либо Его великий чудотворец — Лай-Лай-Обдулай.

— Лай-Лай-Обдулай!.. — пронесся шепот по толпе, сливаясь с таинственным шелестом листьев, которые, точно перешептываясь между собой, как бы повторяли страшное, таинственное слово «Лай-Лай-Обдулай». Немного спустя то-неньkim, пронзительно смеющимся голосом кто-то повторил:

— Лай-Лай-Обдулай!..

Парамон повернулся.

Посреди Черного Десятка лежала связанная веревками пророчица с лицом нервно смеющимся и белым, как камень. Начальник веры громко вздохнул и воскликнул:

— Любезные сердцу моему люди, ведь от Бога власть его, начальничка-то, так как судить будем?.. Да и не он сам законы дал и начальником сделал себя. Бог на небеси на-

чальником его сделал и велел пастуху в порядке вести стадо, пока живы пасомые, и после смерти... к ангелам, к ангелам, а не в ад... Правда, увидев мертвеньких, ужаснулся я и много, много плакал, пока язык развязался... Такое сердце у меня чувствительное, что и разум помрачило, и сделался дерзок на язык... Милые люди, теперь вижу ясно, кто виноват: мертвые сами виноваты в смерти преждевременной... Но ничего... Походатайству перед великим Лай-Лай-Обдулаем, может быть, он и пошлет ангелов своих, чтобы те отверзли для них двери в рай... Как-нибудь протеснятся... Другие любезные, люди милые, глядите на мертвеньких-то. Вы также виноваты в том убиении, потому что, когда они закричали в безумье: пойдем на начальников, вы пошли, и когда они роптали, вы не взяли бичи в руки и не похлестали их, как добрые товарищи... Не лежали бы они теперь недвижными трупами здесь, если бы так поступили, а посему влагаю вам в уши вот сии слова великой мудрости...

Буря постепенно затихала, и казалось, что и луна, и звезды, и деревья, и всякая травка, вытянувшаяся после ветра, стали прислушиваться к словам «пророка» Зеленого Рая. В свою очередь, и «пророк» как бы постепенно делался выше. Понимая, что запутанная толпа, стоящая против людей с ножами в руках, будет теперь покорно внимать его словам, он стал продолжать с силой и вдохновением пророка, хотя мгновениями в голосе его слышались злорадство и глумление:

— Вот, дети милые, ваш долг перед начальником: наклоняйте голову перед ним как можете ниже, чтобы не видеть даже, какой он. Может быть, он и согрешит в чем и без вины посечет кого — смиренно сносите сие, ибо смиренных любят ангелы, и вы всегда верить можете, что есть высокий, который пожурит начальника, когда надо, и наградит вас — Лай-Лай-Обдулай. Сто глаз у него и сто ушей, и посему шепчитесь как можете тихо — услышит, спрячьтесь под землю — увидит, бежите быстро, как олень или заяц в степи — поймает, а черные духи его поsekут. Никак не можете укрыться ни от него, ни от нас, начальников, а потому вот вам завет мой: будьте кротки, как овечки перед властью, памя-

туя, что в покорной овце мудрость змия. Преклоняющийся перед начальником сохранит свою душу, а гордый погубит. Работайте много в поте лица, но о себе не помышляйте и о детях ваших не заботьтесь: начальник веры знает, что надо вам, и что надо — даст. Не говорите в сердце своем: работаем от зари до зари, а все ничего не имеем, потому что отдааем все начальникам. Не забывайте, ропчущий на властей обижает великого Лай-Лай-Обдулая, и бойтесь, как бы он не погнал вас скорпионными бичами в ад. Итак, люди милые, будьте кротки и тихи перед лицом начальника, чтобы умягчить сердце его; молчаливыми будьте, чтобы пустыми речами не прогневить его, многотерпеливыми будьте, чтобы иметь радость сказать: мы терпели здесь много для жизни на небеси. Лицо имейте всегда светлое и веселое перед начальником, чтобы порадовать его, и когда он будет гнать вас от себя, скажите: ты нас гонишь, а мы кланяемся тебе, и поклонитесь: это повеселит начальника, люди милые! Мне вас жаль, а потому и хочу, чтобы в сердце вашем было все это, и тогда поистине не только будете жить в Раю Зеленом, но и в вас самих рай будет. Буду радоваться я за вас великой радостью и плясать перед Лай-Лай-Обдуляем... Любят чудотворец, чтобы в веселой пляске кружились вокруг него, а потому и вы пляшите. Веселостью и лаской смягчите всякое сердце и чудотворца, и начальника, а кто мрачно говорит и кисло смотрит, тот и начальникам, и Богу как кислое яблоко — ненавистен. Имейте же веселость в себе и пляшите, а сумрачный пусть пьет виноградное вино: веселым станет и будет плясать. Вот как учит вас начальник веры — веселыми быть и плясать, и забавляться, и вино пить и разное такое... Подумайте сами, ведь и ангелы имеют лики светлые и радостные, когда кружатся перед престолом Божиим, и был один только сумрачный и ропчущий, и Бог повелел ангелам сбросить его с небеси, и летел он как молния с неба, имя ему — Сатана...

Парамон поднял руку кверху и закричал таким голосом, что казалось, из уст его стали вырываться какие-то громовые раскаты.

— Ей-ей, говорю вам, всякий сумрачный и ропчущий —

сын Сатаны, и сколько здесь есть сумрачных, столько и сынов начальника ада. Ей-ей, говорю вам, всех, имеющих лица, как ночь, сумрачные, отделю я от стада и повелю моим служителям, черным духам, погнать их в ад, ибо по лицу их узнаю, что и душа их такая же черная, как лица. Вот, люди, я вам предрек все, я, начальник веры Зеленого Рая, пророк Лай-Лай-Обдулая — Я!..

С последним озаренным словом он снова поднял высоко руку. И его ужасное, бледное лицо казалось озаренным какими-то лучами. И он казался таким необычайным, единственным, страшным, непонятным, что запуганная толпа стала смотреть на него расширявшимися глазами с жаждым вниманием и ужасом, готовая верить, что он настоящий пророк. До этого последнего момента толпа волновалась и, несмотря на угрожающий вид ножей, блестевших в руках Черного Десятка, из уст людей исходили различные мнения о Парамоне: «Как!.. Что он болтает: покорными быть под кнутами... сердце горит от его слов...» — «Ш-ш-ш... — шептал его сосед, — убьют тебя черти, вон те, с ножами, и совсем уже не откроешь рта». — «С пустыми руками мы — вот плохо, а они ножички отточили...» В другом месте говорили: «Глядите, глядите, он плачет, добряк какой!» — «Правда, правда, сердце у него жалостливое». Подслушав это, кто-то отвечал: «Ах, глупые люди, да ведь он обдувает нас, обдувает... С виду ласковый, а в душе волк». Посреди самых храбрых слышалось и высмеивание «пророка»: «Ишь ты, плясать учит перед чурбаном, воно вера какая!» — «Пусть попляшет сам наперед — полюбуемся козлом Василисиным».

Как бы ни было, но слова «пророка» постепенно начинали как бы гипнотизировать наивных и доверчивых обитателей Рая. Речь Парамона минутами лилась плавно и печально, точно убаюкивая слушателей, и тогда им казалось, что от избытка чувствительности он сам вот-вот разрыдается; то в голосе его слышалась какая-то власть, как бы тонкое издевательство, что-то язвительное, точно из уст его исходила тоненькая, обвивающая их змея, и тогда им делалось страшно, но вслед за этим в голосе его опять звучало

простодушие, и лицо как бы говорило: какой добрый. Когда же слова начали как гром срываться из его уст, им показалось, что перед ними необыкновенное существо — бог или демон — неизвестно, но оно обладает страшной загадочной властью. Три мертвеца, лежащих у ног «пророка», как бы придавали ему какое-то таинственное могущество, точно связывая его с царством смерти и таинственным богом — Лай-Лай-Обдулаем.

Толпа безмолвствовала, и «пророк» все стоял, обрызганный первыми красно-огненными лучами зари, точно в кровавой мантии. Вдруг среди безмолвия раздался голос — тоненький, злой, как бы пронизывающий мозг слушателей горьким, язвительным осмеянием:

— Воцарился, воцарился Сатана на троне Зеленого Рая. Добрые люди, плачьте о вашем минувшем счастье, потому что оно не вернется. Будете плясать и вино пить, но вместе с вами будут прыгать бесы и хохотать в вашем сердце дьяволы, и злые духи будут толкать вас проливать кровь... Хотела я вас повести сокрушить ад в Зеленом Раю, но он уже начался...

Парамон давно уже смотрел на Груню, которая, произнося эти слова, билась в своих веревках, и все ее тело вздрогивало, в то время как из глаз неудержимо текли слезы.

— Лгунья! — воскликнул Парамон громовым голосом. — Здесь не Сатана, а великий пророк Зеленого Рая, который пришел дать счастье и веселье, и всякую радость, и в руках его, в одной — ключ от рая, в другой — бич... Эй, вы, закройте пасть лгуньи этой, чтобы из нее не выкрикивал бес хулу на начальника...

Девушка теперь только отчаянно мотала головой, потому что рот ее был завязан, а злая старуха Афросинья, стоя над нею, закричала:

— Начальник, дай только приказ, мы ножом отрежем ей язык... Чудотворцу приятно будет, что не предрекает больше худого паршивка... Навсегда замолчит...

— Как Лай-Лай-Обдулай пожелает — так и сделаем... Во-прошу чудотворца...

В это время старуха, подбоченясь и поворачиваясь в раз-

ные стороны телом, точно приготовляясь плясать, заговорила, обращаясь к женщинам, стоящим среди Черного Десятка:

— Эй-люли!.. Веселая-то наша вера, и поплясать можно, и побалакать с Богом, и все прочее — разрешается... Эх вы, девки и бабы, поплясали бы, усладили бы господина начальника...

К невыразимому удивлению жителей Рая, несколько женщин бесстыдно завертелись на месте с разевающимися вокруг их тел рубахами. Парамон засмеялся, Герасим-Волк, фыркнув, точно бык, напившийся воды, громко забасил:

— А ей-же-ей, весело... Я, Герасим-Волк, со светильней буду ходить по Зеленому Раю: кто не смеется — дубиной...

Толпа стояла неподвижно под впечатлением необычной для них картины — пляшущих около трех мертвцевов женщин. Многим наивным людям начинало казаться, что пришел конец света, что вот сейчас и восходящее солнце сделается черным, и звезды запляшут, и воцарится в Зеленом Раю Сатана. Вдруг все женщины, остановившись, стали смотреть в одну сторону, а старуха Афросинья подняла свою костлявую руку и, напоминая ведьму, как бы замерла в этой позе с рукой, указывающей на кого-то. И вот все люди, повернув головы, стали смотреть по указанному направлению.

В некотором расстоянии, приближаясь к «пророку», шла Сусанна, держа над своей головой какой-то красный цветок. Хорошенькое лицо ее, в рамке волос, падающих по ее плечам до колен, казалось озаренным каким-то светом, по губам проходила блаженная улыбка и в голубых глазах светилась радость. Ступая босыми стройными ножками, она с каждым шагом слегка покачивалась влево и вправо, отчего ее волосы шевелились у колен, как от ветра — виноградные гроздья.

— Чудо, чудо! — воскликнула она, приблизившись к Парамону.

— Наступает время, — воскликнул «пророк», поворачиваясь к толпе, — когда что ни день, то новое чудо будет яв-

лять вам великий Лай-Лай-Обдулай.

Он снова повернулся к девушке и, положив руку на ее голову и глядя на нее несколько греховными для пророка глазами, сказал:

— Девица, я раскрыл свой слух для слов твоих. Говори смело.

— Господин начальник веры, я поступила, как ты научил — начала плясать и кружиться вокруг великого Лай-Лай-Обдулая. Ведь ты мне прорек, что чудотворец любит глядеть, когда девушка весело пляшет... И вот я плясала... Ночь была темная, и ветер свистел, и гнулась каждая ветка большого нашего орешника, а я все плясала, вот и устаю уже, и вдруг я почувствовала, что мои длинные волосы как бы приподнял кто-то и потянул. В испуге обернулась я, и вот вижу, как и раньше было раз — некто сияющий, хотя и нельзя рассмотреть было лица... Упала я лицом вниз, потому что такая радость охватила меня и испуг, и понимала, что недостойна глядеть; я только вскричала в трепете: «Чудотворец божий — Лай-Лай-Обдулай!..» Только вскричала, слышу над собой голос, веселый такой, ласковый: «Девушка, ты приятно плясала, глазам хорошо было смотреть... Приходи и пляши как можешь больше, и нарекаешься ты за это невестой Лай-Лай-Обдулая... И вот тебе цветок красный...» Подняла я глаза, и вот вижу, рука чья-то, и в ней цветок красный...

С последним словом губы ее раскрылись в блаженную улыбку, и она высоко подняла над головой цветок, улыбаясь и сияя глазами. Вид этой девушки, трепетавшей от радости с цветком в руке, на минуту заставил верить обитателей Рая, что именно все это так и происходило. Искренность светилась в лице ее, восторженной радостью звучал голос, и надо было некоторое время для мысли, что простая, бесхитростная девушка не более, как жертва самого грубого, дерзкого обмана. В общем, картина получилась такая: «крамольные» обитатели, представляющие тесную толпу, пораженные слышанным, стояли неподвижно, женщины, находившиеся напротив толпы, наоборот — сейчас же заговорили с быстротой поразительной: «Какая радость ей!..» — «Смот-

ри ты, — невеста чудотворца!» — «Хорошо поплясать и нам». — «Гляди на цветок-то: как кровь красный. Видно сейчас, не на земле возрос». Парамон с минуту стоял неподвижно и вдруг, расставив руки над плечами, возгласил:

— Человеки милые, великое чудо совершилось, и радость, веселье, ликование в сердце моем... И плясать хочется...

Повернувшись снова к девушке и опуская руки на ее голову, он с растроганным видом приветствовал ее:

— Светлая невеста могучего Лай-Лай-Обдулай.

— Господин начальник веры, я-то не все сказала, — произнесла невеста чудотворца. — Не успела я подняться, как снова услышала голос: «Дитя, иди теперь в Рай — там ты увидишь три мертвеца. Скажи всем, чтобы никто по ним не смел плакать, ни жены, ни дети: гневаться будет Лай-Лай-Обдулай. На начальников повели они глупый народ, а это такой черный грех, который и в аду смердит, и смрад этот только Сатана выносит. Пускай же так сделают: длинными палками поволочат мертвцев поганых далеко от Рая Зеленого и там бросят, и вороны их расклюют... Я, Лай-Лай-Обдулай, приказываю всегда так бросать падаль от смердящей крамолы — на расклевание воронов...» Вот какое было последнее слово чудотворца, начальник... Но я не вижу мертвцев: я хотела бы плюнуть им в лицо...

И только теперь Сусанна начала озираться по сторонам. Увидев сбоку от себя три мертвых тела, она с отвращением в лице в ужасе отскочила назад и долго стояла неподвижно, глядя на них с нервной дрожью. Между тем, Парамон в это время грозно восклицал, обращаясь к толпе:

— Слышали, что сказал Лай-Лай-Обдулай, — смердят и в аду мятеjhники. Человеки милые, жалею вас очень, и думаю часто и вздыхаю, зная грехи ваши: мятеjh носите в себе. Лучше вам змею иметь в сердце, да попасть в рай, нежели со смердящей крамолою быть в аду под воинчим копытом Сатаны. Вот какое испытание делаю: обернитесь-ка, люди милые, к Раю Зеленому и идите так, идите... по домам...

Он умолкнул, а толпа задвигалась по всем направлениям, как люди, не знающие, что им делать. После этого неко-

торые стали медленно отходить, согнув спины и опустив головы, как люди, чувствующие, что находятся под ярмом. Прошло несколько минут, и толпа сильно поредела. Тогда против оставшихся храбрецов стал Черный Десяток с Герасимом-Волком впереди, и все они, посмеиваясь, стали делать разные движения ножами, подступая все ближе и издавая какие-то боевые звуки. Герасим-Волк, высоко подбрасывая свой нож над головой, ловил его руками и, уставив свои бычачьи глаза на толпу и нагнув голову, с животным хохотом бросался вперед на стоявших впереди храбрецов. Эта забава продолжалась некоторое время, пока наконец самые смелые с тяжелыми вздохами медленно направились к своим домам. И это была последняя борьба ангела свободы и света с черными призраками тьмы, лукавства, суеверия и тирании, и черные призраки победили, и с этого времени они всюду расположатся вокруг Зеленого Рая, как часовые на часах, занося над каждой головой свои острые ножи. Люди сильного чувства и светлого ума будут уничтожаемы как разбойники и убийцы, или станут убегать в леса и пустыни и там молиться своим богам — истине и любви, а люди бесчувственные, коварные и злые сделаются сильными вожаками покорного стада. И не будет никто знать, где правда и где ложь, но среди тьмы вечно будут слышаться слезы и вздохи отлетевшего ангела свободы и правды и непрерываемый хохот веселящихся черных демонов.

— Братец миленький, ты хорошо говорил, а я вот сбил рога козлов бодливых... хоть три мертвеньких есть, а ничего... Пусть боятся, как смерти, меня, начальника Рая... ничего...

Проговорив это, Василий гордо стал оборачиваться, посматривая на присутствующих, красуясь и выставляя себя напоказ. Парамон, взглянув на него, усмехнулся с презрением и злобой и шепнул ему: «Не красуйся лучше, как павлин, распустивший хвост, а то мертвцевов этих я прикажу на шею тебе повесить и поведу напоказ. Дурак ты и больше ничего».

Василий осталенел, а Парамон, полюбовавшись его смущением, бесцеремонно рассмеялся и повернулся к Сусан-

не. Она стояла, глядя на связанную Грунью, и в глазах ее сверкали слезы.

— Невеста чудотворца ты, а вот слезы я замечаю... зачем плачешь-то...

— Начальник, не могу с сердцем своим совладеть... хотя поганка поносит бога...

Ее голубые глаза вдруг расширились уже в выражении ужаса и ненависти, и она добавила:

— Как подумаю это, плонуть хочется проклятой в рожу.

— Плонь, чтоб повеселился Лай-Лай-Обдулай, невеста чудотворца...

— Тыфу-тыфу, гадина, жаба... Будь проклята, и чтоб в аду тебе гореть и не сгореть.

Ожесточение сверкнуло в глазах ее и в лице.

— Веселится Лай-Лай-Обдулай.

Груня жалобно заплакала и забилась в своих веревках.

VI

Разошлись все, унесли куда-то плачущую Грунью, и на опустевшем месте остались только избранники судьбы — «пророк» и «невеста чудотворца». Парамон сидел на камне под деревом, ветви которого спускались сверху до самой земли, образуя род беседки. Наивная, доверчивая как младенец Сусанна стояла перед «пророком» с детски-радостной улыбкой на губах, с сияющими чудными глазами. Красный цветок колебался в ее руке над плечом.

— Девица милая, — говорил Парамон, созерцая ее жадными глазами, слашаво-ласковым голосом и с улыбкой на губах. — Скажи же мне, как ты разумеешь сие высокое назначение твое — быть невестой могучего бога?

— Не знаю, начальник, — с разлившейся краской в лице невинно ответила Сусанна и в смущении потупила глаза.

Некоторое время Парамон молча смотрел на нее глазами горящими, как у волка, и зрачки этих глаз перебегали по всему ее стройному, юному телу с гибкими ножками,

по которым спускались концы волос, и высокой груди — тоже наполовину прикрытой волосами.

— Лай-Лай-Обдулай не есть человек, и у него нет тела, как вот твое и мое... Значит, ты невеста великого духа бес-телесного...

— Начальник, я не знаю, — едва подымая глаза от смущения, проговорила Сусанна, и стыд ярким румянцем еще гуще разлился по лицу ее и, инстинктивно чувствуя, что «пророк» созерцает ее греховными глазами, она волосами своими стала прикрывать свою грудь.

— Девица, открою тебе великую тайну...

Девушка содрогнулась и подняла голову, потому что голос «пророка» прозвучал необыкновенной силой.

— Никто не смеет дерзать слушать ее... Или он умрет... Твои же уши, девица, да будут отверсты... Внимай — внимай — внимай...

Он медленно подымался с камня, не спуская с Сусанны ярких «пророческих» глаз, и с последним «внимай» выпрямился и поднял руку кверху.

— Начальник, я слушаю, — дрожащим голосом проговорила Сусанна.

«Пророк» начал говорить таинственным шепотом, точно делая заклинание, и девушка, слушая его, стала бледнеть.

— Великий дух Лай-Лай-Обдулай — бог могучий — да, и я говорю могучий, как тот, который в небе... Однако он, веселый радостный бог, иногда и томится, и тоскует, что он дух, а потому бывает, что в человека входит... Такой человек и сам становится как бог... Освящается, значит, его светлым могуществом... Входил он в Моисея, и назван потому Моисей человеком Божиим, и в иных входил — все пророками назывались... Но давно то было, тысячи лет... И вот ныне вошел в отрока Парамона... С детства стал входить светлый бог в телесную храмину мою, умудрил мой разум, пророчествовать я научился, но бушевал в моей груди могучий бог, и оттого, смотри, уродливо стало тело мое... Иссохла эта рука, видишь, как сухая ветка она: спалил ее бог жарким дыханьем... Поднялись плечи до ушей — тесно было богу... Эта же ступня, видишь... Клеймо свое наложил бог...

Девица, ты слушаешь?

Сусанна стояла перед ним с белым, как мрамор, лицом: священный ужас сделал ее бледной и неподвижной. Она была далека от всякого сомнения, тем более что наглядно видела и доказательства: ужасное разрушение телесной храмины Парамона вследствие пребывания в ней Лай-Лай-Обдулая. Ум ее был лишен способности критиковать и анализировать, и потому она и принимала за действительность всякие вымыслы и сказки, особенно если они исходили из уст лиц, признанных авторитетными. Взамен ума она обладала живым воображением, а потому земля ей представлялась населенной привидениями и демонами. Она обладала также сильными чувствами и быстро переходила от ненависти к любви и преклонению и, наоборот, совершенно была не способна понять ни себя, ни окружающих явлений, ни людей. При нежном сердце и чувствительности она способна была на какую угодно жестокость: надо было только суметь бросить в грудь ее огонь, который бы разгорелся. В блеске этого огня она превращалась в другое существо, сильное вдохновением, и каждый нерв ее тогда вздрогивал, как струна. Фокус заключался только в одном: суметь вдохновить ее на добро или зло — одинаково не трудно. При иных условиях она могла бы сделаться мученицей Истины и Любви, но, к сожалению, звезда истины меркла в это время под небом Зеленого Рая, и среди тьмы поднялся человекообразный демон и сказал себе: моя игрушка и в моих руках — палачик людей в Зеленом Раю. Обитатели Рая и прежде, глядя на нее как на существо таинственное и страшное, давно уже свыклись с мыслью, что рано или поздно она всех их удивит. Она всегда им казалась странной и загадочной, и многие называли ее просто дурочкой, не умея объяснить себе ее причуд. Иногда она скрывалась куда-то, ее долго отыскивали и наконец находили где-нибудь в лесу, сидящей высоко на древесной ветке, довольною и веселой. Она объясняла свое поведение желанием быть одной и смотреть в небо. Она говорила, между прочим, что облака — большие лодки, в которых ангелы путешествуют по небу, и что будто раз она видела их. В море

она тоже видела чудеса: маленьких людей с зелеными волосами, которые катаются верхом на дельфинах, и, желая испытать прелесть такого путешествия, раз прыгнула с берега, чтобы оседлать дельфина, но упала в воду, и ее с трудом вытащили. Когда она молилась, до появления нового бога, конечно, то в воображении ее всегда носилась какая-нибудь фигура с такой яркостью, что ей казалась она действительно существующей. От мужчин она убегала, и когда ей приходилось быть в их компании, смущалась и краснела. Стыдливость ее удивляла всех, и молодые люди боялись даже с ней заговаривать, и потому, невзирая на ее красоту, все смотрели на нее как на существо, обреченное совершил совершенно особенный жизненный путь посреди своих странностей и причуд.

— Начальник, я тебя слушаю, — отвечала трепещущим голосом Сусанна. — Ты сам бог, или великий пророк ты... Недостойна я смотреть на тебя и недостойна слушать... Начальник, я простая девушка, а в тебе Лай-Лай-Обдулай... Ты носил бога... Засушил он руку твою... Кости выдвинул, и я всегда спрашивала себя: кто это с ним сделал... Теперь вижу кто: сам бог. Пророк великий, дай мне преклониться перед этой ногой, разбитой богом...

Дрожа всем телом, Сусанна опустилась на колени, причем волосы ее, распадаясь по земле, образовали как бы шатер из тонких золотистых нитей. «Пророк», склонив голову, смотрел на нее благосклонными, жадно пылающими глазами и с тонкой коварной улыбкой, в то время как она своими нежными целомудренными губами приложилась к святыне — его отвратительной, красной ступне.

— Невеста великого духа, встань.

Девушка, в трепете закинув голову, взглянула на него чудными глазами и поднялась. «Пророк» опустился на камень. Сидя с выпрямившимся телом, он опять поднял руку и тоном властного пророка сказал:

— Внимай!..

— О, как я слушаю тебя, начальник!

— Не можно тебе быть невестой духа и скажу лучше — женой могучего, и все же... можно... Дерзай, девица, высо-

кий дух веселится минутами, ликует, смеется радостно и тогда влетает в меня... Я умираю в минуту эту, потому теснит меня могучий дух, сжигает жарким пламенем... Меня нет... Он могучий, в груди моей смеется радостно, ревнится... Пляшет... Тело тогда мое пляшет... Внимай, девица, когда увидишь меня плящущим, скачущим, смеющимся, знай, это не я — Лай-Лай-Обдулай, а ты невеста его... Тогда пляши, как пожелает его святое могущество. Так вот как можешь разуметь свое великое назначение — невеста бога... На время, значит, когда Лай-Лай-Обдулай в меня влетает...

Сусанна трепетала. Чудеса вылетали из уст Парамона одни за другими, насыпая воображение ее чудесными картиками. Дикая мысль, что она невеста бога, что этот безобразный человек — пророк, в теле которого пляшет бог, — все это наполнило ее священным трепетом. Рассуждать о вероятности всего этого она совершенно не могла: картины были слишком яркими, а истина несомненной, так как сам Лай-Лай-Обдулай назвал ее своей невестой. Была и еще причина полной невозможности рассуждать или сомневаться: «пророк» говорил с ней как власть имеющий, и в его шепоте, и в приказаниях его было что-то неотразимо могущественное для нее, совершенно уничтожающее ее волю. Она находилась в состоянии какого-то полусознания, испытывая священный восторг и ужас одновременно, и, охваченная этим чувством, она способна была, подобно загипnotизированной, исполнять решительно все.

— Пророк! — воскликнула она восхищенным голосом и сложила на своей груди руки.

— Простой человек я, пока в мою грудь не влетел Лай-Лай-Обдулай... Знай это... Не влетал он в меня еще, а потому я и не смотрю на тебя, дева, хоть ты красавица... Что мне до девичьих красивых телес... Я гляди какой... Не хочу и смотреть я на вас, соблазнительных дев... Уйди...

Девушка отступила на несколько шагов и остановилась в трепете.

— Веселый радостный бог любит вас — дев пригожих, вот влетит в меня, запляшет, затанцует... Я же суровый человек... От женщин убегаю... Уйди...

Она еще отступила на несколько шагов, бледная от страха и огорчения.

— Пойди, преклонись перед богом... Жди ответа... Будь распростертой перед ним, он это любит... Ночь, другая, еще и еще, и, может быть, сам скажет тебе, как разуметь сие великое назначение — невеста Лай-Лай-Обдулай... Может быть, захочет в тело мое влететь и поиграть с девой непорочной... Так ты не пугайся, что твой высокий супруг в храмине такой отвратительной для глаз... Ступай... Девы для меня не соблазнительны... Не люблю я их... Иди...

Девушка нерешительно повернулась и медленно пошла от него, держа над своим плечом красный цветок. Он качался на тоненьком стебельке, ударяя ее по лицу.

Парамон долго смотрел на ее удаляющуюся фигуру и, когда она скрылась из глаз, поднялся с камня и, глядя сквозь просвет листьев на небо, проговорил про себя:

«Парамоша челом тебе бьет, Отче на небеси, ибо немало богохульствую... Может, ты серчаешь, старичишко, да что взыскивать-то с меня, коли ты закатил мне гвоздь такой: сотворил скверненьким... “Не рой другому яму” — это знаешь, а? — Ты-то яму вырыл Парамоше, а он-то в Зеленом Раю первый человек — пророк... И совсем даже не боюсь тебя никак... Да и не буду бояться, хотя натворю таких дел, что смрад от земли долетит до небес и запахнет в ноздрях у тебя... Потому и не боюсь, собственно, что ты, может, тот же Лай-Лай-Обдулай... Бога этого я изобрел, Парамоша, а тебя кто? Не наморщивай лоб, папаша, не боюсь, и грехато совсем не боюсь... Начхать мне на твое небо... Имею о тебе такое понятие, как о мучителе... Сколько народов-то измучивал... Я думаю, не перечесть, и крови-то выпустил, сколько в реках воды... Попрекать-то и нельзя меня и не боюсь, сколько ни махай белой бородой... Коли ты там восседаешь, то действую я с твоего разрешения, ибо тварь я твоя и все мое — твое — я грешная тварь твоя... Лай-Лай-Обдулай — бог, выходит, подлинный... Понимаю так — все, что с головы моей выскакивает, — твое... Да уж не гневайся, пророк я, и такой порядок заведу в Раю Зеленом, что kostи хрустнут у деток твоих... Им мука, а мне вот веселье ду-

шевное... Властвовать так, чтобы дрожала всякая тварь, — усада немалая... Пусть трепещут детки, и на всяком лбу и хребте — отпечаток моей лапы... Вот как цари разные, так и я... Все, что не я, — начхать... А как ты еще надо мной насмехался, мучил, и бабенки убегали, то вдвойне начхать... Веселится душа моя, и Парамоша запляшет, танцевать будет нагишом... молитва, значит, такая — блуд... Человек есть плод блуда, и потому и он воспеваться должен... блуд, то есть, тобой рожденный для твари всякой... Спасибо, папаша, хорошо придумал, и я вот повеселюсь с девственницей Сусанной и прочими кобылицами... может и младенчик зачатся, и вот что я задумал на случай этакой: послание в Раю нашем, что так как девица сия невеста бога, то и младенец ее — маленький Лай-Лай-Обдулай... не нравится, а? А мне начхать... Бог живой будет в Раю Зеленом и всякая тварь земная поклонится ему, и стану я выше Моисея. Затрепещут люди, и на землю твою клеймо свое наложу своею пятой, вот так...»

С последней мыслью он поднял свою ужасную ногу и, топнув ею, повернул ступней, как бы раздавливая ею что-то, и на лице его была какая-то глумливая, циническая усмешка.

Листья зашелестели и, раздвинув ветви, перед ним появилась старуха Афросинья.

— Ладно ли выполнила твой приказ, начальник?

— Хорошо выполнила приказ, — важно отвечал Парамон, — не знаю вот только, кто говорил с девицей устами бога-то.

— Человек такой нашелся, он и говорил... А цветочек я сама ей подала, дурочке-то, в темноте оно и не заметно.

Парамон проговорил голосом, не допускавшим возможности противоречить и даже сомневаться, и с чрезвычайно важным видом:

— Рукой своею ты подала цветок и человек твой говорил с невестою бога, но сам чудотворец направлял руку твою, и его голос звучал в устах того человека... Женщина, знай, я один удостаиваюсь разговаривать с великим Лай-Лай-Обдулаем, и вот он мне сказал: «Не хочу пугать людей, и по-

тому пусть думают, что сами так поступали». Ни о чем не думай, женщина, а только верь...

— Как не верить, коли тебе ответы дает чудотворец... Законы опять... Крепко верю, на этом стою, и других в Раю научаю.

— К ангелам причтена будешь, чудотворец сам и двери откроет... теперь вот что приказываю тебе: ходи по деревне и громко испытывай в вере их... Равно и другие верующие бабенки, а их, чаю, много уже... ходите все, высматривайте по домам, кто молится еще старому Богу. Таких страшайте лютыми муками...

— Начальник, я вот одной ноги... свела судорогой... Такое зелье ей дала, а как Сусанна сказала: умрет ее ребеночек, то надо, чтоб исполнилось пророчество ее. Изведу и ребеночка зельем... для веры очень хорошо это.

— Изведи... Хорошо и ему будет: к ангелам полетит...

— Умрет беспременно... То-то славить чудотворца будут... Особенно бабенки... И меня-то не оставит Лай-Лай-Обдулай: за радение мое наградит...

— Крылья даст тебе чудотворец... Невидимо летать будешь по Земному Раю... Я попрошу...

— Господин начальник веры... уж попроси... в ножки кланяюсь тебе... И так усердствовать буду... Кто не крепок в вере, глаза выкалывать буду, — вот как... Начальник, уж попроси бога-то...

Она стала низко кланяться ему в ноги.

— Уж походатайствуй, чтоб крылья, значит...

— Женщина, не мешай! — грозно воскликнул «пророк», глядя на небо и делая вид, что он погружен в глубочайшие размышления.

Испуганно отскочив от него, старуха не прерывала больше его размышлений, острыми любопытными глазками всматриваясь в «пророка». Последний, между тем, начал вести себя очень странно: стоя с закинутой головой, он делал какие-то круги руками и вдруг повелительно прошептал:

— Явись — явись — явись!..

Казалось, что кто-то явился перед ним, потому что он опять прошептал: «слушаю — слушаю».

— Женщина, — сказал «пророк», обращаясь к старухе, — сейчас Лай-Лай-Обдулай явился мне, хочет он, чтобы на гие бабенки плясали вокруг него. Изрекай всем в Зеленом Раю про желание бога и как молиться ему предпочтительней... Ступай, женщина.

Парамон повернулся и быстро зашагал куда-то, хромая и опираясь на палку.

Опять наступила ночь, тихая, голубая, с пробегающими по земле и морю миллионами лунных лучей. Зеленый Рай спал, и только Парамон, терзаемый своими планами о будущем маленьком царстве, шагал от новых строений в свой прежний дом, находящийся в конце деревни.

Кроме этого дома, у него был и другой, новый, и назывался домом начальника веры: там в маленьких комнатах находились арестованные.

Не доходя некоторого расстояния до дома, он вдруг остановился, прислушиваясь к доносившимся до его слуха голосам.

— Андрюша, милый... Как от черта-то моего укрыться нам... Не хочет он развод дать, а теперь особливо, потому все пошло по-иному... Одурели все от страха и свободы-то утекла, значит, и веселья никакого, и смеха нет уже... и в Зеленом Раю нашем тошно, скучно... Запуганы все, и словно ходячие мертвецы, право, и слова веселого не услышишь... Со старым козлом моим не очень поштуишь теперь... Боюсь его, взглянет и холод пробегает в теле... Андрюшечка, милый, убежим с тобой... В пустыне хоть, или в лесу дремучем... Только бы без козла старого... И буду тебя любить, вот так, вот так... зацелую...

Стоя неподвижно, Парамон только просунул голову в чащу листвьев и замер. Тело его как бы окаменело, лицо сделалось мертвенно-бледным, с искривившейся в выражении злобы нижней челюстью, и только глаза сверкали страшным светом.

— Он самый, козел-то твой, начальником, значит... Куда уж в лес-то... Полагаю, этот самый козел может того... этого... между прочим... и похлестать...

— Я тебя целую, а ты вон как — козла пугаешься... Ан-

дрюша, милый, похоронишь меня, если так... удавлюсь я...
Зацелую тебя, заласкаю...

Обвившись руками вокруг шеи Андрея, Василиса впилась красными губами в его губы, и долго ничего не было слышно. Мужчина и женщина, сидя на траве, мерно покачивались, как бы в избытке наслаждения. Парамон смотрел, и в то время, как в груди его клокотали яростные чувства, ревность, точно тысячи огненных языков, подлизывая грудь его, нашептывала: «Убей-убей», и в холодной голове его складывался монолог по адресу Бога такого рода:

«Нет, не убью, папаша... ты-то, коршун хохлатый, сразу любишь кровь выпускать: сладость это не великая... Кровь надо выпускать с толком: каждая капля сладка, как мед, и я потешусь... козел старый, оба говорят; а ты бы, отче, прости руки, да за рога меня и перебросил к себе в шатер: я бы рогами этими в тебя... Зачем сотворил таким... у-у-у, коршун... Слышишь ты, милуются как... Огненные бичи пусть лучше щелкают на моем хребте, чем поцелуи в воздухе... Носы, губы, языки — как прилипли-то, и тянут мое сердце клещами... у-у-у... зубами бы ее загрызть... Долго я вас подстерегал, теперь час пробил... Потерзаю, потерзаю... Похерил я проклятую свободу и заместо ее кнутники, кнутники... Она пила мою кровь — свобода эта, и Василиса через нее рогатым сделала... У-у-у, рогатый пророк... а Зеленый Рай все-таки под мою пятою и давлю его... Губы разлепились, легче дышать стало».

Продолжая прерванный разговор, Андрей говорил шепотом:

— Собственно, козла пугаюсь, да... В лес и не можно выходить, потому такое, этакое, оно самое... и под кустом... Бог привык смотреть на всякое, а козел твой везде найдет... вот и пугаюсь...

— Что ж так уж пугаешься его?.. Человек и он...

— Говорят все — пророк... Только он страшный... и говорят иные этакое, такое несуразное... будто кровь у него черная... нет, не человек он... Пугаюсь его очень...

Слушая все это, Василиса безнадежно опустила руки и укоризненно закачала головой.

«Ну, козел, выходи из чащи-то рогами вперед», — подумал Парамон и, раздвинув ветви, ступил несколько шагов и остановился посреди любовников. Короткий крик ужаса вырвался из уст обоих, и испуг их был так велик, что они даже не поднялись с места и только смотрели на Парамона расширившимися глазами.

— Василиса милая, и ты, дорогой Гвоздиков, — начал Парамон простым дружелюбным тоном, но со страшной усмешкой, от которой его губы забились в нервном смехе, — вы вот в любви объяснялись друг другу... Коли по совести, можете и объявить миру и не прятаться в лес, как ты, Василиса, пожелала... я не волк, не зверь, а добренъкий, стаенький Парамоша... Нехорошо, что ты рога мне приставила, женщина, такие, что и тяжело носить... Да уж ничего... Садись на них, Андрей Гвоздиков, и ты, Василиса... подбросит вас старый козел так высоко, что уцепитесь за рога луны и навсегда будете висеть там, пока Саваоф не сбросит вас дьяволам в пылающую печь...

Андрей и Василиса, стоя по сторонам от него, начали все сильнее вздрагивать, так как им казалось, что с каждым словом Парамона их все сильнее обвивает ласково свивающийся, но страшно кусающий змей. Ноги их как бы пристали к месту и не повиновались мыслям, нашептывающим о бегстве.

— Подай ручку-то мне твою, Андрюша, — просто проговорил Парамон, и рука Гвоздикова протянулась как бы сама, без участия его воли. Момент спустя он даже удивлялся, что сделал это, но было уже поздно: рука Парамона сжимала его руку, точно железными тисками.

— Василиса, милая, подай ручку-то... Козел рогатый прогуляется с вами. Ночь ясная и месячная.

— Куда ведешь-то нас? — дрожащим тоном проговорила Василиса, видя, что Парамон уводит их от дома куда-то к новым строениям.

— Да уж поплутаю с вами, прогуляюсь... Добрый я козел, клянусь самим Лай-Лай-Обдуаем... Говорю, садись хоть на рога мои, — поскаку в лес, в пустыню ли — все одно, вы под кусты, а козел на часы станет и начнет бить рога о дерево,

чтобы не слышать, как вы присасываетесь... Горит тогда его сердце козлиное, и рога дымятся...

Говоря все это глумливым голосом, в котором чувствовалась сдерживаемая ярость, он шел, делая большие шаги и ведя любовников. В желтом сиянии луны он казался мертвцем с лицом злым и смеющимся.

Все шли молча. Обоим любовникам казалось, что их увлекает какой-то ужасный зловещий дух в образе человека, и они даже перестали сопротивляться. Страшная воля Парамона и силы, таившиеся в нем, разбивали их собственную и, испытывая один леденящий ужас, они шли как два автомата — покорно и без сопротивления. Они подходили к новым строениям.

— Что ты сказал, Андрюша? — спросил вдруг среди общего молчания Парамон.

— Я... ничего, начальник.

— Нет, ты что-то сказал. Клянусь самим Лай-Лай-Обдуаем, ты сказал так: «Да будет проклят новый бог и его пророк и начальники за то, что они отняли свободу...»

— Я... не говорил.

— Он ничего не сказал, — в трепете воскликнула Василиса, охваченная зловещим предчувствием.

— Вы лжете и богохульствуете... эй, стражи!..

Они стояли перед новым домом, по сторонам которого виднелись неподвижные фигуры людей. Услышав голос «пророка», фигуры задвигались с разных сторон и направились к Парамону.

— Эй, вы, слушайте, вот человек, который ругал великого Лай-Лай-Обдулай, и эта женщина, жена моя, смеялась и кивала головой. Сам светлый бог мне прорек об этом сейчас, и огненные пламени лилися из очей его, как у нас слезы... жаль мне бога и боюсь, что в гневе своем он бросит молнии на Рай Зеленый, и сгорим мы все... Бросьте же этого человека в самую глубокую яму, а женщину, жену мою, обвейте цепью и цепь эту приказываю приковать к столбу, что в нижней комнате... Пусть, как пес, ходит на цепи и повторяет: «Лай-Лай-Обдулай, прости меня».

Немного спустя Варсоний и Герасим-Волк, ведя за собой

преступников, скрылись где-то с ними в глубине дома.

VII

Над Зеленым Раем раздавались мерные удары колокола. Крестьяне, только что окончившие свои полевые работы, спешили на клич грозного Лай-Лай-Обдулая, не выразя же никакого протesta. Теперь они боялись даже разговаривать друг с другом, так как их слова мог кто-нибудь истолковать в обидном для бога или начальников смысле и донести на них. Всем было известно, что Вавила и некоторые другие таинственно куда-то исчезли. Никто не знал, куда исчезли. Но старуха Афросинья всем рассказывала, расхаживая по домам, что она видела великанна томящимся в пекле у ног бога и что у него, будто, над огненным лицом выросли рога. Кроме Афросиньи, Вавилу никто не видел в пекле, но всякий обитатель Зеленого Рая часто видел Оксану, стоящую на крыше с воздетыми кверху руками и повторяющую: «Вавила, Вавила, отзовись!.. Где ты, сердце мое, Вавилочка милый!.. Может, тебя волки заели в лесу, или на дне моря ты и рыбы клюют тебя, и раки в тело впились, или, может, люди злые...» Здесь она останавливалась, потому что продолжать в этом направлении делалось нецензурным и потому небезопасным, и, прерывая свою речь, она заливалась горькими слезами.

Со всех домов обыватели шли на звон колокола быстрой поступью, как люди, которых чья-то незримая рука толкает в шею. Только шепотом они решались переговариваться друг с другом, да и то боязливо посматривая по сторонам — не подслушивает ли кто.

— Эко, жисть-то какая настала... тянемся по звонку, словно быки какие...

— Молчи лучше, — прошептала Катя на слова своего возлюбленного, парня с черными усиками.

— И так молчу.

— Ну и молчи.

— Вот пальчики перебили твои — как молчать! — возмущенно прошептал ее возлюбленный.

— И ребрушки перебают — молчи, и всю изувечат — молчи... Нельзя никак разговоры вести. Теперь мы, бедненькие, как в силках птички, и не поем поэтому...

— Бедненькая пташка, пташка моя, а как и вправду ребрушки перебают...

Идя с ней рядом и охватив ее голову руками, он нежно прижал ее к плечу.

С минуты она шла молча. Вдруг она спросила:

— А без ребер можно-то жить, а?

— Глупенькая, без косточек распадется человек в кусочки.

— Так тогда похоронишь все мои кусочки без косточек, — сказала она и неожиданно заплакала.

Колокол мерно выбивал свои удары, и люди шли с понурыми головами и невеселые, и красное солнце, величественно опускаясь над морем, как бы с презрением бросало на Зеленый Рай свои прощальные лучи. И когда люди густой толпой стояли против куклы с усами и бородой, они еще раз болезненно почувствовали, что ангел свободы отлетел от Зеленого Рая: кукла глупо смотрела на них дурацкими глазами и с выпученным животом, а они кланялись ей в пояс, и не находилось уже смельчака, который бы закричал: «В море ее, в море». Кланялись ей в пояс еще недавно гордые, свободные, как соколы, граждане Зеленого Рая, и, если здесь были неверующие в ее небесное происхождение, то для поклонов существовала основательная причина: вокруг толпы в разных местах стояли «верующие» с дубинами и со спрятанными ножами. Дубины действовали очень внушительно на всех, но в толпе было немало людей, в особенности женщин, проникнутых священным трепетом к божеству, и вот в то время, когда одни кланялись, другие, делая поклоны до земли, начали причитать: «Лай-Лай-Обдулай, помилуй нас». Скоро посреди причитаний и общего шума голосов послышались взвизгивания женщин. Какая-то баба, глядя на дурацкую рожу «бога», засеменила ногами и, всплескивая руками, затараторила:

— То-то силушка в тебе, чудотворец божий, не то что мы, земля сырая... Помилуй меня... накрой крылом своим, слезно молю тебя, чудотворец божий, и в ножки кланяюсь.

Бог молчал, люди шумели и взвизгивали, и вдруг посреди молитвенного шума пронеслась фраза, отвечающая на общий вопрос: зачем их сюда собрали.

— Сечь будут!..

Толпа затихла, но момент спустя прежняя фраза стала передаваться из уст в уста:

— Сечь будут!..

Лица людей сделались бледными, и в глазах засветился испуг.

— Как так — сечь? Чего болтают-то зря! Быть не может, чтобы человека да сечь, — воскликнул среди общего молчания почтенного вида старик с длинной белой бородой.

— Вот и может, — отозвался чей-то голос, — а ты, дядя Андрон, к примеру сказать, не болтай чего не надо: начальники все могут.

— Как все могут!.. Не посмеют они, не дерзнут и не захотят человека так опозорить, унизить и обидеть так.

— Эй, борода! — послышался сзади толпы насмешливо-грубый голос.

Андрон обернулся: низенький человек стоял с дубиной в руке и, оскалив зубы, угрожающе помахивал ею над головой.

Старик вздохнул и возвел глаза к небу, как бы видя в нем незримого заступника.

— Эй, борода! — снова раздался тот же голос. — Чего бельмы-то уставил на небо, когда бог перед тобой... не признаешь, знать, так драть и тебя надо, и ничего, что борода побелела...

Страх отразился на всех лицах и из уст перепуганных людей вырвались дикие слова, слова: «Лай-Лай-Обдулай! — заступником будь, ходатаем нашим».

Ничего не отвечая, кукла смотрела на них дурацкими глазами, а люди, желая не быть обвиненными в неверии в ее могущество, простирали к ней руки и шептали: «Лай-Лай-Обдулай, Лай-Лай-Обдулай!...»

— Эй, тише, начальники идут! — раздался прежний грубы́й голос, и люди, умолкнув точно по команде, стали смотреть на приближающихся властителей прежних свободных граждан.

Впереди всех с гордым видом быстро шагал начальник Василий в сопровождении своей «свиты» — Варсония и Герасима-Волка. За ними вели двух «злодеев»: бледного, измученного Алексея и его истерзанную невесту Груню. Сзади всей этой процессии одиноко шел Парамон в черной одежде и с опущенной головой. Вид его был чрезвычайно грустным и многим казалось, что из глаз его падают слезы. Он умел плакать дипломатическими слезами, когда угодно.

Василий гордо стал против толпы и подбоченился, двух «злодеев» поставили по сторонам великого Лай-Лай-Обдулая; Парамон стоял сзади брата с грустно опущенной головой и вздыхая.

Воцарилась мертвая тишина.

Алексей, стоя со связанными за спиной руками, смотрел на Груню глазами, широко раскрытыми, из глубины которых смотрело отчаяние и как бы смеялось что-то. По бледному лицу его пробегала нервная дрожь, и время от времени он весь конвульсивно вздрагивал.

Прошло много дней с того времени, как его бросили в темную каморку. События эти и жестокость, с какой поступили с его невестой, сначала вызвали в нем приступ ярости, но потом, когда затихла буря в душе его, он почувствовал как бы пустыню в себе: прежние светлые понятия были совершенно разрушены, и взамен этого в его уме ползли какие-то уродливые черные привидения и нашептывали что-то, кивали головами и улыбались страшными улыбками. Это были не мысли и понятия о мире, а одни мрачные образы, проходящие в его уме, как привидения в темных склепах. Сделать выводы какие-нибудь о жизни и людях, взамен прежних, он был не в состоянии, но ему было страшно с теми призраками, которые носились в уме его. Добрый дядя Парамон явился в ином виде: каким-то подобием дьявола, телесно обезображенном пребыванием в аду и с

шипящими змеями, выползающими изо рта. Парамон хотел тонким и злым смехом, смех этот откликался в его внутренностях и там что-то смеялось — совершенно как Парамон. Не умев разобраться в своих чувствах, Алексей думал, что злой дух забрался в него, и в ответ на его хохот он тоже смеялся, и ему делалось страшно. Дни шли за днями, а он сидел в темной каморке, силясь связать как-нибудь свое прежнее сияющее счастье с наступившей тьмой в душе его и тьмой окружающего. Он ничего не мог понять, и ответ на все вопросы был только один: взбесились люди, — и он хотел. Однако же постепенно в нем стало вырабатываться убеждение, что в Зеленом Раю много злых людей, а Парамон самый злой из всех, и тогда вместе с этим сознанием в нем поднялось озлобление. Оно росло с каждым днем, и в его воображении люди принимали причудливые формы дьяволов и зверей.

Стоя против своей опутанной веревками невесты, он долго всматривался в нее, глаза его расширялись все с большим ужасом, и вдруг он крикнул с судорогой в лице:

— Груня, Груня!.. Хоть бы завалилась земля — не жалко ее.

Связанная девушка слабо вскрикнула в ответ на его слова, не отводя от его лица страдальческих глаз.

В толпе прошло волнение, и кто-то назвал Алексея по имени. Он закричал:

— Человеки, видите, мы связаны, как можно!.. Разве человек не человек в Зеленом Раю? А что же мы? Разве совесть ускакала к черту в гости из Зеленого Рая?.. Эй, развязжите нас, а то я плону на небо: не верю, что там Бог... Солнце застыдилось и красное бежит в море... а вы, как истуканы...

В голосе его было столько отчаяния, что, несмотря на страх перед начальниками, среди толпы раздались голоса: «Человеки, правду он сказал — истуканы мы... стыдно!.. Эй, пойдем на начальников...»

Толпа задвигалась, но в этот момент Василий, сделав несколько шагов, грозно и необыкновенно громко закричал:

— Всех будем драть!..

Сразу воцарилась мертвая тишина, а Василий, взглянув

на «крамольника», шагнул к нему и воскликнул:

— Ты что так раскричался! Ты самый большой дурак и такой злодей, что положительно не хочешь знать, кто перед тобой, а? Погляди-ка, дрянь этакая, кто это, а?

Взявшись руки в бока и подняв высоко голову, он стал горделиво поворачиваться во все стороны, посматривая на толпу.

— Слушай, ты, самая большая дрянь, мы тебя сейчас будем сечь...

Он повернулся к толпе.

— Эй, вы, слушать начальника, какие его слова. Вот какие слова властей в Зеленом Раю: этот малый — самый опасный злодей, что видно уже из того, какая его невеста. Да какая она? — спрашивает начальник. Порченая девка от духоборов, которую нельзя даже обнюхивать парам... и те сбоятся: так она смердит, девка эта... Так можем ли мы, начальники, дать такое разрешение племянничку нашему — облизывать смердящую девку? Никак. Почему, собственно: никак, а вот почему, — умно отвечает начальник: она пророчит худое, паршивка, и этот большой дурак стал дерзок на язык, непослушлив, бунтоват, буен, к убиению склонен, к аду направлен и... не признает ангелов-начальников — попечителей Зеленого Рая, которых дал для счастья человеков могучий... Лай-Лай-Обдулай...

Среди молчавшей до этого времени толпы прошел шепот:

— Лай-Лай-Обдулай!

Красуясь перед толпой и снова подбоченясь, Василий стал важно делать повороты влево и вправо.

— Какие, собственно, есть от Бога данные ангелы-попечители в Зеленом Раю? Да это вот кто, — отвечаю я, — мы, три начальника. Можем ли мы наставлять на плохое? — спрашиваю. Никак, ибо власть от Бога, и болтать так зря не можете: вас жестоко постегает кнутами тот, кто высокий, сила-силушка, да кто же он? Говорите, глупые...

Василий поднял руку, указывая на «высокого», и среди укрошенной толпы пробежал шум голосов:

— Лай-Лай-Обдулай, Лай-Лай-Обдулай!..

Чудотворец молчал, выпучив свои дурацкие глаза и брюхо, а женщины, стоящие в толпе, простирая к кукле руки, шептали: «То-то сила-силушка, то-то высокий». Василий, полюбовавшись картиной общего преклонения перед «высокими» и «могучими», снова возвысил голос, и все затихло.

— Теперь слушайте обратное слово начальника: можем ли мы, начальники, наставлять на спасение? — спрашиваю.
— Ей-ей, можем. Спасение от нас и исходит. И вот как, собственно, мы наставлять можем на спасение...

Неожиданно он повернулся к «преступнику» и крикнул:

— Скинь-ка штаны!..

Алексей стоял, не двигаясь, с выражением удивления и ужаса глядя на Василия и толпу, опошлевшую и поглупевшую после своего порабощения. Хотя он ясно слышал слова «сечь будем», но они казались такими необыкновенными для человека, привыкшего к свободе, что положительно не входили в его ум. Он стоял неподвижно, как белый столб, далекий от исполнения приказания «снимать штаны», хотя теперь он был освобожден от веревок.

— Оглох, что ли, самый большой дурак, — гневно крикнул начальник. — Вразумительно приказываю тебе так: сей минутой скидывай штаны.

«Преступник» продолжал находиться в состоянии прежнего оцепенения, и только пальцы его рук, как бы выражая крайнее изумление, расставились в разные стороны.

Толпа тоже стояла как бы в оцепенении, и хотя большинство уже привыкло к мысли, что прежняя свобода отлетела от Зеленого Рая, но в них продолжал еще громко звать голос человеческого достоинства. Парамон именно это чувство и хотел убить в обитателях Рая, а самым действительным средством для этого он считал зрелище «сечения» перед глазами всех обывателей. Но это было самым трудным, рискованным делом и гораздо более опасным, нежели раны, наносимые ножами, и даже убийство. Зеленый Рай мог взбунтоваться и перебить своих поработителей.

Прошло минуты две напряженного ожидания чего-то, Алексей стоял в прежнем оцепенении, Василий с грозным

видом смотрел на осужденного, Парамон, закрыв лицо руками, делал вид, что плачет, заставляя на себя смотреть. Груня билась в своих веревках и жалобно плакала, а толпа молчала, затаивая негодование и чувство жгучего оскорбления.

В эту минуту по сторонам «преступника» стали Герасим-Волк и Варсоний, и в руке каждого были толстые пучки длинных розог. Раскрыв широко смеющийся рот и глядя на толпу своими бычачьими глазами, великан начал помахивать в воздухе розгами, делая репетицию.

По толпе прошло волнение. Стариk Андрон крикнул:

— Человеки любезные, смилийтесь над стариком: выройте могилу и заройте меня... Такой стыд хуже смерти, хуже смерти...

Все глаза людей, находящихся в толпе, устремились на старика, и многие закричали: «Правда-правда, хуже смерти!»

— Эй, борода! — раздался голос широкоплечего человека с палкой в руке. — Вижу я, ты буен. Поэтому самому бороду твою мы пощипаем...

В один момент несколько человек бросились на старика и, закрутив за спину его руки, повалили его на землю. В это время голоса в толпе испуганно закричали:

— Секут уже, секут... Голубчики, глядите...

И люди, отвращая взоры от старика, снова начали смотреть на палачей, начальников и жертву.

Алексей лежал на траве спиной кверху, удерживаемый в таком положении людьми Черной Десятки: они сидели на его голове и ногах. Два палача стояли по сторонам своей жертвы с розгами, поднятыми над головой, в ожидании разрешения начальника приступить к своей деятельности. Василий стоял с гордо закинутой головой, поглядывая на толпу.

— Эй, не бунтовать! — крикнул он толпе. — Напротив, имейте радостные лица и хвалу пойте как начальникам, так особливо...

Не договорив, он указал рукой на «высокого», и сейчас же в толпе раздались подобострастные голоса: «Лай-Лай-Обдулай, Лай-Лай-Обдулай!...»

Василий, взглянув на палачей, проговорил:

— Вот какие слова начальника: секите этого большого дурня и злодея, не почитающего начальников, как с одной, так равно и с другой стороны, чтобы обиды не было ни той, ни этой половине. Сто ударов умно и милосердно решили мы, начальники, отпустить злодею... Смотрите на меня: подымет руку начальник и бейте, а опустит — ждите, когда подымет...

— Эй, люди добрые! — раздался отчаянный голос Алексея, смешивающийся с громким рыданием его невесты. — Навалите камни на меня, высоко, до неба, и крикните Богу: «Человека бьют!..»

Толпа метнулась вперед, и негодующие люди заговорили разом: какая-то женщина, всплеснув руками над головой, тоненько заплакала, кто-то крикнул рыдающим голосом: «Нельзя, нельзя бить человека!»

Василий,зывающе взглянув на толпу, поднял руку кверху и крикнул:

— Сечь!..

Толпа опять затихла, охваченная жалостью и страхом, а Герасим-Волк, держа розги над головой и как бы играя ими, засмеялся смехом животного наслаждения, раскрыв широко рот и издавая дикие звуки, и розги со свистом, описав в воздухе полукруг, хлестнули по телу истязаемого. Василий опять поднял руку и опять розги хлестнули... И среди хлестания этого начали раздаваться сдерживаемые стоны истязаемого. Капли крови, дрожа на концах розог, брызгали кверху и рассыпались.

С минуту толпа стояла в оцепенении, но в груди людей все сильнее подымалось негодование, чувство оскорблений, и с каждым новым хлестанием розог им казалось, что они опускаются на их собственные спины. Волнение сделалось общим, отовсюду послышались сдерживаемые вопли, и вот толпа, бессознательно побуждаемая возмущением и жалостью, маленькими шагками начала подвигаться вперед сплошной стеной. Это было самое опасное для бюрократов Зеленого Рая, так как толпа подвигалась с инстинктивным единодушием и могла одной лавиной опрокинуть и богов, и начальников. Василий продолжал время от времени по-

дымать свою руку, не глядя на толпу, но Парамон, стоя с опущенной головой, видел, что начинается буря. Неожиданно для всех он грозно поднял кулаки над головой и с поднятыми кулаками бросился на Василия, делая огромный прыжок, как тигр, бросающийся на добычу, и закричал:

— Зверь!..

Василий вздрогнул и смотрел, ничего не понимая, а Парамон, потрясая кулаками в воздухе, кричал:

— Долго ли ты будешь терзать человека, спрашиваю? Не выносит сердце мое вида таких мучений... Кровь, кровь падает на землю Зеленого Рая... Человеки добрые, — закричал он толпе, — сердце мое обливается кровью, потому жалостливое оно у меня... Каждая капля падает на него и прожигает, я думаю... долго плакал я и лицо руками закрыл, чтоб не глядеть... но нет... сил нет моих на это... прыгает, как птица, сердце, и слезы, как фонтан какой...

Он снова повернулся к Василию и стал говорить ему что-то тихо, показывая ему на свое сердце и на глаза, из которых каким-то чудом действительно лились слезы.

Толпа снова заволновалась, но уже от другой причины: слова Парамона растрогали очень многих наивных людей. Женщина, которая только что рыдала из жалости к жертве бюрократов, растроганным голосом прокричала:

— Вот жалостливый наш начальничек веры! Нет человека лучше... Пусть же ему сладко живется... и на этом, и на том свете.

— Смотрите, братья ссорятся...

— А, ссорятся... Василий, как зверь, а начальник веры, бедняжка, плачет...

Два брата действительно ссорились. Василий, не понимая причины вмешательства Парамона в его права, был страшно рассержен. Он только что начал входить в свою роль плача и властелина одновременно, с каждым ударом испытывая двойное удовольствие — истязателя и власть имеющего, перед которым дрожит толпа.

— Парамон, любезный, — со сдержанной злобой говорил Василий, — наш суд умно решил высечь этого большого дурака: вот теперь мы его сечем. Дай мне окончить

сечение сие, потому что я начальник всего Зеленого Рая, а ты — только веры и школ...

Парамон повернулся к толпе и, со сладенькой улыбкой кивая головой, как добрый человек хорошим знакомым, возгласил:

— Человеки милые, вот я ссорюсь с братцем, ибо от вида крови идут слезы из глаз моих... Сердце начальника Рая — камень, думаю я, а у меня сердце — трепетная голубица, и бьется она, беленькая, а потому и не могу поступать твердо, как разум велит...

Он повернулся к Василию.

— Вот как отвечаю тебе, начальничек миленький: пусть розочки погодят пока... Есть могучий некто, который и даст ответ мне, как его пророку, как поступить нам.

— Парамон, милый, ты куда же? — в недоумении спросил Василий.

«Пророк», направляясь к кукле с низко опущенной головой, только поднял руку, указывая на ее дурацкую физиономию. И среди толпы пробежал шепот:

— Лай-Лай-Обдулай! Лай-Лай-Обдулай!..

И людям казалось теперь, что исключительно от воли «деревянного болвана» зависел тот или иной исход всей этой тяжелой сцены. Уставив с жадным любопытством глаза на «пророка», стояли они все теперь, как сбившееся в кучу стадо, над которым занесены бичи в руках пастухов. Забыли они и о жертве истязания в это время, хотя Алексей продолжал лежать спиной вверх, с людьми, сидящими на его голове и ногах, и издавал слабые стоны, сливающиеся с рыданием Груни. Молчала толпа. Василий похаживал взад и вперед с выражением досады на лице, а палачи все еще стояли с розгами, поднятыми над головой.

«Пророк» молился, и все на него смотрели, ожидая чего-то необыкновенного.

Долго он стоял неподвижно, с руками, воздетыми над плечами. Когда он возгласил, обращаясь к невидимой силе, то от его громового голоса многие вздрогнули:

— Явись, явись, явись!

Царила полная тишина. Наивные люди расширяли свои

глаза, стараясь увидеть духа, но ровно ничего не видели. Некоторые женщины, впрочем, уверяли, что видели в белом облаке светлый лик Лай-Лай-Обдулай.

«Пророк» снова возгласил, и от голоса его, напоминающего грохотание туч в небе, люди снова начали вздрагивать, все более проникаясь суеверным страхом, и даже Герасим-Волк опустил розги, раскрыв широко рот.

— О, не свертай!.. Больно очам человеческим от сверкания твоего лика, Лай-Лай-Обдулай... Кинжалы острые — слова твои, и вылетают они из твоих уст, как молния из рук отца в небе... Грудь моя полна ими... Внимаю, внимаю, внимаю — говори!..

«Пророк» распростерся на земле лицом вниз и руки простерев вперед.

Заколебалась толпа в чувстве изумления, священного восторга и ужаса одновременно. Всем казалось, что совершаются чудеса и что в полумраке вечера над «пророком» сверкает кто-то, хотя никто ничего не видел. И долго лежал так начальник веры, и все в священном ужасе молчали, глядя на чудеса и не видя их. Вдруг «пророк», снова подняв руки над головой и стоя уже на коленях, возгласил:

— О, высокий, слова твои — секира в устах, и вот они вошли в мои уши, и я вижу, что мы, начальники, не можем жалостливое сердце иметь, чтобы ты не захлопнул перед овцами моими райскую дверь... Внимаю, внимаю!.. Говори, солнцесияющий... Да-да!.. Дед — отца, отец — сына, сын — внука, муж — жену, все — пророка... Ты рассеялся сразу, как золотое облако, и тьма в очах моих...

Безмолвие продолжало царить, и нарушить его теперь всем казалось святотатством. Только Алексей продолжал слабо стонать, но это только усиливало священный ужас толпы: стоны эти показывали, как страшно карает непослушных высокий Лай-Лай-Обдулай. Люди находились как бы под действием волшебных чар или гипноза: «пророк» вызывал иллюзию в умах их и усыплял разум и волю. Солнце, между тем, как бы уйдя в море, оставило на земле последние красноватые лучи, и черная фигура «пророка» казалась кроваво-сияющей. Он долго стоял на коленях и

пошатывался, показывая этим, что визит высокого гостя сделал его как бы пьяным. Вдруг он закричал:

— Ослабел я от слов бога... Шатаюсь и подняться не можно... Под мышцы возьмите вы, женщины, пророка вашего...

Он протянул одну руку вправо, где давно уже с сияющим лицом стояла Сусанна, и другую — влево, где стояла другая высокая и красивая женщина. Обе женщины бросились к «пророку» и, взяв его под «мышцы», повели к толпе, причем Сусанна, не отрываясь, смотрела на «пророка», сияя глазами, с перебегающей по губам легкой улыбкой мистического восторга.

«Пророк» медленно шагал, пошатываясь, и голова его с ужасным и бледным лицом, по сторонам которого спускались рыжие пряди волос, покачивалась: это усиливало впечатление.

Проходя мимо Алексея, который продолжал слабо стонать, Сусанна вздрогнула и, замедлив шаг, с нервной дрожью в голосе и с жестокой усмешкой произнесла:

— Ад поет!

И, повернув чудную головку и взглянув на невесту «преступника», она с холодным лицом и мистическим ожесточением бросила слова:

— Ад голосит, и каменьями надо завалить его...

«Пророк», продолжая идти, отчетливо проговорил:

— Невеста бога, хорошо сказала ты: ад надо завалить камнями...

Он остановился против толпы:

— Для этого именно я и послан на землю.

Толпа благоговейно молчала, с жадным любопытством ожидая его слов. Любопытство это с такой силой овладело всеми, что подавило и как бы смело все недавно еще царившие в них чувства — человеческое достоинство, негодование, отвращение от зрелища истязания и сожаление к жертвам палачей. Как на удочку были пойманы люди все усиливающимся любопытством, все их внутренние силы были рассеяны, и «пророк» мог делать теперь с ними, что хотел.

— Человеки милые, — возгласил Парамон, — что смотри-

те вы на меня и что видите? Видите вы человека, да. А чего не видите? Не видите вы, что спрятано во мне, да? Пророка не видите — вот!

Он величаво поднял руку кверху и стоял так некоторое время, а из толпы доносился шепот:

— Пророк!..

— Вот сейчас вы видели — кого — спрашиваю? Человека с несуразным лицом, достойного слез человека, который в трепете взывал: «Лай-Лай-Обдулай». Так точно! А кого вы не видели — вопрошаю? Солнцесияющего не видели, с которым беседовал я... а ведь он светил, как это солнце, а не видели. Вот вам поучение из сего: никогда не дерзайте сказать, что вы видите что-либо или знаете, потому что надо мной ангелы летают, а вы их не видите, воспеваю Лай-Лай-Обдулая — не слышите, в моей груди небо и ад — не знаете. Будьте же, как глупенькие, будьте, как слепенькие овечки, не знающие, куда вам идти, ибо для спасения вашего послан вам пастух — я...

Он снова поднял руку над головой и как бы застыл на минуту, но толпа теперь благоговейно молчала, боясь проронить и слово из уст его.

— Солнцесияющий мне так повелел: «Паси овец моих, и приказываю тебе их всех протолкнуть в рай. Непокорливы овцы, буюнят, и вот для спасения их моя рука простерлась, и в ней острый меч, бери его. Бичевать надо непокорливых и кровью поливать дорогу в мой рай». — «Солнцесияющий, — воскликнул я в трепете, — мягкое сердце у меня и слезы текут из очей, когда вижу бичевание. Нельзя мне поsekать непокорливых». Грозно взглянул на меня Лай-Лай-Обдулай и так возгласил: «Пророк, что ты пререкаешься со мной, богом, когда я одними молниями из очей моих могу спалить все живое. Вот мое слово: блюди овец моих, чтоб прополоскнуть их в рай, и не жалей бичевать... Дед — власть над отцом, отец — над сыном, внук под лозой последнего войдет в рай... Все — дети Лай-Лай-Обдулая, а учение — сечение». Так мне сказал солнцесверкающий и расселялся. Человеки милые, друзья, знаю я, что и у вас сердце мягкое... как мое... и из ваших очей слезы текут, как у ме-

ня, когда видите биение, так!.. Бедные люди мы! И в рай не можем пропасть овечек своих, ибо биение нас ужасает, а без онога непокорливы овцы и ада достойны, да! Что же нам делать? Вот что делать нам с сердцем своим мягким, думаю: ваши дети волят от биения, а вы, чтоб заглушить боль, пейте вино; ваш сын стонет, а вы, совершая биение, для души спасения, пойте веселые песни; ваш внук волит, изгибаясь под бичом, а вы пляшите вокруг Лай-Лай-Обдулая с веселым лицом. Поступая так, вы и близкого волшего пропастьте в рай, и бога умилите вашей веселостью, и начальников порадуете, и все это будет умно и хорошо, так! Дайте же мне вина крепкого из дальней холодной страны и овечкам моим тоже разнесите...

Он сделал знак рукой, и откуда-то из-за дерева появились дети, которых никто никогда не видел в Зеленом Раю, с красными шапочками на голове и с большими кувшинами в руках.

Поднося кубок к устам, Парамон возгласил:

— Да сделается крепким мое сердце для биения и вида крови, и да делаются ноги легкими для пляски...

И он выпил.

Зашумела толпа, когда дети, пропастьваясь сквозь густые ряды людей, начали подносить вино — сначала женщины, а потом и их мужьям. Это не был шум мятежа, или ропот негодования, или что-либо подобное. Это перешептывание людей между собой было обменом общего изумления перед тем, что им пришлось слышать из уст «пророка». Парамон слишком поражал их воображение, чтобы они могли бороться с его влиянием на них, совершенно спутывал их мысли и одновременно с этим пугал и ужасал. Зрешище, которое им приходилось созерцать, было отвратительным для всех, но слова «пророка» звучали такой силой и уверенностью и они были так поразительны, что их воля была сразу сломана, а их прежние мысли и верования рассеялись и разбились, как стая маленьких птичек, среди которых появился бы орел.

— Братец, миленький, — заговорил снова Парамон, поворачиваясь к Василию, — вот как ошибается мягкое серд-

це мое — да, на твоем же камне сам чудотворец начертал: крепость и мощь. Теперь и сам говорю тебе: совершать биение можешь, ибо и солнцесверкающий, глядя на оное, веселится...

Василий радостно осклабился, показывая зубы и самодовольно закидывая голову, а два палача с довольным смехом снова подняли кверху розги.

— Го-го-го! — вырвалось восклицание из широко раскрывшегося рта Герасима-Волка и, видимо наслаждаясь, он потряс розгами над окровавленным телом жертвы.

— Ax-ах! — воскликнула Груния, забившись в своих веревках, как раненый голубь в сетях.

Сусанна, стоявшая до этого времени неподвижно перед толпой с выражением вдохновения на лице, при этом восклицании Груни вздрогнула и начала смотреть на нее. «Пророчица», с измученным бледным лицом, по которому перебегала конвульсивная дрожь, страдальческими глазами смотрела на небо и вдруг неожиданно что-то запела, как бы призывая Бога на помощь, но слабеньким, надтреснутым голоском...

Сусанна смотрела, с каждым мигом все более бледнея, и вдруг из широко раскрывшихся глаз ее хлынули слезы, и, рыдая, она начала вздрагивать с головы до ног.

Парамон осторожно дотронулся до ее лба.

— Пророк, сердце не выносит смотреть на муки эти, муки...

Парамон шепнул ей:

— Оглянись, кто это стоит за тобой.

Она оглянулась, всматриваясь в пустое пространство.

— Высокий стоит за своей невестой, Сусанна.

— Пророк, ты его видишь?

Глаза ее снова запылали светом вдохновения.

— Как тебя. Смотри, он тихо отходит от тебя с опечаленным лицом...

Сусанна смотрела в темноту, и вдруг ей показалось, что отходит кто-то.

— Мой Лай-Лай-Обдулай! — воскликнула она восторжен-но.

— Слезы твои — обида богу.
— Пророк, я плясать готова.

Во внезапном, охватившем ее экстазе она заплясала на месте. В этот момент что-то как бы свистнуло в воздухе и хлестнуло. Раздирающий крик заглушил все голоса, и затем среди крика этого стали раздаваться равномерные удары.

Толпа затихла.

Мгновение Сусанна стояла неподвижно, пораженная зрелищем истязания, и что-то жалкое и мученическое отразилось в глазах ее и в жалобно раскрывшихся устах. Могучий Лай-Лай-Обдулай боролся в душе ее с ее нежными чувствами и женской чувствительностью и победил, шепнув ей, что она — его невеста и должна веселиться.

— Сердце, сердце, я в тебя нож всажу, если ты хочешь плакать... Глаза мои, я вас вырву, если слезы застилают свет Лай-Лай-Обдулая...

Сотни людей, пораженные ее словами, с любопытством смотрели на нее. Вдруг Сусанна, повернувшись к истязаемому, крикнула:

— Бейте, бейте!.. Лай-Лай-Обдулаю крики эти приятно слушать. Пусть поет ад — мы будем плясать...

Она повернулась в другую сторону и, взглянув на «пророчицу» с жестокой усмешкой, сказала:

— Ад воет, а нам только весело...

И, заглушая крики своего сердца, она, подталкиваемая инстинктом уничтожить страдание, пляшущими ногами и с нервно смеющимся лицом направилась к святыне — деревянному болвану. Роскошные волосы ее раскачивались, как тяжелые виноградные гроздья в бурю. Остановившись около бога, она подняла над головой сверкнувшие во мраке белые руки и, странно засмеявшись и кивнув головой, начала плясать вокруг дерева.

Толпа смотрела на нее с жадным любопытством, и стоны Алексея, потрясая воздух, почти никого уже не трогали... Чудесное дразнило и увлекало всех, и вид пляшущей девушки вызывал желание закружиться в безумной пляске. Многие пили вино и странно смеялись. Всюду перебегали слова:

— Невеста чудотворца танцует.

— Эй-люли! — раздались взвизгивающие тонкие голоса, и в разных местах женщины закружились.

Красное солнце упало в водную пропасть, как бы в чувстве стыда за безумных детей грешной земли; мир обвеяла тьма, и по земле заходили тени, точно черные знамена в руках привидений, расставленных вокруг Зеленого Рая Станой.

Наступила полночь. Петухи, вскочив на изгороди и хлопая крыльями, стали петь свое громкое кукареку. Никто их не слышал, хотя, против обыкновения, обитатели Зеленого Рая не легли еще спать: они бесновались.

Под голубым небом с рассыпанными по нему звездами Зеленый Рай плясал, пел, паясничал, точно в каждого человека вошли вырвавшиеся из ада бесы после того, как от его дверей чья-то рука оторвала печати. На кровлях, в садах, по узеньким улицам — всюду виднелись люди со смеющимися лицами, открытыми ртами и глазами, в которых сверкало безумие. Кувшины с вином переходили из рук в руки, и пьяные люди говорили, что в них вскакивает веселый Лай-Лай-Обдулай. «Хороший бог, веселый, он поет, свистит и пляшет в нас. Хорошо с ним, весело». Во многих местах образовывались круги, в центре которых вертелась какая-нибудь женщина, и другие, глядя на нее, нехотя начинали плясать в свою очередь. В воздухе звенели разные голоса — короткие странные фразы, хохот, пение и притоптывание ног. О недавнем зрелище — истязании человека — никто не говорил: всякий испытывал потребность задушить мучительное воспоминание среди пляски и беснования.

Вокруг Дерева совещания носилась вереница пляшущих девушек и женщин. Одни кружились на месте с разевающимися белыми рубахами вокруг ног, подымая руки и глядя на бога с раскрытыми ртами и раскрасневшимися лицами. Другие плясали, откидывая ноги и нарочно высоко подбрасывая рубахи, и тогда, ударяя ладонями рук, кричали:

«Приятно чтоб смотреть тебе было, чудотворцу божьему». «Ой-люли!» — вырывалось из уст. Вдруг какая-то женщина, в мистическом увлечении сбросив с себя рубаху, завертелась на месте и, глядя на бога, скороговоркой заговорила:

Лай-Лай-Обдулай,
Распахни нам двери в рай.

Пляшущие женщины, повторяя эти слова, с каждым шагом их начали притопывать ногами, ударяя себя по бедрам:

Лай-Лай-Обдулай,
Распахни нам двери в рай.

После отлетевшего «ангела свободы» от Зеленого Рая стала отлетать и его младшая сестра — ангел стыдливости и целомудрия.

В то время, как женщины плясали под деревом, в Зеленом Раю происходило странное шествие. Толпа с факелами в руках с шумом, хохотом и руганью двигалась по дороге к духоборской деревне за ослом, на котором задом наперед и лицом к толпе сидела «пророчица» Груня. На голове ее был одет колпак с бубенчиками и в протянутых руках были пылающие факелы. Факелы бросали яркий свет на ее мученическое, с устремленными к небу глазами, лицо. Надтреснутым, слабым голоском она пела что-то о Боге и жизни в небесах, а толпа, подвигаясь за ней, свистела, смеялась и потешалась над ее нарядом. Это были прежние жители Зеленого Рая, но новый бог и земные власти приказали им плясать и веселиться, когда вздыхают и стонут жертвы их истязания, и вот в их сердца ворвались тьма и бесы, как в раскрытую дверь пустого дома.

Впереди толпы, с жестокой усмешкой глядя на лицо мученицы, шла Сусанна со своим красным цветком, колеблющимся в ее руке. Время от времени она подымала камешки по дороге и бросала ими в невесту Алексея.

— Ты меня бьешь и не даешь мне даже молиться, — про-

говорила Груня, глядя на нее грустными глазами. — Я пою хвалу моему Богу.

— Ад свистит в груди твоей и бесы скачут в гортани, — проговорила Сусанна резким голосом, и в глазах ее сверкал свет дикого вдохновения.

— Как тебе не жаль бить меня? Я тебе ничего не сделала. Ты видишь, я истерзана, толпа хохочет и травит меня, как оленя... а мое сердце в кусочки изорвали, а ты идешь и бросаешь в меня камнями...

— Так тебе и надо, — сказала Сусанна, но свет потух в глазах ее и по лицу пробежали тени.

— Безжалостная ты...

— Неправда, — воскликнула Сусанна, и в голосе ее зазвучали слезы.

— На моем теле и в сердце много ран, а ты делаешь новые...

Сусанна вздрогнула, но, пересиливая свои чувства, сказала со странной усмешкой:

— Лай-Лай-Обдулай веселится, когда я бью тебя...

И она снова подняла камень.

— Ты невеста бога?

— Да... я...

— Бедняжка, тебя обманывают, не бог он — деревянная кукла, а человек...

— Тыфу!..

Сусанна плонула ей в лицо и, задрожав, крикнула толпе:

— Убейте ее, убейте!.. Разорвите ее на куски!..

Толпа зашумела, и со всех сторон посыпались на «пророчицу» камни.

VIII

В низко пробегающих над Зеленым Раем тучах сверкала молния, и грохотание грома проносилось по небу. Черная ночь часто рассеивалась на времена, и тогда деревья и

горы выступали как великаны, одетые в золотые мантии, а море казалось беспредельностью, по которой ползли, наскакивая друг на друга, разъяренные золотисто-серые змеи.

— Не серчай, не гневайся, бог... Что повелел мне — исполняю... Ты прошептал мне так: «Первая брачная ночь наша с полночи начнется, но ты, смертная, и не увидишь меня, бога... и буду я в самом безобразном теле... будет тело это плясать... Иди к пророку и увидишь сама... И когда увидишь, что я в нем, пляши и ты нагой, чтоб меня повеселить...» Так ты прошептал мне, солнцесияющий Лай-Лай-Обдулай... Радость в сердце моем, но боюсь я... Может быть, ветры пели мне в уши и листья шептали, и слышала я, чего не было... Пусть моя радость будет полной, шепни так: «Иди, иди, невеста моя, жених Лай-Лай-Обдулай ждет тебя...»

Сусанна лежала неподвижно на земле перед деревянным болваном, лицом вниз и разбросав по сторонам нежные руки. Буря ревела и завывала, и ее волосы, подымаясь кверху, развевались над ней крутящимся золотистым столбом. Ветви орешника гнулись во все стороны, и листья не прерываясь шумели миллионами таинственно и нежно лепечущих голосов. Девушка, не интересуясь ничем этим, продолжала лежать, прислушиваясь, не ответит ли ей что-нибудь бог на ее просьбу, которую она проговорила, охваченная молитвенной радостью, вместе с некоторым священным ужасом: как бы ни было, но ведь с ней говорил «солнцесияющий». «Бог», однако же, упрямо молчал, а она, невеста его, лежала, охваченная трепетом. И вдруг она явственно услышала шепот:

— Иди, иди, иди!..

Она замерла в восторге неизъяснимом, еще глубже уйдя в землю лицом, и сердце ее заколотилось в груди с мятежной быстротой и силой.

— Иди, приказал тебе Лай-Лай-Обдулай — я! И будешь ты, невеста моя, на небесах плавать в голубом просторе века веков... а здесь, на земле, плясать нагою... Иди, иди, иди!.. Я сверкаю золотой улыбкой — думают, молния, смеюсь весело перед ночью брачной — называют громом, уношусь на крыльях в тело кривое пророка — считается бурей... Поды-

ми головку... Улетаю...

«Невеста бога» подняла головку с восхищенным лицом, увидела все, как прошептал голос: молнию — улыбку могущественного жениха ее, услышала гром — веселый смех бога, ветер, дующий по направлению дома Парамона: бог улетал, чтоб прыгнуть в безобразное тело, — и поднялась с лицом, озаренным светом. Она быстро шла от орешника по направлению к новому дому Парамона.

И только что она отошла, как из «ада», пылающего под ногами бога, появились два человека: старуха Афросинья и другая старая женщина. Обе они, глядя друг на друга, громко захочотали.

— Вот дурочка-то.

— Сестрица, не говори... Врешь ты, что дурочка, — пророчица она... Во рту у меня бог сидел — вот что: оттого все так и складно болтала, как у «пророка» в книжке...

— Он-то и научил...

— Не болтай пустое, — опять со строгим видом перебила ее Афросинья. — Его-то учил кто? Бог сидит в нем и глаголет его языком... Чудеса-то пошли... И хорошо, и любопытно...

— Что у тебя в кувшине?

— Змейка ядовитая... Надо ребеночка одного стубить... весело богу будет... И опять невеста его предрекла при людях... для веры все можно... Смотри, сестра, небо-то все в огне... Глазами сверкает весело Лай-Лай-Обдулай... Что ж, потешим бога, попляшем...

— Гой-лю! — воскликнула другая старуха, срываясь с места, ударяя ладонями рук и начиная плясать вокруг орешника.

Афросинья сорвалась с места с таким же диким восторгом, поставив предварительно на землю кувшин с ядовитой змеей. Обе они бешено неслись вокруг дерева, притоптывая ногами, издавая пронзительные восклицания и стараясь выставить перед богом свои «прелести», противно подпрыгивающие на тонкой морщинистой коже; но идол бесчувственно смотрел на них бессмысленными глазами. А гром гремел, и природа в величественном пафосе грохो-

тала, пела, стонала, в то время как две старухи, подбрасывая костлявые ноги и кривляясь, пронзительно выкрикивали, ударяя в ладоши:

Лай-Лай-Обдулай,
Распахни нам двери в рай.

В это время Сусанна быстро шла к дому Парамона, волнуясь, восторгаясь и проникаясь священным сладостным ужасом. Она смотрела вверх — там сверкал Лай-Лай-Обдулай, в сторону на море: оно подымалось высоко, рассыпаясь пеной и брызгами, и вздыхаемое, конечно, тем же могучим богом; смотрела вокруг на деревья — они гнулись с жалобным стоном, преклоняемые к земле опять тем же Лай-Лай-Обдулаем. Вся природа — он, — небо, ад и земля, — и этот могучий титан — ее жених, ожидающий ее на брачную ночь, и вот будет она в его объятиях... Священный ужас охватил ее при мысли быть в объятиях могущественного бога: как она вынесет это, может быть, она сразу умрет от ужаса или восторга, а может быть, бог сожжет ее своим пламенем... Она с радостью готова и сгореть в объятиях такого супруга, тем более, что потом начнется другая жизнь, как он ей сказал — на небе, и там они будут вечно вдвоем, носясь в пространстве эфира огненными метеорами, или, может быть, они будут восседать на престоле и сверху управлять и Зеленым Раem, и всей землей. В воображении ее пронеслись разнообразные картины с быстротой ветра и с такой яркостью, что все ей казалось действительно существующим. Вдруг она подумала, что ее высокий жених, быть может, уже прыгнул в тело «пророка» и ждет ее, негодяя на ее медленность. Боясь опоздать, она помчалась между рядами деревьев, перескакивая белеющими в темноте ножками через камни и рвы, с развевающимися за ней волнами волос. Скоро перед ней обрисовались высокие, недавно выстроенные дома бюрократов Зеленого Рая, где они жили одни без своих громадных семей, находящихся в своих прежних домах. Сам «пророк» имел четырнадцать сыновей и восемнадцать дочерей, но тех из них, которые были еще ма-

лы, он отдал на попечение разных женщин, а к остальным относился, как к посторонним, занятый исключительно величением своей особы.

«Пророк» расхаживал по своей комнате, часто посматривая в окна — не идет ли «невеста бога» — и в необыкновенном наряде. Монашеское черное платье заменил теперь белый плащ, волочившийся по полу, как царская порфира, и спереди живописно охватывающий его тело разнообразными складками. Очевидно, светлый гость, находящийся теперь в его безобразной телесной храмине, накинул на него это белое одеяние, так как он был веселый бог и не любил монахов. И вся наружность Парамона, как и его костюм, выражали теперь радость и ликование. Во всех его движениях, когда он расхаживал по комнате, была какая-то стремительность и, когда он подходил к окну или поворачивался — легкость и быстрота тигра, делающего прыжки. На бледном лице его отражалась радость, торжественность и глумливый смех: очевидно, бог, прыгнувший в него, потешался и плясал, хищно ожидая схватить добычу в свои лапы.

Довольно большая комната, в которой он находился, была вся увешена персидскими коврами, с развешенными по ним кинжалами. У одной стены находилось низенькое ложе, покрытое белым с золотыми узорами покрывалом, и на ковре около него стояли кубки с вином. Полы были тоже покрыты коврами, а на единственном столе лежала раскрытая толстая книга — Библия, из которой «пророк» черпал свои познания. Книга эта раскрывала перед ним картину борьбы неба с землей, царей и деспотов с людскими стадами; она вдохновляла его быть вторым Моисеем в Зеленом Раю, не жалеть крови, как это делали не только люди, но и сам гневный Иегова, обращая в прах города и царства и, наконец, книга эта научила его обращаться с Богом «запанибрат», делать Ему замечания и выговоры и иногда даже посыпать ругательные слова по Его адресу. Зерна истин, рассыпанные в Библии, величия и поучения падали в области духа Парамона на поле, вспахиваемое чертом от дней рождения его, и зерна эти распустились в цветы, наполненные ядом и желчью.

Комната озарялась восковыми свечами и блистала разнообразными цветами ковров — красными, голубыми, желтыми. Вместе с производством себя в «пророка» и первого бюрократа Зеленого Рая Парамон начал быстро богатеть: крестьяне стали выплачивать оброки, но, кроме этого, Парамон под разными предлогами отбирал у порабощенных жителей целые стада, склады с хлебом, рыбные склады, различные движимости, и все это заставлял своего брата Петра обменивать у персиян на деньги и различные вещи. Три бюрократа вместе со своей охраной и различными палачами быстро богатели, а крестьяне, вместе с утратой свободы, счастья, радости и прежней ясности рассудка и нравственности, опускались в беднели. Три акулы могут уничтожить целые стада маленьких рыб, и три бюрократа в Зеленом Раю выпивали кровь из сердца, высасывали мозг из голов и наполняли души людей ужасом, ненавистью и смертельной тоской.

Расхаживая по комнате, Парамон вдруг увидел в окне мчавшуюся в блеске молнии «невесту бога» с крутящимися за ней золотисто-светлыми волосами и бледным, но сияющим лицом. «К веселому богу бежит невеста, и как быстро, и собаками не поймаешь, только голые ножки мелькают», — подумал Парамон. Он подошел к противоположному окну и здесь увидел другую картину: «невеста бога» уже шла к крыльцу его дома, сопровождаемая двумя людьми из его охранителей, которым он давал различные секретные поручения.

Минуту спустя в комнату вошла Сусанна, и невидимая рука, открывшая ей дверь, сейчас же ее снова закрыла.

«Невеста бога» и ликующий Лай-Лай-Обдулай остались наедине.

Стыдливо и в страшном смущении наклонив свою голову, отчего ее волосы упали книзу, как пряди золотистых нитей, Сусанна смотрела на «могущественного бога» с невыразимым выражением больших голубых глаз. Они напоминали море, озаряемое блеском молнии, и, как оно волнуется, вздымаясь всей своей глубиной, так и в ее глазах отражалисьмятеж и буря ее сердца. И, как ее глаза, лицо

то вспыхивало краской женственного стыда, то делалось бледным, как белый воск, отражая тогда воцаряющийся в ее груди священный ужас перед «высоким». Несмотря на такие чувства, в уме ее все-таки проходила страшная мысль: «А если бог не вошел еще в это кривое тело урода!» Надо было иметь доказательство, что могучий Лай-Лай-Обдулай там уже находится и смотрит на нее из глаз Парамона. И вдруг она ясно познала, что ее небесный жених, наверное, там: глаза Парамона блестали необыкновенным сиянием, и бледное лицо тоже казалось сияющим радостью. Парамон ей всегда казался мрачным, пугающим всех одним своим суроно-насмешливым видом стариком, а этот — тоже безобразная храмина, но она сияет, как окнами домик, когда внутрь его упала молния. Никакого не было сомнения, что перед нею светлый Лай-Лай-Обдулай.

Вспомнив, как она себя должна вести перед веселым богом, Сусанна подняла дрожащую ручку к голубому поясу, чтобы сорвать его, и рука ее остановилась в нерешительности: ужасным ей показалось такое бесстыдство; может быть, она не так поняла, и «светлейший» вовсе не желает, чтобы она голая плясала перед ним.

Жених и невеста молча смотрели друг на друга. Вдруг Лай-Лай-Обдулай, распахивая свой белый плащ, начал подплясывать своими длинными, оказавшимися голыми ногами, делая странные движения телом и смеясь радостным, похотливым смехом.

В чувстве охватившего ее экстаза она в один момент сбросила с себя платье, ножки ее завились кверху, и сияющая счастливая Сусанна начала плясать перед стариком Парамоном, закинув руки за голову. В свою очередь, и жених-бог с лицом, сделавшимся еще более ужасным от овладевшей им животной страсти и как бы прожигая ее на гое тело глазами, стал выделывать ногами еще более высокие узоры в воздухе, как галопирующая лошадь; кривое тело его при этом похотливо изгибалось, но, танцуя таким образом, он все более приближался к низенькому ложу, покрытому золотисто-белой тканью, и, видимо, находя, что ему, небесному гостю, разговаривать не к чему с земной

невестой.

Восхищенная веселостью бога и как бы опьяневшая от пляски, счастливая девушка с раскрасневшимся, улыбающимся и сияющим лицом стала следовать за женихом, не переставая плясать. Вдруг Лай-Лай-Обдулай, очутившись у ложа, неожиданно улегся на него и грубо, с животной радостью, ухватив ее за бедра, потянул к себе. Сусанна с криком восторженной радости упала в объятия бога.

Прошло несколько часов, и комната начала освещаться дневным светом.

На широком ложе спал на спине Парамон, вытянувшись во весь свой огромный рост и издавая во сне какое-то отвратительное хрюканье. Рядом с ним, облокотившись на локоть, лежала Сусанна со смертельно бледным лицом, уставив с ужасом расширившиеся глаза на ужасную рожу старика. Хотя сознание, что она — жена бога и что он сжигал ее своим пламенем целую ночь, восхищала ее и как бы возносила на небеса, но из ее глаз неудержимо катились слезы, и она дрожала, как в лихорадке. Может быть, тайный, бессознательный инстинкт нашептывал ей, что она жертва самого жестокого, грубого обмана. Не понимая своих слез, она все-таки думала, что небесный супруг ее, конечно, уже отлетел из этой отвратительной храмины. Был и еще один мучительный для нее вопрос: почему он, могучий бог, поместился именно в это уродливое тело? Она чувствовала как бы оскорбление, а вспоминая о страшном разврате ее бога и мужа, грубом цинизме, с которым он обращался с ней, она внутренне содрогалась, совершенно не понимая, как это совместить: светлый бог и то животное, которое извивалось в судорогах похоти. Эти мысли она с ужасом отгоняла от себя, и вместо них являлась другая, уносящая ее за облака: она жена Лай-Лай-Обдулая. Слезы, однако же, неудержимо струились из ее глаз, и она продолжала с отвращением всматриваться в безобразное тело Парамона. Вдруг ей сделалось невыразимо противно это страшное лицо с острым, как у птицы, носом, ввалившимися тонкими губами и, кроме того, он как-то хрюкал и вонял, отвратительно вонял, как свинья.

Сусанной овладело такое отвращение, что она сделала движение, чтобы подняться и убежать. Это оказалось невозможным: ее волосы были обвиты вокруг отвратительной ноги «пророка», кончавшейся красной, расплюснутой ступней, и слезы полились из ее глаз, как фонтан.

— Женщина, зачем ты здесь? — сурово воскликнул вдруг «пророк», неожиданно проснувшись.

Сусанна затрепетала и робко ответила:

— Пророк, прошла целая ночь, как я здесь... Могучий Лай-Лай-Обдулай был в твоем теле?..

— Да, он был... а меня, супруга бога, не было в моем теле... я был на небе... Иди же от меня... Женское тело отвратительно для глаз моих...

— Пророк... я нагая...

— Иди, Сусанна, — грозно воскликнул «пророк» так, что «невеста бога» затрепетала еще сильнее.

— Я не могу.

— Ты ждешь, что бог опять влетит в меня?..

— Нет, пророк.

— Ты сказала: не могу.

— Волосы мои обвил веселый бог вокруг ноги твоей...

— Веселый, радостный бог, как он тут шалил и потешался, — говорил Парамон, освобождая ее волосы от своей ноги.

Когда Сусанна стояла у двери, чтобы уйти, «пророк» таинственно проговорил:

— Знай, светлая жена высокого, родится у тебя сын, и будет он бог на небе и на земле.

Сусанна вышла, и сердце ее билось от восторга.

В этот день крестьяне Зеленого Рая не пошли на работы в поле, так как, едва они стали брать разные сельские орудия, как с разных концов появились вестники от начальников, выкрикивающие, что они должны не работать сегодня, а петь, плясать, пить вино и потешать светлого бога. Продолжая свои выкрикивания, они объявили о великой милости, нисшедшей на Зеленый Рай с небес: Лай-Лай-Обдулай в эту ночь телесно сочетался с девственницей Сусанной, а потому в свое время появится и новый маленький

бог, который и будет царствовать в Зеленом Раю бесконечные века, и тогда-то наступит общее счастье, мир и радость. Выслушав все это с большим удивлением, ничего не отвечали крестьяне, а только, почесав затылки свои, начали бросать орудия полевых работ с таким видом, точно желая сказать: «Врите, что хотите — наплевать». Они были так запуганы и так боялись обычной теперь в Зеленом Раю расправы — розог, что какое бы чудо ни спустилось с небес, — хотя бы даже сам Парамон поскакал верхом на коне в небеса, — ответ на все это мог быть только один: чесание в затылке. Шпионы, теперь награждаемые начальниками, стали разводиться, как блохи в грязном белье и, зная это, крестьяне опасались высказывать свои мнения.

Зашумел, развеселился Зеленый Рай: выпиваемое вино ударяло в голову, и ноги сами подымались кверху и плясали. Невозможно было не радоваться и не плясать перед Лай-Лай-Обдулаем: он мог обидеться, так как этот день был великим праздником, и с «высоких сфер» последовало распоряжение называть его «великим днем зачатия» и ежегодно торжественно праздновать каждое двенадцатое сентября.

С полуночи до полночи продолжалось торжество, мистические танцы нагих людей, кончающиеся, чтобы не обидеть бога, подражанием его шаловливым проделкам в высокой траве или под древесными ветвями.

Три бюрократа смотрели на все это с маленького холма, сидя на высоких сидениях, а впереди их, на таком же кресле, сидела супруга Лай-Лай-Обдулая с венком из роз на голове и со скромным подарком жениха — красным цветком, который качался в ее руке. Вокруг дерева были расположены бочонки с вином и, так как людям необходимо было быть веселыми и бесстыдными, то они пили много, а те, в ком еще звучал голос прежнего бога — совести, — особенно много: надо было заспиртовать его в сердце, как в банке со спиртом жука.

Наступила ночь, и началось полное беснование и оргия. Опьяневший Зеленый Рай бешено носился вокруг дерева, и многие мужчины и женщины совершенно нагими. Это продолжалось до головокружения, пока люди переставали со-

знавать, кто они и где находятся, и пока им не начинало казаться, что уносятся куда-то в высоту на руках Лай-Лай-Обдулая. Многие девушки и женщины, желая испытать блаженство счастливой Сусанны и быть в объятиях бога, падали на руки не бога, а какого-нибудь Герасима-Волка. Великан много пил и бешено плясал голым, и его хохот и голос раздавались, как звуки огромной трубы, поющей басом.

Добродетель отлетала от Зеленого Рая в горные края.

Популярность Лай-Лай-Обдулая сильно возросла: многие уверяли, что он качает их на руках в воздухе, другие говорили, что всех пляшущих он делает счастливыми и блажеными.

Бюрократы торжествовали, и в этот счастливый для них день никого не высекли.

IX

В лесу под деревом лежал человек неподвижно, как труп, разбросав по обе стороны руки. Изорванная, забрызганная кровавыми каплями рубаха только кое-где прикрывала его тело, так как она представляла из себя отдельные клочки. Все тело его было испещрено кровавыми полосками и ранами, образовавшимися от вырванных кусков мяса. Мухи, комары и другие насекомые, кружась над ним в воздухе, опускались на его спину и начинали плотоядно пить сочившуюся из ран кровь.

Уже несколько дней, как он лежал таким образом, уйдя лицом в траву. Долгое время он ничего не чувствовал и не сознавал, но как только в нем явилось сознание действительности, он стал испытывать такой ужас, такое ожесточение, негодование и такую смертельную тоску, что продолжал лежать неподвижно, не желая смотреть на мир, созданный «Отцом, пьющим кровь своих детей». Невыносимо отвратительным ему казался весь мир и земля с населением из «вампиров-людей», и небо, и солнце, и звезды — все над ним издевалось, и ему казалось, что всюду простирались руки с

длинными бичами и хлестали его избитое тело, и что общий Отец, глядя на все это со своих полей, только улыбался, издеваясь над ним. И змея тоски так болезненно, так глубоко впивалась острыми зубами в его сердце, что укусы в его раны ос и комаров и боль всего избитого тела казались нечувствительными для него. В нем даже являлось желание, чтобы его больнее кусали, раздирали бы на кусочки тело его: он будет лежать недвижим, полный ненависти, отвращения к жизни, полный несокрушимой, вечной, давящей, как камень, тоски, полный презрения к миру и ко всем его истязателям и палачам.

В уме его совершалась страшная работа, и казалось ему, что на все то, что когда-то являлось в глазах его радостным, добрым, светлым, сияющим, были надвинуты теперь вертящиеся головы с безобразными кривляющимися лицами, изо ртов которых высывались раздвоенные языки змей. Все люди ему представлялись безобразными, злыми, кровожадными, смеющимися, и из глубины сердца его подымалось озлобление и душило его, порождая желание, чтоб земля провалилась, чтоб раскрылся ад и дьяволы, вылетев из него, растерзали бы его мучителей на куски. В уме его носились картины мести, распадения земли, низвержения Самого Бога в огненную пасть ада, и это последнее потому, что он всегда обращался к Нему, как к всевидящему Отцу, с доверием, и вот отец этот представлялся ему теперь богом-истязателем, богом гнева и ярости, великанином-вампиrom, пьющим кровь из огромного блюда — земли. Мысли кружились в уме его в освещении огня его ярости и негодования, и потому были яркими, как огонь. Посреди всего этого в воображении его носилась его невеста с измученным бледным лицом и глазами, устремленными на его избиваемое тело. Он видел капли крови на концах розог и капли слез, капающих из глаз его связанной невесты, и все это было так ужасно-невероятно для человека с благородной, доверчивой и свободной душой, что внутри что-то конвульсивно рассмеялось. Он лежал и хотел сухим смехом, и осы и комары, рассевшись на его окровавленной спине, пили его кровь, вонзая свои жала в его раны, и посреди его душевных му-

чений он повторял про себя: «Хорошенько кусайтесь, плачики-мошки и комары, собирайтесь тучами и пейте кровь сына Божьего... Пусть с неба смотрит вампир... Зеленый Рай сделался адом, и свободный сын лежит избитый, как кровавая глыба для воронов, и красные палачи свистят бичами над Раем... Пошли, пошли, отец небесный, орла, чтобы он выклевал глаза мои: я не хочу видеть ни твоей земли, ни неба, ни солнца, ни звезд... И без глаз я буду видеть бич в руках твоих, которым ты бичуешь мое сердце».

В это время Сусанна с задумчиво опущенной головой шла от дома Парамона. Опять Лай-Лай-Обдулай плясал в его теле и веселился с ней, и опять она, рыдая, шла назад, возмущаясь грубым цинизмом ее небесного супруга и безобразием тела, в которое он влетал. Ей казалось, что он мог бы избрать себе более красивое помещение и не оскорблять ее таким ужасным грубым цинизмом и зверским животным развратом! Отвращение все сильнее росло в ней, а с этим вместе моментами в уме ее вспыхивало сомнение, что светлый бог действительно влетает в это ужасное, старое и вонючее тело. Она, однако же, спешила отогнать от себя эти мрачные нашептывания ее рассудка, и это оказывалось нетрудным: весь Зеленый Рай видит в ней теперь супругу бога и даже торжественно праздновал ее брачную ночь — «день зачатия». Это наполняло ее счастьем, восторгом и на мгновение как бы возносило в небеса, но надо думать, что крылья ее сейчас же обламывались, потому что из глаз ее снова начинали литься слезы, и опять она начинала испытывать жгучее оскорбление. Какой-то внутренний голос опять нашептывал, что она просто автомат, послушно выполняющий роль, начертченную для нее самым грубым, самым бессовестным обманом. Она плакала.

Желая быть наедине с собой, она направилась в свое любимое место — в лес. Деревья, возносясь в голубой простор своими зелеными вершинами, стояли точно в заколдованным сне, едва слышно лепеча листвами. Лес молчал, испуская аромат под влиянием полдневной жары. Лесное царство шло, не прерываясь, во все стороны, и зеленые исполины стояли тесной семьей, простирая ветви друг другу, как

многочисленные сыновья благочестивых отцов, взаимно подающих руки на вечный союз братства, мира и любви. И века проходили, и проносились бури над их вершинами, но они, верные обету мира и невмешательства в козни природы и жизни, оставались в своем величавом равнодушии к бурям, мучениям и козням. Ядовитая змея ползла по их корням с раскрытой пастью, готовая всякую тварь смертельно ужалить, дикие звери волочили в свои логовища растерзанную козу или оленя, испуская рев в чувстве торжества победителя, птицы в пафосе страсти дрались друг с другом и прожигали самок жалом любви, чтобы породить новые жизни, новые битвы и новую смерть, но они — философы в зеленой одежде — оставались равнодушными и неподвижными. И только когда раздавался топор человека и великан падал, тщетно хватаясь зелеными руками за руки братьев, по лесу далеко проносился шум, точно тяжелый вздох, вырвавшийся из сердец богатырей, и когда снова наступала тишина, то среди нее долго еще звенело одно слово: смерть.

Войдя в лес, Сусанна сразу повеселела. Здесь на нее пахнуло такой благоговейной тишиной и миром, что на время она совершенно забыла о гнусном Парамоне и даже о своем бесстыдном супруге-боге. Зеленые купола и таинственные лесные коридоры манили ее под свою тень. Здесь не надо было краснеть, как среди людей, присутствие которых ее часто мучило и стесняло.

Незаметно для себя она зашла далеко в глубину леса.

Сделавшись веселой, она с быстротой белки вскарабкалась на дерево и, усевшись на ветвь, стала покачиваться на ней. Вдруг откуда-то раздался необыкновенный, как-то сухой, мучительный хохот. Девушка стала прислушиваться, оглядываясь во все стороны. В несколько прыжков она спустилась с дерева и быстро пошла по направлению страшных звуков и вдруг, увидев посреди маленькой поляны кровавую, вздрагивающую глыбу, остановилась, смертельно побледнев. Перед ней обрисовался окровавленный человек, лежащий на животе. Человек смеялся страшным смехом, и кровавое тело его конвульсивно вздрагивало, и туки

насекомых кружились над его спиной. Она быстро подошла к нему и снова остановилась, и лицо ее сделалось несчастным, и ее грудь начала высоко и неровно подыматься.

Человек хохотал. Тучи насекомых, впиваясь в его раны, пили его кровь.

Она смотрела, все сильнее вздрагивая всем телом. По губам ее стала пробегать нервная дрожь.

Он хохотал.

Она опустилась на колени перед окровавленной массой, слезы брызнули из ее глаз, и она начала рыдать.

Человек перестал смеяться и поднял голову. Она увидала страшное лицо с глубоко ввалившимися глазами, сверкающими из своих впадин каким-то страшным, злым, холодным светом, с губами, в углах которых виднелись полоски запекшейся крови и которые, раскрывшись, вздрагивали в конвульсиях. Она смотрела на него со слезами, льюющимися из глаз.

Кровавый человек молчал.

— Я омою твои раны, — заговорила она нежным, дрожащим голосом, — я отнесу тебя на своих руках, где тебя никто не тронет... Дай мне согнать мошек с твоей спины... Может быть, ты голоден... Я тебя жалею...

Он странно усмехнулся.

— Будь проклят человек на земле... — воскликнул он.

— С тобой это страшное сделали начальники, но ты не хотел верить... Ты смеялся... И вот надо было, чтоб не обиделся...

Он опять страшно усмехнулся.

— Будь проклят свет солнечный и тот, кто зажег его.

Оканчивая свои прерванные им слова, она сказала:

— Чтоб не обиделся Лай-Лай-Обдулай.

Человек мрачно и угрожающе закивал головой и, опираясь на палку, которая лежала около него, начал медленно, с трудом подниматься. Между тем, на поляне появились несколько крестьян и женщин, пришедших сюда, может быть, для того, чтобы его отыскать.

Человек стоял, опираясь на палку и вздрагивая своим окровавленным телом. В глубоко ввалившихся глазах его

вспыхнул яркий свет холодного неумолимого ожесточения, и он воскликнул громким голосом, в котором звучали слезы и хохот одновременно. И когда он говорил, люди, стоящие под деревьями, подошли и, остановившись неподвижно, стали его слушать. Он говорил:

— Да будет проклят человек в Зеленом Раю! Да будут прокляты матери, рождающие людей, и отцы, расплоождающие ехидин. Нет больше Бога на небе: Он отвратился от вас, нет мира и радости в сердцах, нет света перед глазами человека... Дьяволы кружатся во тьме и кричат: «Слезы, кровь и смерть», — отныне это вам осталось, люди Зеленого Рая, потому что бога совести в сердцах дьяволы завалили каменьями... Была эта земля для вас как рай, потому что в голове вашей был разум, а в сердце — правда и совесть... но отлетел разум к небесам, ускакала правда к ангелам, и бесы ворвались в ваши сердца и кричат... Кланяйтесь теперь дьяволам-начальникам и богам-чурбанам... пляшите перед новым богом из дерева и с приделанной бородой...

Вы отдали вашу свободу — будьте как верблюды за это, сгибайте ваши спины, пусть ваш хребет трещит и гнется, и падайте под ношами лицом в песок, потом умывайтесь вашими слезами, и слезы пейте вместо воды. Вы вынули совесть из себя: безумие вместо нее влетело в вас, и окровавленный нож вложил Сатана в руку вашу... Пускай же сын вонзает его в горлтань отца, если от него не ушла совесть... а жена — в спину мужа, чтобы он не мешал ей блудить... Так будут угождать начальникам: поливать свои пути в ад — кровью и слезами... хорошо, хорошо, люди Зеленого Рая, берите бичи в руки и от деревьев лозы и прогоняйте свободу от себя в леса и пустыни... Бейте людей лозами от деревьев так, чтобы кровь распадалась, как кровавый дождь, а вы смотрите и кланяйтесь... Начальники любят поклоны... будьте же прокляты, и пусть ваши женщины носят в утробах не младенцев, а змей и скорпионов... Человека нет больше в Зеленом Раю, и пусть же это место будет местом ехидин... Эй, вы, отдавшие свободу и совесть, пляшите перед куклой из дерева, беснуйтесь перед ним. Жены забудут пусть

стыд, и девушки, и мужья, и старики, и все среди пляски падают на землю в блуде... Повеселится бог ваш — истукан, которого сделали из дерева начальники ваши и прицепили бороду ему — кукла Лай-Лай-Обдулай...

Человек, дрожа своим окровавленным телом, с последним словом повернулся, опираясь на палку, чтобы скрыться от людей в чаще леса.

— Лай-Лай-Обдулай ругаешь!.. — воскликнула Сусанна с выражением ужаса и внезапного озлобления на лице и, подняв камень, она бросила его в голову шатающегося, окровавленного человека.

— Бога нашего сквернословит этот человек, — воскликнула она с диким вдохновением на лице, обращаясь к людям, стоящим поодаль от нее.

— Он хулит бога, он проклинает начальников и нас... Мало били его... Язык его — жало... Убьем его камнями и вырвем язы...

Выкрикивая все это со злыми лицами, люди стали подымать каменья.

— Лай-Лай-Обдулай, мой бог, накажет тебя, человек, — вскричала Сусанна с жестоким выражением лица. — Мне было тебя жаль, и я плакала, но Лай-Лай-Обдулай сделал каменным мое сердце... Смотри, человек, я тебя убью...

Человек смотрел на нее грустными, укоризненными глазами, вздрагивая, и кровь на его голом теле, выступая из ран, скатывалась красными каплями; а она стояла перед ним с камнем, поднятым над головой, глядя на него зловеще сверкающими, хотя чудесными голубыми глазами, с жесткой усмешкой на губах.

— Умри! — воскликнула Сусанна и бросила камень в его голову.

— Умри, хулитель нашего бога, — закричали люди, стоящие, как и Сусанна перед этим, с каменьями, поднятыми над головой.

— Лай-Лай-Обдулай — бог! — вскричала громким и звеневшим, как струна, голосом супруга бога, и в ее лице и голосе было что-то увлекающее, электрически действующее на людей, так что камни отовсюду полетели на окровав-

ленного человека.

Он качнулся, палка выскользнула из его руки, и всей кровавой массой своей он шлепнулся лицом на землю.

Люди ушли. Над человеком высоко в голубом просторе, совершая ровные круги, кружился коршун. Постепенно опускаясь ниже и ниже, он не сводил черных зрачков от окровавленной груди человека.

X

Цепь волочилась и звенела за Василисой, а она ходила вокруг столба и потом в обратную сторону, чтобы открутить цепь.

Солнечный свет, врывааясь в маленькое окно, ярко освещал жену «пророка», шагавшую с цепью на босых ногах, в белой рубахе и с черными как ночь волосами, спускавшимися по ее исхудалым плечам.

С каждым делаемым ею шагом цепь звенела, и шаги эти были порывистыми, нервными, и с каждым шагом грудь ее подымалась высоко и опускалась с тяжелым вздохом, и на исхудалом лице ее около впалых, лихорадочно сверкающих глаз пробегали какие-то больные тики и губы раскрывались в горькую улыбку.

Небольшая комната, в которой она находилась, была сырой, со стенами из бревен и одним маленьким окном. Около столба лежала солома, на которой она спала, и у окна стоял стул, но она не могла сесть на него: цепь была для этого слишком коротка. На этом стуле ежедневно, в известное время, приходил сидеть ее муж и, любуясь ее мучениями, глумился и грубо подшучивал. Так продолжал он уже целый месяц и уже месяц, как женщина ходила взад и вперед, позывая к себе цепью. Часто, сидя на своем стуле и мрачно глядя на узницу, он вдруг вскрикивал: «Василиса». — «Что, господин, хочешь?» — «Любишь ли ты меня?» — спрашивал он, мрачно глядя на нее, и в голосе его слышалось издевательство. «Нет, господин, я тебя никогда не

могла любить», — отвечала она, глядя на него черными, впалыми глазами и смиленно складывая на груди руки. Парамон продолжал слашаво-ласковым голосом: «Василиса, Бог рассерчал на Парамошу при рождении и сотворил его скверненьким, гаденьким... Смотри на лицо мое — черти хихикают, а бабенки совсем воротят рыло... а эти плечи, видишь, а ступня, как у гуся, ей-ей... Не могла ты меня любить... за рожу-то... В душу же, Василиса, мою ты не глядела... Какие там есть ямки да пропасти... Вот в пропасти-то этой черти и запалили светильню... Любовь называется... И вот разгоралась она, а ты рыло ворочала... Огонь во мне зажгла, проклятая, жег он сердце мое и по суставам всем проходил, и голова кружилась, и в глазах все ты с твоей грудью белой... Вот грех-то твой в чем, змея ты подколодная, а не баба...» Голос его начинал греметь, и яростью загорались глаза его. Охватываемая трепетом, Василиса смиленно опускала голову, а он, вскакивая и делая яростные прыжки, обыкновенно охватывал ее шею руками и кричал: «Задушить бы тебя за блуд твой, прелюбодейка». Иногда он начинал махать кинжалом над ней, нанося легкие уколы в ее грудь и любуясь ее ужасом. Потом он опять усаживался и продолжал так: «Не знаешь еще ты, в чем грех-то... запалила светильню-то эту в сердце, а утешение не дала, проклятая, все морду воротила... В ад-то я по горло сидел, а тебе дела никакого... Песня на губах да баловство на уме.. Изводила, проклятая... Потому, собственно... через свободу, что в Зеленом Раю богом признавалась... Слова-то твои были коротки на это: «По совести делаю... Вот объявлю миру, что любви нет у меня к тебе никакой... Один останешься, пугало старое, а я опять по совести же блудить буду...» Что ж, миленькая, хорошо поступала, если взять в соображение, что боги были не настоящие, как теперь вот... Свобода да совесть... Грызла меня всю жисть эта свобода да совесть, словно две черные кошки на шее моей висели и грудь расцарапывали... Ну, Василиса, радуйся, миленькая, настоящий бог спустился с небес и загрыз свободу и совесть... Были две живые черные кошки, теперь дохлые они... не прыгнут на грудь мою и не завоют: совесть где твоя? Под

этой самой ступней моей совесть и свобода... гляди-ка...» Он ударял своей расплюснутой красной ногой о земляной пол, и глаза его сверкали яростью. «Слыши, пищат-то. Нет их больше, Василиса. Бог настоящий в Раю Зеленом Лай-Лай-Обдулай и пророк его... я, собственно... Что ж не радуешься?.. Радуйся и пляши, женщина, прелюбодейка. Плясала, небось, перед Гвоздиковым... а перед богом-то или пророком и без сорочки можно... Сбрось-ка... полюбуюсь телом твоим... да как пляшешь... любопытно очень...» Василиса бледнела и трепетала, а он, вынимая кинжал, начинал махать им над ней, и она в смертельном ужасе, с исказившимся лицом и со слезами в глазах, начинала плясать перед ним. Не довольствуясь этим, он обыкновенно говорил: «Пророк я теперь, блудодейка, надо бы уважение оказать пророку и начальнику... целуй ногу-то...» Он цинично раскачивался, подымая кинжал над ней, так как, стоя перед ним с видом полумертвый, она все-таки боролась со своей гордостью. Ужас заставлял ее опускаться на колени перед ним и делать все, что он от нее требовал. Так прошел месяц.

В окно влетела ласточка и, покружившись над головой женщины, села на окно, и из ее горлышка полилось беззаботно-веселое щебетание. Остановившись на месте, узница долго смотрела на птичку, и в ней была такая потребность высказать, хотя перед кем-нибудь свои страдания, что, не сознавая, что делает, она вдруг заговорила со слезами на глазах:

— Птичка-птичка, прощебечи мне, как живут люди в Зеленом Раю. Упорхнула свобода из Рая Зеленого — хотя не отвечай, это я знаю сама. Не слышно больше веселых песен, не слышно смеха веселого, и я сама, которая землю считала садом Божьим и потому жила, как ты, птичка, сижу здесь теперь, волоча цепи. Я знаю, отчего все это случилось так: злые люди увели из Зеленого Рая нашего прежнего светлого бога с большими крыльями, чтобы лететь, куда сердце пожелает, — волю-свободу. Вот ты и маленькая птичка, а хочешь полететь — летиши на черных крыльышках куда хочешь, оттого ты так весело щебечешь... Начальников

нет над тобой, и умом своим маленьким ты сама соображаешь, что надо тебе, и потому, что ни делаешь — щебечешь. Пожалей же меня, ласточка чернокрылая, видишь, я в цепях и потому песня никогда уже не слетает с уст моих, но зато много слез падает из глаз... вот на этой земле дорожка мокрая: это все капли моих слез... а видишь, солома — здесь я сплю с цепью на ногах и, как собака цепная, хожу вокруг столба — туда и сюда... Птичка-птичка, вспорхни в мою душу и прощебечи там песню веселую о воле-свободе: песней этой ты разгонишь грусть-тоску... я думаю, что и в душе моей падают слезы такие же горькие, как эти из глаз... Или, может быть, там змея, свернувшись, лежит и сосет мое сердце... Птичка, птичка, полети к людям в дальние страны и пой о свободе... о свободе им только пой, чтобы хранили ее больше жизни, и когда они не поверят тебе, прощебечи им о бедной узнице Василисе — как ходит она по каморке сырой, звеня цепью... и еще прощебечи, птичка моя, как Василиса эта с гордой душой пляшет нагая... а человек тут сидит с кинжалом в руке и глумится... Прощебечи же им — всем людям на свете — что все так случилось с Василисой несчастной, потому что воли-свободы нет больше в Зеленом Раю... слышишь меня, птичка чернокрыленькая, слышишь меня?

Звеня цепью, она опустилась на солому и, сидя со скрещенными ногами, продолжала смотреть на ласточку, точно и в самом деле ожидала, что ласточка ей ответит что-нибудь. Ничего не отвечала птичка, а только, сидя на окне, стала поворачивать головку, шевеля хвостиком, и снова беззаботно защебетала.

— Понимаю тебя, ласточка чернокрылая, ты щебечешь о свободе, и вот это хочешь сказать: что мне петь людям о свободе, когда они мучают друг друга — ножи точат и цепи куют. Мы, вольные птички, не связываем крылья себе, и у нас нет начальников, а если бы такая птичка нашлась, мы бы ее заклевали. Чернокрылая ласточка, летай по Зеленому Рву со своим щебетанием о птичке-начальнике, которую бы вы заклевали. Вы, умные птички, конечно, смеетесь над нами, людьми: ведь один человек так глуп, что, избирая се-

бе начальников, дает ему в руки веревку, чтобы он связывал людей, когда ни захочет, и палку, чтобы он их бил. Прощебечи это глупым людям в Зеленом Раю и прилетай снова на это окно. Ведь несчастнее меня нет на свете женщины, потому что к столбу прикована я, и хожу на цепи... Птичка, птичка, выслушай и пойми, как безжалостен этот человек, который приковал меня на цепь за то, что я люблю не его, а другого... Совесть ведь один судья над моим сердцем, и сердце это на куски разорвать можно, но приказать ему любить того, который противен, как жаба, — это нельзя. И вот, птичка моя, пока в Раю Зеленом была свобода, человек этот молчал, потому что между человеком и его сердцем был маленький бог — совесть. Нет его больше в Зеленом Раю, бога этого, и на место его стал человек с кинжалом в руке и, поставив кинжал, говорит: вот начальник твоего сердца — нож острый... Птичка-птичка, как делается безумен человек и безжалостен, когда глупые люди дают ему в руки бич, чтобы он бил их... Прощебечи это людям, ласточка чернокрылая, и говори им, что лучше позволить вырвать глаза себе, чем свободу из сердца, потому что, когда нет свободы, тогда все равно ворон выклюет и глаза... Птичка-птичка, лети к моему милому, который, как и я, ходит вокруг столба с цепью на ногах... Спой ему грустную песню о Василисе и расскажи в этой песне, что я, как и он, хожу, звеня цепью, туда и сюда, и что в моем сердце отдается звон и других цепей — у него они на ногах, что сердце мое обливается кровью... Птичка-птичка, превратись в черного орла и, вцепившись в мою грудь острым клювом, вырви мое сердце и отдай моему милому... Пусть он знает, что это все, что осталось от Василисы несчастной, — сердце, полное любви и слез.

Слезы хлынули из ее глаз и, сидя на своей соломе, она закачалась в чувстве безысходной тоски, а ласточка, повернув головку, снова прощебетала что-то и, неожиданно вспорхнув, точно желая сказать: «Ты так плачешь, что я не могу смотреть на твои слезы», улетела. И осталась узница одна, и долго она сидела так, покачиваясь телом, и слезы падали на ее колени, и вокруг царила могильная тишина.

Зазвенел железный засов, дверь раскрылась, и перед узницей появился огромного роста человек в черной одежде, и на груди его сверкал кинжал, прикрываемый рясой. Остановившись у двери, он выставил свою расплюснутую ногу и начал пристально смотреть на узницу со змеившейся по его тонким губам злой улыбкой. Женщина стояла у столба, прислонившись к нему спиной и затылком, с опущенными вниз руками, с широко раскрывшимися в смертельном ужасе огромными черными глазами, которые сверкали из орбит каким-то могильным, тоскливым блеском. Она вся дрожала с головы до ног, и все сильнее, чем далее человек с кинжалом смотрел на нее злыми глазами, и голова ее нервно двигалась, и шевелились черные как ночь волосы, падающие по ее белым плечам.

— Выучилась стоять-то, миленькая, перед начальником, хорошо стоишь, приятно и глядеть-то... а прежде заносила, кобыла горячая, под облака взлетала, и там о свободе Зеленого Рая песню слагала вместе с Гвоздиковым... Сердце ты мое тогда скребла, Василиса, и жалости не было к Парамону никакому... Теперь не то: у столбика смирно стоишь, перед начальником, значит, и только головой пошатываешь... Дай посижу-ка.

Парамон поставил стул напротив своей узницы, сел на него и стал мрачно смотреть на женщину.

— Василиса!..

Она вздрогнула, но ничего не отвечала и только еще больше вытянулась, стоя у столба.

— Василиса!..

— Господин начальник, — слабым голосом отозвалась узница, продолжая не двигаться. Парамон чуть слышно прошептал:

— Пляши.

Губы ее жалобно полураскрылись, голова склонилась к плечу и, глядя на него молящими глазами, она чуть слышно прошептала:

— Пощади меня.

В душе Парамона на одно мгновение шевельнулось что-то вроде сострадания, и, отведши глаза от нее, он стал смот-

реть вниз в одну точку неподвижными зрачками, и потом как бы в раздумье сказал:

— Плясала с Гвоздиковым-то.

В один момент лицо его снова сделалось неумолимо злым, но, продолжая смотреть вниз, он только поднял кинжал над головой.

Узница подняла руки к плечам, пальцы ее нервно забились, и в то время, когда она срывала рубаху с себя, из ее глаз брызнули слезы.

Парамон стал смотреть на нее, протягивая вперед руку с кинжалом.

Она плясала.

Цепь звенела в такт каждому ее движению, и, волоча за собой цепь, она плясала вокруг столба — вперед и назад. Слезы не переставали литься из глаз ее, и в бледном лице было что-то убитое и страдальческое, и каждый раз, когда она подымала ногу, губы ее вздрагивали в конвульсиях. Парамон смотрел на нее пристально тяжелым, каким-то мертвенным взором. Вдруг, как бы потеряв сознание, она высоко-высоко подпрыгнула несколько раз и упала у ног Парамона.

— Пощади меня.

Деспот молчал, глядя на нее тяжелыми, действующими на нее, как холодный свинец, глазами. Бледное лицо его было неумолимо злым, но вдруг, неуловимо улыбнувшись тонкими губами, он сказал:

— Знаю, миленькая, думаешь ты, что Парамоша зверь лютый. Вот и неправда. В Зеленом Раю нет человека жалостливее, как пророк божий. Спроси — всякий скажет... Зато и власть такую имею в нашем Раю, как бы Моисей... Законы даю, и через меня, собственно, люди стали как стадо покорное... Для бога хороши и для людей кроткий и ласковый... Вот и тебе с Гвоздиковым хочу хорошее сделать... Правда, долго вы, хватаясь за рога мои козлиные, плясали под кустиками... Да уж ничего... Ступай с Гвоздиковым жить, Василиса милая... Потерзал вас малость и буде... Забывчив я на злое, и рука моя легка... Что мучить вас — до гроба доводить, — оно нехорошо. Сам помру скоро, хоть и пророк и

к ангелам причислен уже за кротость... Земля-то для всех разверзается в свое время, и над жестокими и Бог посмеивается с небеси, да и Лай-Лай-Обдулай... Беседовал с ним намедни, серчает, гневается бог: «Пророк, пророк, что женуто терзаешь за блуд... Блуд — веселье человекам, вот я и бог, а блудлив, как кошка... Сними с обоих цепи-то, и пусть оба прыгают через рога твои... меня это повеселит...» Не могу ослушаться я бога... отпущу...

Василиса, сидя на полу, постепенно подымала голову все выше, и в лице ее было двойное выражение: боязнь верить словам «пророка», и надежда, и радость. К концу его речи радость сверкнула из ее впалых глаз, так как она поверила, что «пророк» боится выдуманного им бога, и, подымая руки, в восторге воскликнула:

— Лай-Лай-Обдулай — добрый бог, спаси обоих нас, спаси...

— Радуешься как, за него-то больше, Гвоздикова! — проговорил Парамон, в то время как ярость в душе его поднялась, как огненная волна, и пахнула из глаз, и бледное лицо в рамке ниспадающих ровными прядями волос как бы окаменело в выражении беспощадной злобы. Тем не менее, он все-таки проговорил:

— Да нет, Василиса, жаловался я богу на вас, осерчал и он: пророк божий не дьявол, чтобы плясать на рогах его, говорит, вот я пошлю им черта, и он уже на рогах своих свезет их в ад... Там и блудить будут... И вот, миленькая, что вышло: услышав слова бога, Герасим-Волк и придушил Гвоздикова... На крючке висит он и воняет уж...

— Он убит! — раздирающим голосом вскричала женщина, закидывая голову и руки назад.

— Блудодейка! — воскликнул Парамон, вонзая кинжал в ее горло. — Вот как много слез о милом сразу пролилось, но только красных. Не будешь больше плакать ты о нем и сердить пророка...

Он перевернул в ее горле кинжал, потом, вытянув его, отошел на шаг и задумчиво стал смотреть на неподвижное, облитое кровью тело.

«Тело-то красивое, хоть и блудливо, — любил его».

Своей ногой он грубо и с пренебрежением отбросил одну ногу Василисы и, глядя на нее, страшно засмеялся.

— Ну, папаша, — заговорил он, глядя через окно на небо, — скверненьким ты сотворил меня, и посему скверненько и покончит Парамоша, а все же Зеленый Рай под моей ступней... вот...

Он удариł ногой о землю, и нервы по всему лицу его задвигались от глаз книзу, и рот искривился в страшной улыбке. «Молчишь, отче, и будет так... молчи...»

Вдруг, точно сорвавшись с места, он быстро пошел к двери, на ходу взглянув на мертвое тело и проговорив: «Прощай, Василиса».

В окно влетела ласточка и стала кружиться вокруг столба над окровавленным телом женщины, но в каком-то смятении, опускаясь то совсем низко, то испугано подымаясь вверх. Вдруг она пронзительно защебетала, точно высказывая свой ужас, и, как стрела, вылетела в окно.

XI

Солнце начало опускаться. Крестьяне с разных сторон с косами и серпами, а иные с сетями, в которых трепетали живые рыбы, возвращались в Зеленый Рай. Лица их были хмуры, и большинство их шли с опущенными вниз головами, и если кое-где и раздавался смех, то в нем не слышалось никакой веселости. Вместо смеха раздавались ворчливые голоса всяких мелких начальников и белобородых отцов, обязанных, под страхом самим быть высеченными, учить смиреннию и покорности людей молодых. Они это и делали, одни из боязни, другие по чувству власти, и потому теперь постоянно раздавались покрикивания, понукания и слова: «Драть тебя надо, каналья!» Кровавая роса, окропившая в первый раз Зеленый Рай, казалось, запала в сердца, и из глубины каждого сердца вызвала к жизни дремавшего там палача. Люди перестали себя понимать, чему способствовало также выпиваемое теперь вино, отуманиваю-

щее разум. Почти в каждом доме теперь было и орудие истязания — розги, и взамен прежнего беззаботного хохота часто слышались брань, ссора, и иногда крики избиваемого. В общем получалась такая картина, как будто бы люди после долгих лет мира, взаимного доверия и любви, внезапно обезумев, прониклись общим озлоблением, ненавистью, подозрительностью и желанием наделать один другому как можно больше зла и обид. Устроив такого рода порядок в Зеленом Раю, «пророк» дальновидно прозревал, что в каждом главе многочисленной семьи он имеет своего полицейского и в каждом сыне — доносчика и шпиона. С помощью своих особых людей он искусно поддерживал такое положение, не забывая устраивать время от времени торжественное сечение какого-нибудь почтенного старца за послабление, делаемое им сыновьям и внукам. Зеленый Рай все более начинал напоминать царство обезумевших, жестоких, несчастных и распутных людей. «Плясание», получившее религиозное значение, сделалось эпидемией, охватившей решительно всех. Плясали не только под орешником, но и на кровлях, в садах, в поле, на улицах. Плясали и вертелись мужчины, женщины, старики до головокружения и полной потери сознания, и кончалось это иногда общей оргией под завесой укоризненно шелестящих листьев. В результате порок поощрялся, и подлежали всяким наказаниям и розгам такие преступления, как непризнание божественности Лай-Лай-Обдулая, отрицание небесного назначения Парамона и его законов, высказывание самостоятельных суждений, подрывающих авторитет власти, и еще некоторые в этом роде. Сильные средства вырывали все эти пороки с корнем из умов и сердец жителей и на образовавшихся гниющих ранах насаждали добродетели, благоприятствующие укреплению власти трех бюрократов. Зеленый Рай со своими обитателями, казалось, после долгих лет мира и счастья сорвался с места и с головокружительной быстротой летел в раскрытую пасть ада.

Крестьяне разбрелись по домам, и немного спустя снова стали появляться в своих садиках, на улицах и на крышах. Впрочем, особенно много их было у крайнего дома, только

что выстроенного, где продавалось виноградное вино и другой, очень дорогой напиток — водка. Здесь около самого дома стояли две бочки и на столиках разных размеров стаканы: каждый пил, что хотел — виноградное вино — из одной бочки, или целебный русский напиток — из другой. Сидевший здесь старик принимал от жителей Рая персидские монеты, но, так как их было мало, то отдавали различные вещи и даже домашних птиц и четвероногих.

Среди толпы царilo молчание и какая-то общая неловкость. Всем было неприятно, и все чувствовали, что над ними протянулась как бы чья-то рука с розгой. Сознание это невольно хотелось заглушить, и для этого существовал волшебный напиток из России: выпить — и человек запляшет. Однако же, все-таки неловкость продолжалась. Вдруг раздался громкий голос:

— Разойдись, душа моя... Уж попотчуя тебя вином сладким, душа моя.

На крыше соседнего дома стояли две женщины, одна против другой, и каждая держала над головой стакан с водкой.

— Уж выпью.

— И я выпью, — отвечала, соперничая с первой, другая женщина, приставляя стакан к широко улыбающимся губам.

— До дна пей.

— Да ты тоже не надуй: непременно чтобы до самого дна.

Вторая женщина закричала, выпивая:

— Дай же Боже, чтоб душа моя доскакала до неба.

Первая женщина, не желая отстать от нее, тоже воскликнула:

— Дай же Бог, чтобы моя душа в раю наелась пирогов сладких!..

Выпив водку, обе они сразу опьянели и, стоя одна против другой, начали плясать.

— Ловко отжаривают ногами, — раздались голоса среди толпы, и несколько рук сразу протянулись к бочке.

— А ей-же-ей, такая жисть мне по сердцу, — говорил молодой крестьянин, пошатываясь и наливая себе второй стакан.

кан из бочки. — Вино сладкое — одно тебе угощение, бабы — другое... Так весело жить, и вера такая приятная... Пляши себе только, а там уже чудотворец определит тебе твое положение на небе... Такая веселая, право...

Широко улыбаясь, он вдруг заплакал, повторяя в то же время, что жизнь веселая. Под действием выпиваемой водки толпа все более веселела. Раздались свистки, ругань и песни. Вдруг появилась женщина, со взбившимися на голове волосами, красная и пьяная, и закричала, разводя руками:

— А ребенка Ульяны змея укусила, ядовитая...

— Врешь, врешь! — закричали голоса, так как в этом роде известия и раньше приходилось слушать в Зеленом Раю, но они оказывались вздорными, и все начинали думать, что пророчество «невесты бога» никогда не исполнится.

— Ядовитая змея укусила, — снова повторила женщина, — и я вот пойду поглядеть, какой ребеночек мертвенький...

И, выйдя из толпы, она направилась вдоль линии домиков к крайнему дому, где жил Никита со своей женой. За ней шли несколько женщин и мужчин.

Солнце закатывалось. Море казалось золотисто-красным. Великаны-деревья едва шелестели листвами в розоватой ризе золота. Природа как бы засыпала, посылая земле свои розовые улыбки — величественная и торжественно-спокойная. И среди этой священной тишины отовсюду из домов раздавались дикие звуки. Кто-то пронзительно плакал. Женщина с растрепанными волосами и избитая, хлопнув дверью, выбежала из домика и, испуская рыдания, побежала по траве, запуталась, упала и стала ругаться; звуки пьяного пения и топанья ног смешивались с бранью, плачем избиваемых, каким-то оханьем, стоном и причитаниями. На крышах некоторых домов женщины и мужчины вертелись или плясали, делая иногда непристойные движения и оглашая воздух дикими взвизгиваниями.

— Как голосит больная Ульяна-то, — сказала женщина, идущая впереди других, — ядовитая змея укусила ребеночка... Поглядите-ка...

Она раздвинула ветви дерева и вошла в садик. Ульяна

— несколько времени назад всегда счастливая и улыбающаяся — сидела теперь на траве с измученным бледным лицом и впалыми глазами, из которых катились крупные слезы. На ее неподвижно простертых, как две сухие ветки, руках лежал мертвый ребенок. Сидя таким образом и глядя на ребенка, она, в избытке огорчения, покачивалась телом и что-то шептала про себя. Ее муж, стоя поодаль от нее с палкой в руке, на которой висела убитая змея, показывал ее собравшимся в кружок крестьянам и говорил:

— Убил я ее, проклятую... Сначала, как пришел с поля, и не приметил, что ребеночек неживой, думал, спит, и большая Ульяна моя спала... Только проснулась она и говорит: дай мне ребенка... с руками-то ее, сами знаете, что сделалось, свело ее руки, так и не могла сама даже взять ребенка...

— Чудотворец божий засушил руки Ульянки твоей, — раздался женский голос, — кощунница она была, а вот как бог показал власть, затихнет, небось...

— Говори, Никита, как потом было-то, — сказала другая женщина.

Никита стоял, с сожалением глядя заплаканными своими, выпуклыми, как у зайца, глазами на жену, и от волнения руки его дрожали.

— Вот как было. Положил я ребеночка на руки... Только чудный он какой-то, глаза смотрят, не двигаются. Вдруг Ульяна как закричит, и с этим вместе увидел я, как змея из под ребенка — тяфть... Убил змею-то я, только повернулся — моя Ульяна кричит: «Мертвенький, мертвенький...»

Он умолкнул, Ульяна громко зарыдала, и среди женщин начался разговор.

— Слово ей такое было... Сведутся руки — это одно, а другое — помрет ребеночек.

Другая женщина, высокая и толстая, сказала:

— Сама невеста второе-то слово предрекла... Как пописаному и пошло все... Ох, пойти рассказать кой-где по домам... Большие чудеса делаются, и кто не верит, тяжко будет тому на том свете, да и на этом... Батюшка Лай-Лай-Обдулай тысячи ушей имеет — все слышит...

— Должно, и змею он-то послал, — в раздумье проговорила низенькая женщина.

— Кому ж больше-то... Он и руки свел сквернословке, и змейку... Змея эта, полагаю, священная... Ох, пойти рассказать...

Высокая женщина быстро скрылась, но минуту спустя все услышали, как она говорила: «Слышали, чудо новое: ребенок помер Ульяны... Вот видите, сам чудотворец в душе Сусанны пребывает, оттого и состоит она при нем как бы в женах... чин такой, значит, небесный...»

На некоторое время на всем пространстве Зеленого Рая воцарилась некоторая тишина: все разговаривали о новом чуде. Скептики должны были молчать, так как их могли обвинить в оскорблении священной особы Лай-Лай-Обдулая, а это было преступление, которое беспощадно наказывалось розгами. Да и чудо было слишком явное, и «невеста бога» в воображении запуганных жителей поднялась на недостижимую высоту в ореоле чистоты и святости самого ее небесного супруга.

В это время Афросинья, глядя на плачущих Никиту и его жену и стоя посреди женщин, угрожающе проговорила:

— Не плачьте и не голосите вы, кощунники... Не гневите чудотворца — говорю вам, как бы он, батюшка, не повесил вам на шею еще каких ядовитых змеек.

Никита испуганно вздрогнул и стал тревожно смотреть на говорившую, а его жена, взглянув на свои руки, воскликнула:

— Не накликай ты на нас... Измучились мы... куда уж там нам с богом... Верю, ох, теперь верить стала...

— То-то, верить стала! — воскликнула Афросинья, поддразнивая ее. — А я так размышляю, кощунница, что тебе надо бы к самому чудотворцу на поклон, и лицо-то веселое чтоб было... еще лучше того, положить мертвенького на руки бога... как бы в дар, значит... Вот сердце-то его и смягчится, и в награду и он тебя порадует: рожать часто будешь... Хмурый лик и начальников гневает, не то что самого Лай-Лай-Обдулая...

— Хорошо рассудила Афросинья, — раздались голоса женщин, и все они начали давать советы огорченным родителям, как смягчить сердце деревянного болвана.

И по всему Зеленому Раю в это время шли разговоры о чудесах, о таинственной силе Лай-Лай-Обдулая, рассуждали также, как надо понимать слово «супруга чудотворца», и как чудотворец, будучи духом, мог сочетаться с земной девушкой. Решили, однако же, что мог, что Сусанна навсегда освятилась теперь, и ей уже можно молиться, и что когда у нее родится мальчик, то он будет богом и воцарится в Зеленом Раю, так что царству его не будет конца. И такой вздор говорили еще недавно свободные и гордые люди, не признававшие никого, кроме Бога в небесах и совести. Так они измельчали и испоптились вместе с утратой свободы и признанием над собой чужой власти и чужой железной руки. Казалось, что Парамон, став своей страшной ступней на Зеленый Рай, раздавил мозг и сердце его граждан.

В это время на крыше маленького домика, посреди двух кустов с розами, сидели, обнявшись, высокий человек с черными усиками и хорошенъкая Катя, и оба горько плакали.

— Лучше бы мне помереть, или в море утопиться, или сгореть живой, или меня чтоб укусила змея ядовитая...

Влюбленный зарыдал.

— Ты что так воешь? Еще и не знаешь, какая беда со мной, — так и не вой, Николенька... Душа и так болит... Не вой, говорю...

Она приложила пальцы к его глазам, нежно улыбаясь сквозь слезы. Это еще сильнее растрогало Николая.

— Да ты чего?

— Брошусь в море и я...

— Нет, миленький, лучше знаешь что: сломай мне палец...

Она положила палец в его руку.

— Палец твой сломать!

— Тогда я повинюсь. Слышишь ты, признаюсь я тогда...

— Зачем же ломать пальчики твои?

— Ах, дурачок! Когда поломаешь палец — вот мне уж и не страшно признаться, потому что вперед наказал, а то

воешь и не знаешь чего...

— Да у меня сердце рвется, когда вижу слезы твои, моя девочка...

— Вот и не девочка.

— Девка, дева, девочка — одно для меня...

— Не девица я, Николенька...

— Как не девица?

— Да так... как бывает.

— Всякое бывает с вами... и не разберешь, — проговорил Николай с тревогой в голосе и лице.

— Не девицей я уже стала с прошлой ночи... ей-ей, уже я не такая...

— Ой, Катя, не шути!

— Убей меня — хочешь?.. Я позволяю тебе меня убить... с удовольствием... Только что ж ты так побелел, как рубаха?..

— Холод прошел у меня в сердце от этих слов — не девица — вот и стал, как рубаха. Что ж ты шутишь? Хочешь, чтоб я бросился в море?..

— Ох, не бросайся в море... а лучше вместе будем плакать... И нисколько нет моей вины в этом, потому что, когда я плясала прошлой ночью, то и прыгнул в меня, верно, Лай-Лай-Обдулай... С Сусанной так, сказывают, было, и стала она от этого брюхата...

— Ой!..

— Что?

— И ты еще станешь брюхата...

— Ой, не говори так! — воскликнула она с отвращением.

— Что ж, с девками это бывает, сказывают люди: чудотворец в душе веселится...

— Вот-вот, Николенька... Верчусь это я, а меня что-то возносит, и не знаю, на земле, на небе ли... а потом чувствую — падаю... и уносит меня кто-то в лес... потом и совсем душа улетела — ничего не помню... а как очухалась, вижу себя в лесу под кусточками... и не девица уже...

— Убью злодея! — вскричал Николай, на мгновение принимая дикий и страшный вид.

Она молчала, закрыв лицо руками.

— Какой он собой, скажи, Катя?..

Она отняла руки от лица и проговорила:

— А черт его знает.

— Не видела?..

— Ничего не видела... а только помню, как бы... косматый.

— Косматый! — повторил он, опуская низко голову.

Она горько заплакала, и ее жених, не выдерживая ее слез, охватил ее шею руками и сам заплакал. Оба они сидели, обнимаясь, целуясь и, сетуя на проделки Лай-Лай-Обдулая, громко плакали.

На крыше соседнего дома появилась высокая девушка и, подымая руки кверху, со слезами в голосе заговорила:

— Вавила, Вавила мой, где ты — отзовись!.. Может быть, тебя волки съели, или в море утонул... Никогда я не утешусь, всегда буду думать о тебе, никогда не перестану плакать... О, Вавила, Вавила!..

— Видела я его! — вскричала Катя, освобождаясь от объятий своего жениха. — Беги ко мне, Оксана, бедная, расскажу, где Вавила твой...

С минуту Оксана стояла неподвижно на крыше, как белый столб, но немного спустя она была около Кати. Последняя стала рассказывать, что когда «косматое» оставило ее под деревом и когда она очнулась, то не знает уж, каким чудом, но увидела перед собой решетку и через нее увидела Вавилу и других пропавших людей, с цепями на ногах...

— Ох, веди ж меня к Вавиленьке! — вскричала Оксана.

В этот момент от одного конца Зеленого Рая до другого прошел громкий говор, посреди разных восклицаний пляшущих и вертящихся, ругани пьяных и бестолковой болтовни женщин:

— Начальники идут!

От крайнего дома Зеленого Рая медленно и торжественно двигалась процессия, состоящая из начальников, окруженных своими телохранителями. Впереди всех выступала огромная фигура Парамона, но он уже был не в скромном черном наряде, как раньше, а в одежде настоящего грозного пророка — в голубой мантии, спускающейся до

земли, в белой высокой шапке и с посохом в руке. Ноги его, однако же, все-таки были голыми, но он ступал своей расплюснутой ступней как-то особенно твердо и самоуверенно, точно с каждым шагом раздавливая кого-то. За пророком ступала «жена бога» в белом платье и с венком на голове. Высокая и стройная, она шла величественной поступью, своими сверкающими ярко-голубыми глазами посматривая по сторонам. За ней шел Василий и за последним толпа телохранителей, впереди которых шагал великан Герасим-Волк с розгами в руке, которые он держал, как солдат ружье.

Процессия шла торжественным и мерным шагом, и стоящие по сторонам обитатели Зеленого Рая, сохраняя почтительное молчание, снимали шапки перед «пророком» и низко кланялись до земли, а многие становились и на колени. И среди полной тишины ничего не было слышно, кроме мерного топанья ног грозных властей порабощенного кроткого стада, и с каждым делаемым шагом Парамон благосклонно кивал головой в одну и другую сторону. Каждый день, в известное время, начальники совершили свое молчаливое, торжественное шествие, чтобы приучить стадо к смирению, почтительности и к поклонам до земли. И в самом молчании этого шествия было что-то грозное, внушающее священный трепет, тем более что достаточно было «пророку» сделать мановение рукой, и непочтительный сын Зеленого Рая должен был публично, спустив с себя штаны, лечь на землю для получения назначенных ударов розгами. Герасим-Волк и Варсоний взвивали тогда кверху розги, и все видели, как тело дерзкого, извивающееся, как красный червь, начинали покрывать крупные кровавые слезы. Видя это, люди трепетали, страшились за себя, но начинали чувствовать прелест зрелица брызгающей крови среди криков истязаемого. Так был завоеван свободный Зеленый Рай, так в каждой груди были убиты счастье и радость жизни, и так в каждом сердце, точно поселившийся там отвратительный паук, стали разрастаться страх перед силой, предательство и жестокость.

По мере того, как процессия продвигалась вперед, люди

стали образовывать группы с одной и другой стороны от «пророка» и «невесты» чудотворца. Им казалось, что от этих двух лиц исходят чудесные силы и наполняют их ум мудростью. Скоро по обе стороны от «пророка» образовались длинные, бесшумно двигающиеся в благоговейном молчании хвосты людей. Парамон, видя, что вырастает с каждым днем и сознавая свое таинственное влияние на людей, испытывал радость завоевателя и пророка, и, несмотря на это, Василиса появлялась в воображении его с кинжалом в горле. На мгновение все окружающее окрашивалось кровавой пеленой, и тогда из глубины души его кто-то плотоядно кричал: «Крови! Еще крови, еще крови!..» «Ох, папаша, — проходило в это время в уме его, — Парамоша рад был бы пустить кровь из горла деток твоих так, чтобы она, доскаакав до неба, окрасила бы твой лик... Прикажи только, чтоб мертвая Василиса не тревожила пророка»... Злость в душе его росла и душила его, и что-то продолжало плотоядно вскрикивать: «Крови!»

Дойдя до крайнего дома, процессия, совершив поворот, направилась к грозному богу, перед которым трепетал Зеленый Рай. Две толпы росли с каждой минутой, образуя как бы живые крылья по обе стороны от «пророка» и его любовницы и, когда в отдалении показалось размалеванное лицо идола, из уст набожных овец стал исходить шепот:

— Лай-Лай-Обдулай, прикрой нас крылом своим.

В это время, под прикрытием наступившего вечера, две девушки, взволнивши махая руками, бежали по опушке леса к задним стенам новых строений. Катя, войдя под низко опущенные ветви дерева, раздвинула их и, нагнув голову своей спутницы, шепнула:

— Смотри!

Перед глазами Оксаны обрисовалось тесное, слабо освещенное светом висевшего фонаря подземное помещение. Бледный свет позволял видеть нескольких узников, прикованных к столбам. Вавила стоял у столба с головой, свешенной на грудь и, так как он был очень высок и силен, то на-

поминал измученного, окованного цепями, богатыря. Оксана, увидев его сквозь решетку, крикнула громким, радостно волнующимся голосом:

— Вавила, Вавила!..

Как бы в ответ на это раздался громкий звон цепей, потому что не только Вавила, но и все находящиеся там вздрогнули от радостной неожиданности.

— Оксана моя! — крикнул богатырь и, под влиянием охватившего его порыва броситься к Оксане, начал биться в цепях, желая их разорвать. И Оксана, под влиянием такого же неудержимого порыва, стала отрывать от земли решетку...

С высоты голубого неба, покрытого мириадами звезд, веяло священным миром и молитвенной радостью. Невольно казалось, что тихий ангел, шелестя над Зеленым Раem своими голубыми крыльями, призывал человека к вечной безмятежной радости в царстве света и истины, но Зеленый Рай, не видя уже Бога, падал все ниже и ниже от высокого неба в пропасть порока, зла и слез. Казалось, что незримые бичи в руках черных привидений свистели над Зеленым Раem, и под свист этих бичей опьяnelые люди носились в неистовой пляске.

С зажженными факелами в руках, нагие люди — мужчины, женщины и старики — носились вокруг деревянного бога. Свет факелов бросал красные цвета на их сладострастно смеющиеся лица и похотливо изгибающиеся голые тела. Дикие взвизгивания вырывались из их уст, смешиваясь с частым притоптыванием ног и короткими фразами, произносимыми речитативом. Никого не осталось в маленьких домах, так как и самые неблагонадежные не решались оскорбить грозного деревянного болвана.

Огромное живое кольцо, блистающее при свете факелов голыми телами, носилось с дьявольской быстротой вокруг дерева. Это был какой-то живой светящийся вихрь с блистающими среди него, безумно смеющимися лицами, и шум, производимый ими, напоминал шум крутящихся ли-

стьев среди рева и свиста бури. Голые руки то сцеплялись одни с другими, то взвивались кверху, и там как бы плавали в воздухе, в то время как головы запрокидывались и ноги взвивались, как у лошади во время галопа. И скоро обезумевшие люди, носясь вокруг бога еще с большим неистовством, начали припевать:

Лай-Лай-Обдулай,
Распахни нам двери в рай.
Мы тебе несем цветы,
Сердце на крючочек,
Чтоб его повесил ты
В небе на цепочке.
Лай-Лай-Обдулай,
Распахни нам двери в рай.

В это время великан Вавила бежал с быстротой оленя, убегающего от мчавшейся за ним стаи волков, — от новых строений, мимо Дерева совещания, — в лес. За его ногами волочилась и подпрыгивала, ударяясь о камни, железная цепь, производя сильный звон. Увидя неистово пляшущий Зеленый Рай, он приостановился на мгновение и в чувстве отчаяния закричал:

— Пропал наш Рай Зеленый и все люди, вижу, козлами сделались... рогами сцепились и кружатся... Догоняй-те теперь, черти, не поймаете...

Снова раздался звон цепи, волочившейся за человеком, побежавшим в лес.

Обезумевшие люди не видели его и продолжали носиться вихрем, хотя из их кольца женщины, одна за другой, теряя сознание, падали на землю, и их сейчас уносил кто-нибудь под молчаливые древесные ветви. Катя опять плясала, и опять с ней случилось несчастье: потеряв сознание, упала кому-то на шею, и опять не знала, кто унес ее...

Три бюрократа торжествовали: Зеленый Рай пропал.

— Братцы, миленькие, веселится душа моя пророческая, ибо вижу я — чудотворец Божий простер руки свои над народом моим, и покорным сделалось стадо... пляшет, веселится, и блаженно оно, потому что пастух его — я.

Сидя за столом в круглой комнате, освещенной светом свечей, Парамон с последним словом поднял руку над головой, и впалые губы его дрогнули от глумливого смеха.

— Ты — пастух божий, братец миленький, я же — военачальник, — гордо проговорил Василий.

— Ты моя правая рука, и может ли рука протянуться влево или вправо, когда разум приказ отдает: не смей?

— Вышло так, Парамон милый, что я начальник — руки твои, — проговорил Василий, и лицо его сделалось бледным от сдерживаемого гнева.

— И ноги, Васенька... когда пророк опереться хочет, тогда ты — ноги... как посох мой, или палка, когда пророк шествует... и безгласны они, ты же пререкаешься...

— Нельзя стерпеть обиды такой! — вскричал Василий, еще сильнее бледнея и сверкая глазами.

— Должен все сносить, Васенька. Пророк божий я... Чего хочешь?.. — тихо проговорил Парамон, в свою очередь тоже бледнея от злобы, которая, как две маленькие змейки, сверкнула в глазах его. Однако же, он был тих и ласков, несмотря на злобу, и это было самым зловещим признаком: он выжидал времени, чтобы смертельно ужалить брата.

— Зачем так — сносить должен я? — заговорил опять Василий. — Люди меня слушают... Что ты все хвалишься: пророк — пророк... на груди ножичек держишь всегда... в крови сам, знаю... Василисина кровь брызнула на тебя, как роса, полагаю... не боюсь я тебя...

Парамон страшно побледнел, но ответил с величайшим спокойствием:

— Бог убил ее... не я...

— Бог...

— Лай-Лай-Обдулай шепнул мне: «Пророк, убей кощун-

ницу, хулит меня, бога, и поносит...» — Парамон окончил совершенно равнодушно и с оттенком презрения проговорив: — Я и вонзил ей кинжал в горло...

— В горло? — переспросил Василий с чуть заметным содроганием, в то время как Петр сидел, как мертвец, — бледный и неподвижный.

— В горло, Васенька милый, в горло.

И два зрачка его глаз уставились на горло Василия, в то время как по губам пробежала таинственная и тонкая улыбка и в уме ярко предстала картина ножа, вонзающегося в гортань Василия.

— Васенька, миленький, всегда так-то я слушаюсь бога... в душе он моей, потому и пророк... шепчет, к примеру сказать, убей...

Он не договорил.

— Что ж ты на горло мое уставился?

— Так себе...

Он ласково засмеялся и вдруг громко заговорил:

— Вавила-то убежал с цепью, как пес злойший, крамольник... Что ж, Васенька, команда твоя проглядела?

— Изловим... тысячи розог отмахаем, потом и голову с плеч... Чтоб боялась тварь всякая меня, начальника.

— То же и я говорю... между прочим, скоро вот заповеди свои дам... я Моисей второй... Двадцать их будет счетом, а у еврейского пророка их было только десять, а потому я вдвое больше его...

Голос его зазвучал силой и, сидя на месте, он вдруг как бы выше сделался. Идея, что он настоящий пророк, все более овладевала им, наполняя его все большей гордостью и самомнением и как-то рассеивая неприятное сознание, что он сам сколачивал бога из досок. Однако же, он не только хотел быть посланником небес, но и грозным властелином Зеленого Рая и, так как Василий имел свои собственные претензии в этой области, то бессознательно для себя подставлял свою грудь под удар ножа из рук «пророка». Ненависть, к тому же, начала уже давно свивать свое гнездо в душе «посланника небес».

— Почему так — двадцать заповедей хочешь дать нар-

ду, Парамон милый? — наивно спросил Петр.

— Потому что не десять, — ответил «пророк» с кривой улыбкой. — Между прочим, Петр любезный, правильно ли оброки поступают в казнохранилище, и особенно с продажи нитей?

— Правильно оброки поступают, — отвечал Петр, и глаза его засверкали жадным блеском. — Ключ у себя на груди я храню и каждую ночь считаю денежки... Особливо много поступает от продажи крепкого напитка из России. Бараны, ослы, вещи всякие и даже один верблюд был у меня... Все обмениваю на деньги...

— Копи, копи, брат любезный... Скоро приказ отдам целиный дворец выстроить...

— Как дворец? — испуганно воскликнул Петр.

— Как так?! Шутишь, Парамон милый, — цари мы, что ли?! — воскликнул Василий бледнея.

— Сусанна — жена бога. Сам Лай-Лай-Обдулай веселится с нею, а посему жить ей, полагаю, надо во дворце... Для народа надо, собственно... Ничего, соорудят... Ты, Петенька, не бойся, казна будет большая у тебя... Все земли прикажу вот отнять, окромя сколько надо для прокормления, а лишние считаться будут за чудотворцем... Священная собственность Лай-Лай-Обдулай... Что так побледнел, Васенька, милый...

— Для девки-то дворец...

— Жена бога — девка эта... неуважительно не отзывайся...

— Брюхата она... это кто же ей?..

— Лай-Лай-Обдулай, — ответил с серьезным и важным видом Парамон, в то время как в глубине глаз его что-то смеялось.

Петр и Василий изумленно и испуганно начали вглядываться в Парамона, испытывая безотчетный страх и не зная, что им думать, так как уверенный тон «пророка» и его дерзкая ложь совершенно спутывали их мысли. Не говоря больше ничего, все три брата смотрели друг на друга, как вдруг раздался старческий, дрожащий и жалобный голос:

— Осип, Осип, я за тобой, сейчас... дай только куртку

одеть серую... шапку и цепи... Вот-вот, обулся и оделся я... как когда в тюрьме с тобой сидели... цепи, Осип милый, я всегда хранил по твоему приказу, чтобы не возноситься перед людьми... помнить, между прочим, что мы каторжники... Да не уходи, Осип!.. Да постой... да куда же ты?.. Темно в глазах моих без тебя... между прочим, черные крысы точат мое старое сердце... Вот и одет совершенно... Иди же, милый Осип... я за тобой в пустыню на небо... Чтобы ни одного человека... Все небо завоняет от смрада, если человек там... Вдвоем с тобой будем, милый Осип... и женщин нам не надо... Брысь, цепкие кошки!.. С вами одно горе... Прицепитесь к сердцу и не отцепить... расплодите опять людей... небо все и завоняет, как Зеленый Рай... Вот я какой ветхий старец, а соблазнили меня, нацепив звезду на лоб... С тех пор сердце мое грызет крыса черная... кши... окаянная... я не кормлю тебя больше младенцами... Слезы мои расплющивают и камень... а они на совесть падали: как же ей не заголосить... Милый брат, пожалей меня: скажи Богу, чтобы он разогнал моих крыс... Ну, миленький, доскачем как-нибудь с тобой до неба, а там я пожалуюсь Богу на сыновей, они просверлили мне сердце, милый Осип, а говорили, что я буду пить мед... Все-таки мне жаль Зеленого Рая... Со всех деревьев слезы капают, милый Осип... А все же, между прочим, подожди... я за тобой, миленький....

Три брата стояли неподвижно, прислушиваясь к жалобно звучащим словам старца и глядя на маленькую полуоткрытую дверь, за которой в небольшой комнате всегда спал Демьян.

Раздался звон цепей, и в дверях показалась маленькая, сгорбленная фигура старца. Три брата продолжали стоять неподвижно, глядя на отца с удивлением и любопытством.

Он был одет теперь, как арестант, — в серые, суконные штаны и куртку с бубновым тузом на спине, на голове его была круглая шапка и на ногах — заржавленные цепи.

Перегнувшись спиной и нагнув голову, он смотрел в одну точку, так как видел призрак своего брата перед собой, и из глубины его глубоко ввалившихся глаз смотрело что-то могильное, темное и глубоко тоскливо. Тысячи морщин

задвигались по его лицу, рот раскрылся, и он снова заговорил дребезжащим, жалобным голосом:

— Милый брат, что ж ты так головой киваешь... Виши я какой... арестантником на небо снарядился... Господь любит гонимых, удрученных, плачущих... Слезы мои упадут с неба в сердца моих сыновей... Нет, их нельзя разжалобить... Вонзили они клыки кабаньи в наш цветущий Зеленый Рай, и рвут сердца правнуков... кровью поливают нашу землю, а деревянного идола кормят мясом человеческим... Ну-ну, я знаю, как поступить: я явлюсь в Зеленый Рай, я... га-га-га, люди милые, вас бьют скорпионами и говорят: это слово от бога, в ваше горло вливают содомский напиток и кричат: пляшите, бог любит блуд... в ваше сердце вцепилась черная кошка и мозг высасывает паук... Спасайтесь, спасайтесь... Вот я проберусь на небо и брошу веревку в эту яму... цепляйся, кто может... Что же вы, оглохли, что ли? А может быть, стали вы уже перевариваться в брюхе трех больших тарантулов... Осип, Осип, помоги мне их вытащить... тяни, тяни... да хорошенько, да проворнее... Оборвалась веревка — нет спасения... В огне пылает Зеленый Рай, и на спинах внуков пляшет большой дьявол с рогами... Осип, разве ты не видишь, что все бесы — полицейские... Вот отчего пропал Зеленый Рай... Я всегда боялся полиции, потому что их законы — крючки, за которые они прицепливают невинных... Нет, этот большой гвоздь никогда не вырвать из моего сердца... оно вытекло слезами... Так мне жаль Зеленого Рая... Пропал, пропал, пропал!..

Старик заплакал тоненьkim, жалобным голосом, раскрыв беззубый рот, все тело его начало вздрогивать, и цепи стали издавать слабый звон.

Три брата продолжали стоять неподвижно, вслушиваясь в его странные слова — здравые суждения, перемешанные с бредом и безумием. Петр смотрел на отца с растроганным видом и жалостью, Василий с выражением одного глубокого удивления, а на бледном лице Парамона отражался глубокий сарказм, царивший в его душе. Полюбовавшись видом плачущего старца, младший сын его выступил вперед и сказал:

— Несуразно говорите все, родитель почтенный. Бог челобитной не примет от беглого каторжника, я уж знаю... Потому пророк я божий... Что думаете? Хорошие законы даю людям, — болтаете зря на пророка, и за это как бы вас Создатель не прицепил за белую бороду к рогам Сатаны, — так и будете носиться с ним. Магомет второй, вот кто я... а что кровь льется — один пустяк это... Сам отец небесный пьет ее из золотой чаши, такой большой, как море, и ангелы в это время поют: свят-свят-свят...

Оба брата невольно содрогнулись, так как эти кощунственные слова усиливались необыкновенно глумливым тоном Парамона и выражением злого сарказма, отразившегося на его бледном лице.

Отодвигаясь маленькими шагами от Парамона, старец, с испуганным и плачущим лицом жалобно заговорил:

— Что ты за человек? Кто такой? Не сын ты мой. Я пожалуюсь... Я не хочу... Моя баба не должна была шептаться с дьяволом, чтобы обдуть меня: я знаю, ты вышел рогами вперед и разорвал ей утробу... Что ты сделал с Зеленым Раем?.. Ты ударил рогами в мое сердце и просверлил мозг, потому что я в безумье поднял нож, и вот свобода Зеленого Рая лежит, как красная тряпка, — в крови... Намажь свое лицо кровью, слышишь: будут бежать от лютого зверя... А то сладко поешь... Не надо надевать совесть на уши, как колпак с колокольчиками... Разрезать совесть на кусочки, посолить ее и съесть — для тебя забава, а на земле — пожар... сколько ни падает слез с неба, не залить его... Спрячь свои клыки в брюхо, — я говорю тебе... Эй, прочь! Дай дорогу... Я арестант у Бога... Таким и предстану на небо... с цепями... Помилуй меня, Господи... Нет, я должен закричать в Зеленом Раю: пожалейте старца Демьяна, пожалейте, пожалейте!..

С испуганным, плачущим лицом и размахивая руками, он побежал к двери. Парамон, ступив несколько шагов, охватил его шею руками и слащавым голосом заговорил:

— Стой, родитель почтенный... А то вы народ мой взбунтуете... Арестант подлинно, и мы вас свяжем...

— Отпусти-ка родителя... задушишь никак, слыши, —

сказал Василий, положив руку на его плечо и глядя ему в глаза.

— Пусть идет, — сказал Парамон, страшно побледнев, и в его глазах, казалось, сверкнули две злые змеи.

Старик убежал, звяня цепью, а Парамон и Василий пристально уставились в глаза друг друга. Вдруг «пророк», сделав страшное усилие над собой, засмеялся и сказал:

— Васенька, милый, что так смотришь на меня пристально... Думаешь, осерчал я... Куда там!.. Против тебя никаких ножичков на сердце не держу... Ну-ну, смотри...

Он опять стал смеяться ласковым смехом; только смех с каким-то зловещим звуком вылетал из его дрожащих губ, и зрачки его глаз уставились на горло Василия.

XIII

Величественная, бледная и задумчивая луна озарила Зеленый Рай. Люди после ночной оргии и пьянства лежали на кровлях, в садах и на улицах и бормотали что-то. Деревья в желто-бледном сиянии величественно молчали, и гигантский орешник снисходительно простирая свои руки над деревянной головой могущественного Лай-Лай-Обдулая, разрисованная рожа которого в желтом сиянии луны казалась особенно бессмысленной.

Разбросав руки и уйдя лицом в траву, около красного «ада» лежала «супруга высокого» и горько плакала. Тело ее подымалось от рыданий, и шевелился золотистый круг ее разбросанных по земле волос. Уже много ночей, как она приходила сюда вопрошать «высокого»: обвиняет ли он ее, что она первой бросила камень в голову преступника, поносящего бога, или, наоборот, одобряет. Был и еще один бог — в глубине ее сердца, — совесть, и этот бог беспощадно терзал ее. Исполосованный бичами, окровавленный человек постоянно являлся ей, она видела камень, летящий из ее руки в его голову, и ее охватывало чувство глубокого сожаления, и слезы лились из глаз ручьем. Единственное,

что ее могло бы утешить, это уверенность, что она должна была бросить камень в его голову во имя великого Лай-Лай-Обдулай, но солнцесияющий молчал, бессовестно молчал уже столько ночей, несмотря на все слезы своей рыдающей «супруги».

«Ты знаешь сам, великий муж мой, я и жука не могла бы раздавить без жалости, а раз когда-то я нечаянно поломала крыло птички и плакала целый день... И вот, по силе горячего чувства к тебе, мой Лай-Лай-Обдулай, я бросила камень в голову избиенного, красного от крови человека, и убила его... И глаза его с укором смотрят в мою душу, и я не могу их забыть...»

Слезы ручьем полились из ее глаз, тело начало сотрясаться, и она не могла продолжать своей речи. И теперь ей казалось, что в душу ее опять смотрят большие, кроткие, укоризненные глаза и вызывают в ней боль и мучение, и из глаз — слезы. «Видишь, какая я, видишь... и думать не могу о нем, мне жалко-жалко-жалко... а тогда во мне был огонь какой-то, рука стала железной, и я бросила камень, как ты, мой Лай-Лай-Обдулай, бросаешь молнию с неба... Я думаю, ты тогда влетел в меня, и вот огонь был...»

Она не договорила, так как в этот момент из глубины брюха чудотворца послышались слова:

— Сусанна, слышишь меня? Внимай, но не смей смотреть: вид солнцесияющего сожжет тебя, внимай!..

— Внимаю я! — восхлинула она восхищенным голосом, не смея поднять глаз. И слова такие послышались:

— Вот ты много ночей вопрошала меня, но я, «высокий», не отвечал тебе — хотел знать, как ты меня любишь. Теперь вижу, много любишь, и как ты убила для меня кошунника, опять вижу, много любишь. Всегда убивай поносящих меня, Лай-Лай-Обдулай, и об убитом не думай: залечил я небесной травой все его раны, и он теперь в небе плавает с ангелами. Камень бросил твоей рукой я, светлый Лай-Лай-Обдулай. Не думай, а только верь, Сусанна, убивай всегда поносящих меня, и не думай, а верь. Убивай в сердце кинжалом, который я бросил с неба, и вонзился он над головой твоей. В груди твоей будет мой огонь и мой

свет. Верь, Сусанна, и не думай, и рука твоя — моя молния.
Лай-Лай-Обдулай — я. Встань и бери кинжал твой, так го-
ворит плящущий с тобой; Лай-Лай-Обдулай — я!

Сусанна поднялась, восхищенная и сияющая, и, увидев маленький кинжал, вонзенный концом в землю, вынула святыню одним движением руки и, сверкая глазами, приложила его к губам своим. Потом она взмахнула кинжалом в разные стороны, как бы поражая всех, поносящих «высокого» и, подпрыгивая от восторга, быстро направилась в лес.

И, едва она скрылась, как из-за дерева выскочили с громким смехом, со взбившимися на голове волосами, две старухи. Посмотрев друг на друга, они захотели и, удалив в ладоши, с быстротой вихря стали плясать вокруг дерева, оглашая воздух дикой песней:

Лай-Лай-Обдулай,
В поле зайчик скачет,
С пляской мы внесемся в рай,
Сатана заплачет.

То-то радость, то-то честь:
За небесным пиром
Будем с Богом пить и есть,
Объедаться жиром.

Лай-Лай-Обдулай,
Ай-люли, ай-люли!
Распахнешь нам светлый рай,
А неверным — дули.

— Слыши ты, диво какое! Сказывают, старец Демьян в лесу пропал...

— Слыхала я. Вот для него и в лес иду. Любопытно посмотреть.

— Сказывают, одет он, как колодник. Это слыхала?

— Что ж, обезумел он разве?

— Может, и обезумел.

Разговаривая таким образом, две женщины шли среди густого леса, посреди вереницы крестьян. Сзади всех шла Сусанна с задумчиво опущенной головой, в белой одежде и с кинжалом на груди. Многие, оборачиваясь, посматривали на нее с любопытством и страхом. В глазах всех она все больше делалась непонятным, загадочным и опасным существом, имеющим какие-то таинственные сношения с небесной силой. Несмотря на свое восторженное состояние, мгновениями ум Сусанны озаряла ужасная истина, но она, делаясь бледной, как мертвая, сейчас же силилась рассеять ее и разогнать всякое сомнение в реальности Лай-Лай-Обдулая и его бесед с ней. Она делала это инстинктивно, понимая, что рассеять все эти различные обманы означало для нее сорваться в глубочайшую пропасть и разбиться на куски.

Долго шли люди по лесу, как вдруг все остановились на маленькой поляне, глядя на кровавое, мертвое тело человека и белого старца. Последний сидел около мертвого со склонившейся на его грудь головой. Распадавшаяся от ветхости одежда колодника и цепи на ногах придавали ему странный и еще более жалкий вид. И долго старец сидел так неподвижно, что и его можно было принять за мертвеца, и только когда пришедшие люди подошли к нему, образовав круг, он поднял голову и мучительно задвигал ею. Лицо его было в слезах, губы страдальчески раздвинуты, и из глубоких глаз смотрела угасающая, грустная жизнь. Посмотрев вокруг на собравшихся людей, он вдруг заговорил слабым, дрожащим голосом, нежно проводя рукой по лицу мертвеца:

— Видите, как избили его, глядите... вот я вам покажу... да подойдите сюда, подойдите...

Дрожащей рукой он стал манить к себе окружающих его людей и, когда последние подошли совсем близко, старец продолжал прерывающимся, жалко дребезжащим голосом:

— Вот здесь его били... Смотрите, как глубоко врезывались прутья... а здесь мясо вырвано... О, я знаю, как это больно... Я знаю, для чего делают это злодеи-начальники и палачики разные... тсс... чтоб никто не слышал, я на ухо

вам шепну: вместе с кусками мяса на теле вырывают из сердца наших богов Зеленого Рая — свободу и совесть. Вот в чем штука... Я хорошо это помню... хотя очень я стар и ум ослаб мой... сколько мне — за сто лет или за двести — Бог один знает... Изменила мне память... Где я и кто вы такие?.. Может быть, я уже на небе и там выросли зеленые деревья, как в Зеленом Раю... где же Осип?..

Он стал оглядываться вокруг себя и вдруг, уставившись в одну точку, некоторое время оставался неподвижен, походя на труп.

— Нет, вы им не верьте... Вот штука какая... Все эти бичи и батоги, лозы от деревьев и кнуты — все это штуки господина полицеймейстера... ваше высокоблагородие, помилуйте, зачем же древесной лозой вы сечете счастье наше, радость сердца нашего, совесть, которая в нас от рождения?.. Вы хотите посадить свободу на цепь, как дворовую собаку... Нет, не верьте, это вовсе не по полицейскому приказу солнце светит на небе... Квартальный погасил все звезды на небе, а в нашей тюрьме — фонари... а городничий приказал луне светить одним губернаторам... ха-ха-ха!.. Вот почему нас бьют палками: досадно их высокоблагородиям, что и у нас, арестантиков, у нас, гонимых и болеющих сердцем, и у нас глаза, у нас уши, и у нас совесть, и у нас свобода... Брысь, серая кошка, ты все сало себе забрала, надо и котятам оставить... Все себе, все себе... а нам, бедненьkim, палки, да цепи, да мозоли на руки... Ваше высокородие, вы всю спину мне исхлестали, а грамоте все-таки не научили... Кровавый пар поднялся в сердце от ваших розог... щекочет русской кровью в носу... и в глазах младенцы пляшут в кровавом паре... Этот полицейский не встанет, чтобы меня бить... Топором я рассек ему голову... А все-таки, земля Божия... Кто сеет, тот и косить может... а все мимо рта, мимо рта... один ветер свистит в мужицком брюхе... а у вас, ваше высокородие, так отвисло оно, что только два гренадера могут поддерживать вашу честь... Тсс... Осип, бежим в пустыню... Я распорю брюхо полицейскому, и ты воткни только нос: такая вонь, милый Осип, что в пустыню, в пустыню, в пустыню...

Он взволнованно поднялся с места, как бы приготовляясь бежать, но вдруг, приложив руку ко лбу, задумчиво стал смотреть на мертвого.

— Нет, миленький, я тебя не оставлю, — воскликнул он, падая снова на тело мертвеца, и слезы опять полились из его глаз ручьем. — Люди, смотрите, смотрите, здесь были глаза, их выклевал коршун, здесь было его сердце, а теперь остановил его злодей, убийца, палач... навсегда, навсегда... Я помню, у него было молодое, гибкое тело и добрые, кроткие глаза... Потух свет его, а это тело, смотрите, как оно исполосовано, избито, облито кровью и неподвижно, как камень... Люди, что же вы не плачете, а? Разве у вас нет глаз, чтобы плакать?.. Ведь это палач вырвал из вашего сердца кусок мяса... а, как думаете? Свободу облили кровью, и вот ее здесь труп. Как можно не плакать! Так пусть же деревья плачут, пусть ветер плачет и поет песню, пусть с неба падают слезы и омоют его раны...

Он упал головой на труп и затих и, как бы в ответ на его слова, кто-то зарыдал.

Старик поднял голову, уставив зрачки грустных глаз на Сусанну, которая, стоя на коленях со свешенной на грудь головой, горько плакала. Все тело ее вздрагивало от рыданий, и по золотистым нитям волос, падающих с головы по лицу к земле, катились слезы, точно сверкающие дождевые капли на ветвях плакучей ивы.

— Дитя мое, кто ты такая? Не отвечай... Я тебя узнаю... Ты ходила по небу, когда я с Осипом сеял хлеб... Между прочим... чего ты плачешь... Плохо в Зеленом Раю... Пахнет кровью наша земля... Между прочим, я, арестантник, должен собираться в дорогу... Через воздух, значит, к звездочкам... Обо всем отрапортую ангелам... я, ваше высокородие, основал Зеленый Рай... да вот его волк слопал... Не обессудьте арестантника... довольно били его на земле... Между прочим, мне пора на небо... Прощайте, детки мои, прощайте, детки мои...

Лежа на траве с запрокинутой, лежащей затылком на груди мертвеца головой, он стал вытягиваться, вздрагивая всем телом и глядя на небо.

— Помирает прадед-то наш, пойти начальникам сказать, — шепотом проговорил кто-то, и некоторые стоящие здесь повернулись было, чтобы уйти, как вдруг откуда-то показался великан в изорванной одежде, страшно обросший волосами, и с волочившейся цепью на ноге. В руке его была дубина и, перебегая поляну, он моментами приостанавливался, угрожающе помахивая ею над головой. Бежавшие за ним, чтобы его схватить, Герасим-Волк и Варсоний, добежав до группы людей, остановились, удивленно глядя на умирающего старца.

— Вавиленька, милый, беги, беги, как можешь скорее! — раздался голос и на поляне показалась высокая фигура Оксаны. Не обращая внимания на стоящие группы людей и глядя только на Варсония и Герасима-Волка, она с негодованием проговорила: — Ах вы, бесстыдные люди! Прислужники черта вы этакие, без чести и совести. Вы злые волки, когда бежите за слабым, и лижущие руки псы сильным злодеям нашим. Что вы гонитесь за человеком, ни в чем не виновным, по лесу, как за оленем стая волков... В лесу и звери имеют норы свои и птицы гнезда, а нам негде от вас спрятаться...

Слезы брызнули из ее глаз, и она произнесла последние слова рыдающим голосом. И добре лицо ее дышало такой грустью, и в осанке ее высокой фигуры было такое благородство, что присутствующие, отведши свои взоры от лица умирающего, стали смотреть на Оксану, а Сусанна, стоя на коленях, зарыдала еще сильнее, и чуть слышним шепотом произнесла:

— О, сильный мой невидимый муж, видишь, какая я слабая, видишь... мне всех жаль... не могу я сладить со своим сердцем...

— Молчи, молчи, — угрюмо глядя на Оксану, проговорил Варсоний, в душе которого происходила борьба совести с желанием исполнить волю начальников и сделаться самому бюрократом. Один Герасим-Волк, оставаясь спокойным и с животным смехом глядя на Оксану, ворочал в своих пальцах дубину, так что она вертелась, как мельничное крыло.

— Га-га!.. Ты, я вижу, одной масти с ним, и я бы вас обоих готов поволочить на веревках к сатане в огонь... Ты такая проклятая, что даже не видел я, чтобы хотя пила российское вино или плясала перед богом... а его такие веселят высокие девки... я сам, Герасим-Волк, сцапаю тебя, поломаю косточки и съем...

В глазах его сверкнуло плотоядное пламя, и Варсоний, приказав ему молчать, угрюмо сказал Оксане:

— Вы оба не почитаете бога, и я не видел, чтоб ты плясала когда-нибудь...

— Я только Богу молюсь, Который на небе, а ваш бог — деревянное пугало...

— Как ты сказала? Как?!.. — воскликнула Сусанна, вскачивая с колен с лицом, сразу сделавшимся белым, как белый воск, и с глазами, загоревшимися негодованием. В этот же момент все увидели, что в руке ее сверкнул маленький кинжал. «Прости, великий, прости, что жалела эту поносительницу твою... О, ты теперь вошел в меня, вошел, ибо чувствую, как ты подымаешь руку мою».

С этими мыслями, пробежавшими в голове, «жена бога» в несколько прыжков подскочила к Оксане, блестая над головой кинжалом.

Оксана, удивленно и испуганно глядя на нее, твердо ответила:

— Кукла деревянная он, и Бог, Который в небе, накажет вас всех, что вы убиваете людей за чучело...

— Умри лучше! — дико вскричала Сусанна, мраморно-белое лицо ее казалось озарившимся светом сверкнувших из голубых глаз молний, и в один прыжок она подскочила к Оксане, устремляя на нее кинжал.

— Я тебя боюсь, ты безумная! — И с этими словами Оксана испуганно побежала от нее по направлению к толпе.

— Не уйдешь ты от стрел грозного бога...

Сусанна побежала за ней с поднятым кинжалом и, едва ее жертва добежала до группы изумленно смотрящих на все это людей, ударила кинжалом в ее спину. Оксана, не издав и звука, повалилась на лицо мертвой, и по спине заструилась кровь.

И воцарилась тишина, и эта тишина была изумление, и в этой тишине чувствовался ужас. Ужас отражался на лицах людей, глаза которых неподвижно уставились на убийцу. И умирающий старец, ужаснувшись наступившей мертввой тишины, оторвавшись от неба, уставил зрачки своих потухающих глаз на убийцу.

Она стояла в оцепенении своего дикого вдохновения с окровавленным, поднятым в ее руке кинжалом, и глаза ее неподвижно смотрели на рану на спине убитой с текущей из нее кровью. И по мере того, как шло время, ярко светящиеся глаза ее начали тухнуть, как море, по которому проносятся тени, по лицу стала пробегать нервная дрожь, и вдруг,роняя кинжал, она упала на землю и истерически зарыдала. Тело ее вздрогивало и подымалось кверху, и пальцы рук, простертых над головой, конвульсивно рвали траву и вцеплялись в землю.

И среди мира природы ничего не было слышно, кроме крика рвущегося в мучениях человеческого сердца.

Зрачки умирающего, не отрываясь, смотрели на рыдающую убийцу, и он прошептал прерывающимся голосом:

— Дитя мое...

Сусанна подняла голову.

— Зачем ты убила эту девушку?

Пытаясь что-то сказать, она только задвигала головой: слезы сдавливали горло, не позволяя говорить. Наконец изо рта ее жалобно вырвалось одно странное слово:

— Лай-Лай-Обдулай!..

Слово это дико и страшно прозвучало в воздухе, и опять наступила тишина. И умирающий, содрогнувшись в предсмертном трепете и устремив глаза на небо, в тяжелом недоумении прошептал:

— Лай-Лай-Обдулай... кто это, кто?..

Он смотрел потухающими глазами на небо с выражением мучительного недоумения, и его губы что-то шептали. Там, вверху, была вечность, и оттуда с голубой бездны смотрела вечная тайна, но никакого Лай-Лай-Обдулая. И, складывая коченеющие руки на груди и вытягивая ноги с зазвеневшими цепями на них, он все продолжал смотреть на

небо, и, желая разрешить причину ужаса жизни, он со страшным предсмертным сарказмом еще раз повторил, как бы жалуясь Богу:

— Лай-Лай-Лай!..

Сделавшиеся как бы стеклянными, глаза его с выражением мучительного вопроса смотрели на небо, но молчало небо, храня свои вечные тайны, а страшное слово «Лай-Лай-Обдулай» снова прозвучало в воздухе из уст всех присутствующих, и на лицах их был ужас. И казалось, что слово это отозвалось в дуновении ветра, в крике пролетающего над землей орла и в шепоте еще кого-то, парящего под небом. И это было страшное слово, потому что в нем слышался отголосок звона всех цепей, которыми оплетали человечество, потому что в нем слышались стоны и вопли гонимых, преследуемых учеными, судьями и палачами, в нем звучали слезы убиваемых, все травли, которые воздвигал брат на брата, и в нем слышалось торжество победителей, приготовляющих виселицы и оттаскивающих ножи. Разгадка всей этой ужасной трагикомедии человечества не в злой воле Сатаны и не в велениях Рока или каких-либо таинственных титанов, а в бессмыслице, покоряющей человечество, которую «пророк» Зеленого Рая назвал грозным Лай-Лай-Обдулем.

XIV

Огромный, шевелящийся веер, состоящий из живых людей, решительно всех обитателей Зеленого Рая, двумя своими крыльями примыкал к орешнику. Внизу, около «пылающего ада», под ногами чудотворца, стоял черный гроб с телом старца Демьяна. На голове мертвеца была арестантская шапка, на ногах лежали цепи, и одет он был в штаны и куртку колодника. Руки его были сложены на груди, и в окоченевших пальцах находилась маленькая статуйка Лай-Лай-Обдулай. Впереди гроба и лицом к толпе стоял «пророк» в белой одежде и с белой шапкой на голове. По одну сторону от него стояли Василий и Петр, а по другую «супру-

га бога», одетая, как и «пророк», в белое длинное платье, с венком из роз на голове и со сверкающим на ее груди кинжалом. На ее бледном лице отражалась дикая решимость и роковая экзальтация, царившие в сердце.

Благоговейное молчание нарушалось только как бы укоризненным лепетом листьев орешника, который простирали свои гигантские ветви над начальниками и их деревянным кумиром. Все ждали «мудрого пророческого слова» от Парамона, на него только были обращены все взоры, и «пророк», вдохновляясь мыслью, что он избранник небес, с неожиданным вдохновением одним порывистым движением поднял руки над толпой, так что концы его мантии взлетели влево и вправо, точно крылья архангела, и громко загласил:

— Мир вам, и ликование, и радость да войдет во всякое сердце.

Он постоял с минуту и, опуская руки и указывая на гроб, громко продолжал:

— Великий праотец ваш в гробу, старец почтенный, перед которым тварь всякая падала ниц, а я вот, пророк и сын его, возглашаю: радуйтесь и ликуйте. Вы, неразумные, пугливо смотрите и глупо думаете про себя: нам плакать надо и вздыхать, а великий пророк приказывает нам ликование иметь. Да, скучные разумом и верой: приказываю, ибо я сам видел, как светлый Лай-Лай-Обдулай возносил дух родителя на своих руках в свои небесные комнаты. Наш двухсотлетний старец не человек уже, а светлый бог, а я, сын его, — начальник веры и светлый пророк, тоже как бог, значит, — вот это в разум заключите свой и держите крепко... Вера, вера, люди, одна она отомкнет двери всяких райских комнат... Слушайте, какое еще чудо вышло, слушайте, трепещите и ликуйте, ибо великое чудо. Прежде, однако же, посмотрите в сей гроб... кто лежит там?.. Колодничек будто, арестант... Да не пугайтесь, самые робкие пусть дерзость имеют заглянуть в гроб...

Толпа задвигалась и, так как любопытство — очень сильное чувство, то, несмотря на робость, которая всех заставляла быть подальше от начальников, обитатели Рая стол-

пились вокруг гроба, удивленно глядя на «арестанта», лежащего там. Вид мертвого произвел на всех ошеломляющее впечатление, но, несмотря на это, когда им приказано было стать на свои прежние места, они испуганно отскочили от гроба и на приличном расстоянии стали слушать страшное вранье «пророка».

— Вот что ужаснуло даже меня: едва родитель наш стал отходить в свой царский дворец на небесах, как, смотрю, ангел около него... держит ангел в руках одежды его ветхие, в которых он когда-то был, как вы слышали все... колодников мы потомки... То же самое и цепи держит ангел... И одел на родителя моего посланник Лай-Лай-Обдулай одежды эти и цепи, и в руки его вложил пергамент с письмами. Тогда я возопил громко: «О, скажи мне, посланник великого Лай-Лай-Обдулая, для чего это родителя отходящего моего ты облачил в одежды постыдные арестанта и наложил цепи на него, и вложил в руки письмена?» И вот ангел ответил: «Пророк, пророк, вложи это слово в разум свой: как на земле, так и в небесных комнатах меньшие арестантики перед большими и колоднички в цепях. От начала бытия порядок такой, и сам Саваоф начертал закон сей молнией на небеси; цепи малым сим для мирового порядка, и бичи и ножички в руки стоящим выше над ними опять для мирового порядка. Не надевающий цепи на себя и не берущий плетки в руки для назидания меньших — анафема, и хор ангелов поет над таким сыном смердящей крамолы: анафема, анафема. Вложите же теперь в скудный разум ваш свет, пролившийся из уст ангела: почтенный старец наш ходил здесь в ризах белых, как я, потому сияние бросает на нас Лай-Лай-Обдулай и дает власть над тварями, и вы все перед нами — арестантики в цепях, но вот высокий взял его к себе для служения вечного перед его особой, а перед ним он кто, спрашиваю? В цепях колодничек. Вот порядок на земле и равно и на небе какой: чины здесь и чины там, и вот как разуметь надо: я свободен, и обратное: арестант перед высшим. Пророк великий — я, а посему вы передо мною — твари ползущие, а надо мною только одно солнце — Лай-Лай-Обдулай.

Гневом и силой зазвучал голос Парамона, подобно раскатам проносящегося грома, лицо все более бледнело, но казалось светящимся, так как его страшные глаза светились каким-то зловещим блеском. И в нем самом происходило не менее удивительное явление, несмотря на то, что его речь была колossalным враньем: он увлекался своими словами и проникался верой в свое небесное послание. Сознать это было для него высоким наслаждением, а потому порождало страшную путаницу мыслей, выход из которой был, однако же, всегда возможен с помощью грубых софизмов. Так обманывая всех, попирая истину ногами и ненавидя ее как своего врага-обличителя, Парамон совершил запутался, так как давно перестал замечать, где кончается правда и начинается его ложь, и, очутившись в темном лабиринте обманов, стал делать усилия, чтобы одурачить в конце концов и самого себя.

Благоговейное молчание продолжалось. Вдруг «пророк» расставил руки и с таинственным видом сказал:

— Тишина, тишина... да царит на земле, дети, как на небе...

Направляясь к гробу и медленно и плавно опуская руки, он снова загадочно повторил:

— Тишина!..

Одни листья орешника, не слушаясь «пророка», продолжали насмешливо шелестеть, но люди, точно очарованные чарами волшебника, стояли, как статуи, боясь даже дышать.

В это время Парамон, освободивши «письмена» от пальцев мертвого, поднял бумагу над головой и, как бы охваченный священным ужасом, сказал:

— Сам Лай-Лай-Обдулай начертал заповеди вам, дети. О, внимайте заповедям сим, дети, ибо даже ангелы на небесах внимать будут им, боясь шевельнуть крылом...

И вдруг, окончив эти слова и озарив глазами толпу, он крикнул необыкновенно громко и повелительно, подымая руки над головой:

— На колени!..

Людям показалось, что гром упал с неба вместе с этим приказом Парамона, колени их как бы сами согнулись, и

все стоящие там одним движением упали на колени. Был только один человек, который, стоя за «пророком», продолжал стоять, гордо поглядывая на толпу, — начальник Зеленого Рая.

Опять наступило молчание. Парамон смотрел куда-то вверх, как бы беседуя с кем-то незримым, и вдруг, не изменив позы, сказал:

— Есть здесь один, не преклонивший колен. Кто это?

Никто не отвечал, и священная тишина продолжалась, в то время как Василий вызывающе подбоченился. Парамон искоса взглянул на него, в груди его поднялась ярость, и опять зрачки его глаз как бы стрельнули прямо в горло брата. Кровавое облако стало перед ним и в нем — кинжал в горле Василисы. «Крови, еще крови!» — завопил голос в нем.

— Солнцесияющего некто обижает, — закричал снова он, глядя вверх, но уже каким-то шипящим от злобы голосом.

— Ангелы плачут, видя, как обижен неким светлый Лай-Лай-Обдулай... Ангелы плачут...

Прежнее молчание продолжалось, только Сусанна, стоя на коленях, сделала странное движение: подняла кинжал над головой, глядя засверкавшими диким вдохновением глазами на Василия. Последний продолжал стоять, еще с более гордым видом поглядывая на брата, хотя лицо его все более бледнело.

— Обижающий бога смерти достоин, — сказал Парамон, продолжая смотреть вверх.

— Смерть такому! — закричала Сусанна, и кинжал над ее головой задвигался в разные стороны.

— Кто это, кто? — снова воскликнул «пророк», продолжая смотреть вверх.

— О, высокий, как ты подымаешь руки мои покарать гордеца... Ангелы рыдают, рука подымается, и ты приказываешь: накажи, накажи!..

И, глядя вверх, Парамон медленно стал подымать руку с кинжалом под своей белой мантией, и общее молчание продолжалось.

— Га! — вырвалось громкое восклицание из уст «проро-

ка» в то время, как, сделав оборот, он взглянул на «оскорбителя бога». — Смерть тебе, смерть!.. — дико закричал «пророк» и, как тигр, сделав прыжок, устремил кинжал и зрачки своих засверкающих яростью глаз, перед которыми носилось кровавое облако, в гортань брата и вонзил его. Одновременно с этим и Сусанна с криком дикого вдохновения вонзила свой кинжал в спину Василия.

Дрогнула толпа в ужасе, но ни один человек не двинулся с места, даже ни один из охранителей особы начальника Рая: страх перед «пророком» смешивался со священным ужасом перед таинственным Лай-Лай-Обдулаем. И начальник Рая с кровавыми ручьями, текущими из горла и спины, повалился к ногам «пророка» мертвым.

— Гордец под пятой моей, и да славится имя Лай-Лай-Обдулая. Вот так!..

И Парамон своей расплюснутой ступней стал на грудь мертвого и, спокойно развернув «письмена бога», воскликнул:

— Внимайте!..

И среди гробового молчания стал читать:

— Заповеди Лай-Лай-Обдулая правоверным тварям его:

I

Помышление ума твоего — сети дьявола, а посему не думай, а верь.

II

Вера вознесет тебя на крыльях Лай-Лай-Обдулая в рай.

III

На крыльях Сатаны понесется в ад гордо думающий и осуждающий начальников.

IV

Что сеешь (для начальников) на земле, то пожнешь на небе.

V

Лоза, пляшущая на спине, — метла, выметающая скверну из сердца.

VI

Перед всякой властью сгибай твой хребет, перед равным выпрямляйся, перед слабым подымай твое копыто и рог.

VII

Обижаемого тобою тайно целуй в уста явно: это отводит глаза, и так поступай, пока не пронзишь насквозь его сердце. Когда же он будет в гробу, снова поцелуй его в уста: этим ты всех обманешь. Знай, однако же, в раю ты не будешь, но Сатана сделает тебя в своем аду почетным судьей.

VIII

Ударившему тебя по лицу подставь для удара и обе ланиты, если он начальник твой, если же он равен тебе, ударь его два раза, но если он слабее тебя, отсеки ему руку, а если он слаб и нищ и ударил тебя за твое беззаконие, отсеки ему руки и ноги и тело его брось на растерзание орлам.

IX

Правда в устах человека — меч острый: умей осторожно владеть им и бойся им поранить лицо сильное, чтобы ангелы не спели тебе «анафема», но если твоя правда — уголья, горящие в сердцах слабых и нищих, бросай эти уголья в сердца и всем рассказывай, что твоя правда их убила.

X

Ухо твое пусть подслушивает всякий говор про начальника и о всяком слове на властей доноси тайно, так что сын пусть доносит на отца, отец — на сына, брат — на брата, дочь — на мать, сестра — на сестру, и когда так все будете поступать, Лай-Лай-Обдулай закроет свои уши и простерет благословляющие руки над вами.

XI

Не называйте своим ни вола, ни жены своей, ни поля своего, ибо все — священная собственность Лай-Лай-Обдулай и его пророка — и леса, и поля, и воды. По своей милости, однако же, пророк даст вам, сколько вы заслуживаете, хотя не забывайте вот этого: имеющий наименьше на земле получит наибольшее на небе.

XII

Судьи да судят по правде и разуму своему, но так как правда в ином случае — ядовитое жало, а разум — двустворчатая дверь, то пусть вопрошают волю начальников и пророка, памятуя, что правда и разум перед пророком, как пыль и прах под ногами скачущего коня.

Пророк умолк, хотя он прочитал всего двенадцать заповедей, а не двадцать, как хотел, но оставшиеся восемь заповедей он приберегал исключительно для секретных наизданий различных начальников.

Он стоял, попирая ногой прах своего брата все с большим отвращением на лице, а толпа благолепно молчала, стоя на коленях и боясь даже дышать. Вдруг «пророк» гневно закричал, обращаясь к охране:

— Уберите эту падаль... волочите ее палками в яму, в яму... Лай-Лай-Обдулай гневается, что здесь еще этот смердящий гордец.

— Тыфу, тыфу!..

И Сусанна, подскочив к трупу, плонула в его глаза.

И когда начальника Рая поволокли палками, толпа шла, радуясь смерти жестокого гонителя своего и, плюя в лицо, кричала: «Да веселится светлый Лай-Лай-Обдулай и да живет его пророк».

* * *

Прошло ровно девять месяцев с того времени, как светлый Лай-Лай-Обдулай, заключившись в телесную храмину Парамона, вступил со своей «женой» в супружеские отношения. Результат не замедлил обнаружиться как раз в назначеннное природой время: Сусанна произвела на свет чудного младенца. «Пророк» был в восторге. С высоты башни выстроенного народом дворца он показал хорошенъского сыночка «высокого» всем жителям Зеленого Рая, подняв его высоко над головой. Все видели новорожденного, весь народ убедился в своем великом счастье: у них теперь был маленький живой бог. В громких приветственных кликах все высказывали свой восторг, бросали шапки кверху, а женщины даже всхлипывали от избытка умиления.

Три дня веселился народ. Двенадцать бочек русского целебного напитка выставлено было по всем концам Зеленого Рая, и потому пили и плясали до тех пор, пока не пада-

ли замертво, но и здесь удовольствия не прекращались: во сне им виделось, что ангелы возносят их в рай, воспевая малютку-бога.

На четвертый день из дворца выступила торжественная процессия: «жена бога» в белой одежде, с венком на голове и с младенцем на руках, ехала на верблюде, убранном красной тканью. Рядом с богами ехал «пророк» на таком же верблюде, а за ним шли телохранители с кинжалами в руках. Народ благоговейно падал на колени, многие посыпали их путь цветами и даже устилали снимаемыми с себя одеждами, женщины плакали от радости, что удостоились счастья видеть младенца «солнцесияющего».

Процессия три раза мерно прошла вокруг орешника, и потом таким же мерным шагом верблюды со своими драгоценными ношами направились обратной дорогой.

Всю ночь люди плясали, и над Зеленым Раem подымались испарения чудного напитка, вывезенного из святой Руси.

Прошло еще несколько времени, и Зеленый Рай сделался неузнаваем. Теперь он резко разделялся на два маленьких городка: один — царство бюрократов, состоящий из ряда высоких домов с башенками, колоннами и разными украшениями, и другой — царство мужиков и невольников, представляющий картину полного запустения и грусти. «Правительство» всосало в себя мужика, как спрут всасывает маленьких животных, и потом уже они расходятся по его внутренностям. Необозримые поля, виноградники, сады, леса теперь считались неприкосновенной, священной собственностью Лай-Лай-Обдулай и его «пророка», и за малейшее проявление сомнения в справедливости этого «крамольника» секли розгами, пока он не начинал представлять однокровавую массу. Таким образом, деревянный болван Лай-Лай-Обдулай оказывался вовсе не простым бревном, а очень кровожадным богом, требующим для себя крови, работы и денег. И мужики работали, работали, как скоты, от утренней зари до вечерней, возводили бюрократам, мелким чиновникам и разным «охранителям» целые дворцы, работали в поле, и в вознаграждение за все это отдавали решительно

все, что можно было с них собрать, напивались каждый день после работ и плясали перед священным болваном, после чего падали и валялись, как свиньи. При таких условиях они впали в полное равнодушие к удобствам своей собственной жизни, и вообще о своих особах никакого не заботились: «каторжное» существование заставляло «махать на все рукой», как это делает и рабочая серая скотина на святой Руси, где так много святых и чудотворцев, что не знаешь, перед кем и шапки снимать. Домики рабов бюрократов в Зеленом Раю, о которых уже никто не думал, стали постепенно приходить в разрушение, и вместо прежних рдеющих роз начали пышно разрастаться лопухи и крапива, среди которых часто можно было видеть валяющихся пьяных мужчин и женщин. Надо и то сказать, что ведь сам Лай-Лай-Обдулай только покорным, не заботящимся о себе и отдающим радостно все, что имеют, открывал небесные двери, как об этом оповещал в своих заповедях «пророк». Выходило так: чем хуже, тем ближе к блаженству, и крестьяне работали, пили, нищали, глупели, сделались подобострастными, животно-лукавыми, свирепыми, жестокими, легковерными, развратными. С поразительной быстротой люди утешали всякий человеческий облик и обратились в животных самых грязных, грубых и тупоумных. Исполнение данных «пророком» заповедей считалось обязательным для крестьян и за уклонение от них полагалось бесчисленное количество ударов розгами, а исполняя их, они искалечивались и тупели с поразительной быстротой. Так как подслушивания и доносы сделались также обязательными, причем сын должен был доносить на отца и наоборот, то скоро все члены семей прониклись подозрительностью, взаимной ненавистью, ожесточением и животным лукавством, так как надо было спасать свою шкуру. Они взаимно секли друг друга, не только отец сына, но иногда и наоборот: это одобрялось в случае неблагонадежности отца или матери.

Образовалось много чиновников в Зеленом Раю, так как это требовалось для поддержания режима и, кроме того, необходимы были разные управляющие «священной собственностью», сборщики оброков, акцизных сборов и т. д.

Для получения мест от кандидата требовалось два условия: 1) низость, глупость, предательство, низкопоклонство, — в общем, получался букет, называвшийся благонадежностью, и 2) протекция. Баба Афросинья сделалась раздавательницей мест, так как она стояла близко к «пророку» и его любовнице, а последняя ей верила, и баба Афросинья, измения людей своим собственным масштабом, «делала им карьеры» и даже из сумм «священной собственности» назначала пенсии. Постепенно из этих привилегированных лиц образовалась аристократия, под ногами которой разлагалася, гнил и вымирал Зеленый Рай.

ОБ АВТОРЕ

Анатолий Оттович Эльснер родился в 1856 г. в Херсоне в дворянской семье надворного советника О. Ф. Эльснера, инспектора училищ Херсонской губернии. Дед по матери — Ф. М. Гауеншильд, директор Царскосельского лицея, по отцу — барон Ф. Б. Эльснер (1770–1832), преподаватель военных наук в Царскосельском лицее, в конце жизни директор Главного инженерного училища.

Вероятно, жил какое-то время в Тифлисе, где происходит действие романа «Железный доктор» (1903) и где в 1897 г. вышел авторский сборник прозы, драм и стихотворений «Зеленая книга».

Публиковался как под собственным именем, так и под псевдонимами А. О. Эльснер-Коранский, А. О. Эльснер-Каранский, Цезарь Писарев, Юрий Кэр. Был членом Общества русских драматических писателей.

Опубликовал поэмы «Торквемада» (1888), «Палач и Христос» (1906), «Сойдите вниз» (1907), драмы «Современная героиня» (1892), «Человек судьбы (Наполеон)» (1905), исторический роман «Царь Петр Великий» (1903) и др.

Наибольший интерес представляет ряд фантастических и оккультно-мистических романов, опубликованных в предреволюционные годы: «Железный доктор» (1903), «Грозный идол, или Строители ада на земле» (1907), «Рыцарь духа» (1915), «Бес ликующий» (1916).

В начале 1917 г. А. О. Эльснер проживал в Петербурге на Крестовском острове. Судьба его после революции остается неизвестной.

Роман «Грозный идол» был впервые опубликован в Петербурге в 1907 г. Орфография и пунктуация текста приближены к современным нормам. Издательство выражает благодарность г-ну Н. Н., пожелавшему остаться неизвестным, за помощь в подготовке издания.

В оформлении обложки использован рисунок И. Билибина.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.